

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State University»

Научный журнал издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.

Перерегистрирован в связи со сменой наименования учредителя, Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-53180 от 14 марта 2013 г.)

Территория распространения — Российская Федерация

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» на 2015 год — 41011

© ФГБОУ ВПО «ПГНИУ», 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергафельд (доцент, канд. психол. наук)

Ответственный секретарь

Ирина Николаевна Черемных (инженер деканата философско-социологического факультета)

ФИЛОСОФИЯ

Олег Александрович Барз (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафовна Исмагилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Елена Леонидовна Омельченко* (профессор, докт. социол. наук, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Растко Мочник* (профессор отделения социологии Люблянского университета, Словения)

Международный редакционный совет

Джорджо Де Маркус (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен МакДауэлл* (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Рьюз* (профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Александр Строканов* (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), *Дмитрий Широков* (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), *Жига Кнап* (профессор, докт. философии, Люблянский университет, Словения), *Исаак Эберштейн* (профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru, fsf-vestnik@yandex.ru.
Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnitskikh (Professor, Doctor of Philosophy)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D.)

Executive Editor

Irina N. Cheremnych

(Engineer of the Philosophy and Sociology Department's Dean Office)

PHILOSOPHY

Oleg A. Barg (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Professor, Doctor of Philosophy, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Viktor D. Balin (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Asiya G. Ismagilova* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Professor, Doctor of Psychology, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Tula), *György Sarvari* (Ph.D., Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Professor, Doctor of Sociology, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Elena L. Omelchenko* (Professor, Doctor of Sociology, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Rastko Močnik* (Professor of the Department of Sociology, Ph.D., University of Ljubljana, Slovenia)

International Editorial Council

Giorgio De Marchis (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Alexandre Stokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D., Lyndon State College, Vermont, USA), *Dmitri Shirokanov* (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Žiga Knap* (Professor, Ph.D., University of Ljubljana, Slovenia), *Isaac Eberstein* (Charles Meade Grigg Professor of Sociology, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Ценностный вызов для развития этического лидерства: исследовательские и практические вопросы для лидерства, основанного на ценностях. Статья первая <i>Лихтенштейн С., Эйткен П.</i>	5	The values challenge for developing ethical leadership: research and practice agenda for values-based leadership. Part 1 <i>Scott Lichtenstein, Paul Aitken</i>
Культура и цивилизация: проблема взаимосвязи. Исторический и теоретико-методологический аспекты <i>Кузнецова Е.В.</i>	19	Culture and civilization: the problem of relationship. Historical and theoretical and methodological aspects <i>Evgeniya V. Kuznetsova</i>
Метафоры сознания в философском дискурсе <i>Абраменко В.И.</i>	25	Metaphors of consciousness in philosophical discourse <i>Vyacheslav I. Abramenko</i>
Ж.-Ж. Руссо как предшественник Дж. Ролза <i>Кiryухин Д.И.</i>	31	Jean-Jacques Rousseau as John Rawl's predecessor <i>Denys I. Kiryukhin</i>
Русский и западноевропейский философский нигилизм: сходства и различия <i>Нагой Ф.Н.</i>	40	Russian and west european philosophical nihilism: similarities and differences <i>Fatima N. Nagoy</i>
Проблема пространства и движения в квантовой механике <i>Годарев-Лозовский М.Г.</i>	48	The problem of space and motion in quantum mechanics <i>Maxim G. Godarev-Lozovsky</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Рефлективные адаптации характера и социометрический статус <i>Балабина А.Д.</i>	55	Reflexive characteristic adaptations and sociometric status <i>Arina. D. Balabina</i>
Систематизация отечественных исследований и кросс-культурные перспективы изучения перфекционизма <i>Пермякова Т.М., Шевелева М.С.</i>	65	Perfectionism studies in Russia and their cross-cultural prospects <i>Tatyana M. Permyakova, Marina S. Sheveleva</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Мультикультурализм в странах Западной Европы: причины неудачи <i>Пинаев П.В., Яцкевич Ю.Ю.</i>	74	Multiculturalism in Western Europe: causes of failure <i>Pavel V. Pinaev, Yulia Yu. Yatskevich</i>
Семейные практики защиты детства <i>Филипова А.Г.</i>	81	Family practices of childhood's protection <i>Alexandra G. Filipova</i>

Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания <i>Попова В.О., Балезина Е.А.</i>	88	Role of mass media in formation of stereotypes of mass consciousness <i>Valeria O. Popova, Ekaterina A. Balezina</i>
Интеграция социальной коммуникации в дискурсе инноваций <i>Шилина М.Г.</i>	95	Integration of a social communication in innovative discourse <i>Marina G. Shilina</i>
Потребительские настроения населения Вологодской области в условиях социально-экономических изменений <i>Дементьева И.Н.</i>	105	Consumer sentiment in Vologda region in terms of socio-economic changes <i>Irina N. Dementieva</i>

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

«Единство и многообразие русской философии». Круглый стол в редакции журнала «Вестник ВятГГУ», февраль 2015 года <i>Ненасhev М.И.</i>	119	«The Unity and Diversit of Russian philosophy». The Round table in editorial office of «Vyatka State Humanities University Herald», February, 2015 <i>Mikhail I. Nenashev</i>
Информация для авторов	125	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 17.021.2

**THE VALUES CHALLENGE FOR DEVELOPING ETHICAL
LEADERSHIP: RESEARCH AND PRACTICE AGENDA FOR VALUES-
BASED LEADERSHIP. PART 1***

Lichtenstein Scott

Birmingham City University (Great Britain)

Aitken Paul

Bond University (Australia)

Inspired by the spirit of the New Romantics of responsible leadership, this developmental paper argues that to achieve the shared aim of shifting 'from value to values' a move towards «moral capitalism» would be less constructive than embracing values-based leadership for sustainability.

This paper draws on a review of the nature of development, leadership development practice, empirical work and the use of metaphor to illustrate how morality varies by personal value systems. The Objectivists' view of the development and character of a person stemming from an external source including the Ten Commandments is juxtaposed to the Integrationists' viewpoint of modern science adopted by this paper; that leadership development is best guided not by moral norms but values-based leadership where motivational sources of human behaviour influence the actions of individuals and groups.

This paper explores three propositions: (i) Moral capitalism is over-simplistic when using ecological science to explore the relationship of leadership development to business, (ii) Moral development is less helpful than values-based leadership development, and (iii) Morality varies by leader's personal values.

Building on previous work of motivational and values theorists with our own research and practice, we examine the moral dynamic of how definitions of morality and moral capitalism vary by leader's personal values. For researchers, a review and extension of values-based leadership is provided, relevant empirical data presented and areas for further research are indicated. For practitioners, an assessment framework to track the invisible forces influencing perspective and behavior is given with questions of how to be authentic whilst pursuing a sustainable agenda amongst stakeholders with different values.

Key words: personal values; leadership development; capitalism; mutuality; sustainability.

Introduction

There is a burgeoning commentary on the differential benefits and costs of «capitalism», with accompanying re-definitions such as «responsible capitalism», or «moral capitalism», or «conscious capitalism», or «compassionate capitalism» in an attempt to change the predominant discourse and improve the way we work and live together in our natural context [18, 35].

However, much less attention has been paid to the purpose and role of leadership and the nature of leadership development in enacting these new paradigms, even though we attempt to mirror the languages, e.g. «ethical leadership» [7]. As a result, people's values based motivations are mainly ignored, with an assumption that the power of argument alone will both create and sustain change.

Our proposition is human intent and impact would be best considered through a «pragmatic» leadership lens [22], by exploring the content and influence of diverse personal values; so that considerations of different ways to conduct human enterprise remain open to learning, with reflective and informed behavior and action. Also, rather than constraining our ideas by continuing to mine the same

* First, the main ideas of the article were published in English as Abstract for 6th Developing Leadership Capacity Conference, 7–9 July, 2014, Lancaster University Management School. Interpretation of the article in Russian was provided by S. Turabova and A. Vnitskikh (pp. 12–18 of this Issue of the Journal).

body of human business knowledge, we look at illustrative examples from nature when considering morality, leadership purpose and leader's values; and, in particular, self-governing, mutually beneficial, relationship systems, thereby employing a relational view of leadership as a social influence process [24].

The response of the business education community to growing socio-economic-environmental «dis-ease» has been muted

Despite the fact more than 90 % of the world's economically active population work for types of enterprise with ownership-governance-businessmodels which differ from the major global public shareholding limited companies, there is an implicit assumption and an everyday business media projection that profit maximisation, and the concomitant accountability to an elite cabal of shareholders/owners, is the only game in town [26]. This narrative is increasingly devoid of concern for a well-functioning community within its natural eco-system; and academics are increasingly calling for a more sophisticated conceptualisation of capitalism, imbued with reciprocity and shared reward [27]. Regardless of these more critical stances and even mainstream studies which indicate a strong correlation between enterprises scoring highly on environmental and social governance activity and share-price/dividend performance (e.g. adding 0.3 % per month shareholder return over a five year period (Hermes Fund Managers analysis of 1600 companies in the MSCI World Index, 2014), the predominant discourse for practicing managers and those who educate them remains largely unchanged. It seems extremely difficult to get managers and their educators to understand a counter argument, when the respective salaries of both depend on the status quo. This behavior is in itself influenced by their respective personal values.

«Morality» insights from the natural world

It is unsurprising therefore that any reward systems predicated solely on transactional exchange such as short-term cash, leads to an «easy come, easy go» transactional employment relationship; and in its most virulent form, «zero hours» contracts. In ecology, «symbiosis» (from Ancient Greek σύν «together» and βίωσις «living») is a close and often long-term interaction between two or more different biological species. In 1877, Albert Bernhard Frank used the word symbiosis (which previously had been used to depict people living together in community) to describe the mutualistic relationship in lichens. In 1879, the Ger-

man mycologist Heinrich Anton de Bary defined it as «the living together of unlike organisms» (Wikipedia).

The definition of symbiosis is controversial among scientists. Some believe symbiosis should only refer to persistent mutualisms, while others believe it should apply to any types of persistent biological interactions (i.e. mutualistic, commensalistic, or parasitic). After many years of debate, current biology and ecology textbooks now use the latter «de Bary» definition or an even broader definition (i.e. symbiosis equates to all species interactions), with absence of the restrictive definition (i.e. symbiosis equals mutualism). Some symbiotic relationships are obligate, meaning that both symbionts entirely depend on each other for survival. For example, many lichens consist of fungal and photosynthetic symbionts that cannot live on their own. Others are facultative, meaning that they can, but do not have to live with the other organism (Wikipedia).

Mutualism is any relationship between individuals of different species where both individuals benefit. For us, this is the embodiment of «morality» within the workplace, and between the enterprise and its connections to the wider social and environmental eco-system. *Commensalism* describes a relationship between two living organisms where one benefits and the other is not significantly harmed or helped. It is derived from the English word commensal used of human social interaction. The word derives from Latin, formed from com- and mensa, meaning «sharing a table». We argue, that most enterprise is predicated on this «amoral» notion. By contrast, «Parasitism» based relationships are ones in which one member of the association benefits while the other is harmed; and by extension this represents an «immoral» code of enterprise conduct, which has been coined «brute» capitalism (Young, 2003). A proposed link between symbiotic tendencies and morality is given in Table below.

Proposed Links to Symbiosis/Morality Tendency

Symbiotic Tendency	Morality Tendency
Mutualism	Moral
Commensalism	Amoral
Parasitism	Immoral

Interestingly, the business news media and business school case studies tend to over-report the commensalism stories, except where human life and/or natural life form is threatened or lost as a result of parasitism, e.g. Bangladeshi cheap clothing

production factory collapses and the BP oil platform disintegration in the Gulf of Mexico; whilst mutualism is under-reported, even though mutual type enterprises tend to outperform their counterparts, especially in austere times, e.g. Barcelona Football Club, Huawei, and Nationwide Building Society.

Using the «mutualistic-commensalistic-parasitic» typology as an analogy for considering the morality of internal and external enterprise relationships, we in the leadership development community would gravitate towards re-framing our focus to encourage managers, through leadership development processes, to consider forging longer-term sustainable transformative «belonging» based on transformative values, rather than low-trust short-term transactional relationships based on self-serving values. However, we must acknowledge that there is a «moral dynamic» in which those who we are trying to influence are already influenced by notions of a commensalistic or parasitic relationship between their organisation and its environment leadership and business and therefore have immoral or amoral perspectives on the nature of moral capitalism. We believe being aware of this dynamic amongst those we are developing is a necessary first step to designing processes towards reframing to a longer term, more sustainable, mutual transformative future.

The application of ecological science indicates «moral capitalism» is over simplistic. It is argued that the relationship between leadership development to business parallels ecological relationships in the natural world: *Mutualistic*, *commensalistic* and *parasitic*. Moreover, these types of ecological and leadership-business relationship map onto different types of morality: *Moral*, *amoral* and *immoral*. To overcome the over-simplicity of leadership-business relationship to «moral capitalism», the following proposition is put forward: **Proposition 1: There is a link between symbiotic relations in the natural world and moral tendencies in business.**

The next section reviews perspectives concerning what underpins leadership development in a moral capitalism context.

The power of personal values exploration in leadership development

Understanding what underpins the symbiotic morality dynamic is best explained by a values-based perspective. Frondizi [10] argues that morality like virtue stems from an *Objectivist* view of the development and character of a leader from an external source including the Ten Commandments. From this ontological perspective moral development is pro-

scribed by God or Aristotle's and Socrates' inquiry into virtue based on immortal forms of human excellence [10, 11]. The counterpoise of the Objectivist's stance is the *Subjectivist* view which stems from the Existentialist Movement at the end of the 19th century that understands human development and values as solely internal to the individual, as the consequence of one's own priorities and choices [10, 11]. Expressed in the works of Nietzsche [23], and Sartre [31], development and personal values are precisely the choosing of significant priorities of our lives. The *Integrationist* viewpoint is that of modern social science and the perspective of this paper which argues that it is more useful than the Objectivist or Subjectivist view of moral development.

The Integrationist perspective is that leadership development and values are not simply and narrowly moral norms or wholly subscribed by the individual, but motivational sources of human behaviour that underpin the actions of individuals and groups [2, 19, 25, 28, 29, 32]. As Burns (2003) put it, Leaders embrace values; values grip leaders", and "values play a central role in binding would be leaders and followers, broadening moral frames of reference, and serving variously as a needed unifying and dividing force. Addressing fundamental questions of human nature, values help to clarify the relations between individualism and collectivism, self-interest and altruism, liberty and equality — issues at the heart of political conflict — and in the process establish a leadership agenda for action [6]. The extant literature [30] indicates the critical importance of the leadership agility practice «Personal Values Sensitivity», defined as tune into all the interests, beliefs and motivational drivers present in important communication and interaction, starting with your own [21].

Unfortunately, our general experience of business schools leadership curricula across the world finds development of knowledge based cognition as the main priority, rather than deep reflection on personal values and their often unconscious impact [1]. Devoid of such guided personal insight, the espoused language of leadership and business may change, without actually changing any intentions, decisions, or actions. Also, not all those who find themselves in positions where leadership is a social influence process [24] will be able to become more moral even with a change in discourse or facilitated leadership learning, as studies from coaching psychology indicate potential personality-values based limits of leadership behavior patterns, including «remarkable», «perilous» and «toxic» patterns [34]. Population studies of ethi-

cal decision making [16] also reveal the use of three main moral consciences utilised as we morally mature; «rule conscience» (do as you are told), «social conscience» (do what's best for others) and «principled» conscience (doing what's fair with courage and self-discipline).

Within these constraints, our role as leadership developers is to bring to the surface the content, motivational force and impact of personal values. Set within an educational model which the physicist Murray Gell-Mann described as «Odyssean», such learning would synthesise the natural sciences, the social sciences, the humanities and the arts into a trans-disciplinary, integrative study of humans' most existential problems, the connections between them, and the actions most likely to solve or mitigate them. Such learning would become a personal values guide to discovering and enacting our moral compass within our contemporary context, rather than subjugating us to the hegemony of economic man in economics based business administration. Case studies would represent the varietal forms of human enterprise and their purposes, together with alternative leadership role models [4]. Based on the argument that Leaders' values are at the heart of leadership's concern with behaviour that is best understood from an Integrationists' view, the following proposition is developed: **Proposition 2: Values-based leadership development based on an Integrationist viewpoint of values as motivational sources of human behaviour that underpins leaders' social influence is a more useful developmental perspective than the Objectivist view of moral development proscribed by an external force.**

The next section seeks to establish a foundation for leadership development, which focuses on value systems and what underpins them.

From Values to Value Systems

The potential impact of values as a component of leadership cognition and the social influence process [6] together with insights from values theorists [32] leads to the consideration by Rokeach [29] of the relationship between individual values and motivation that values are cognitive representations of internal needs. Moreover, he proposes that values express basic human needs and thus motivate social behaviour needs [28]. Indeed it has been suggested that values can be considered to be deep-seated beliefs and directed towards individuals' needs and motivations [2, 3, 19]. Although needs theorists such as Heider [14] and McClelland [21] recognize that needs are accompanied by feelings and emotions, values theorists

have hitherto overlooked that values, for example, *Freedom* and *Security*, are essentially emotional states that individuals either want to experience or avoid.

Lee and England [8] identified seven ways in which values affect leaders: (i) Values effect leaders' perceptions of situations, (ii) leaders' values affect the solutions they generate regarding problems, (iii) values play a in interpersonal relationships, (iv) Values influence perceptions of individual and organizational successes, (v) values provide a basis for differentiating between ethical and unethical behaviour, (vi) values affect the extent to which leaders accept or reject organizational pressures and goals, (vii) personal values may also affect managerial performance.

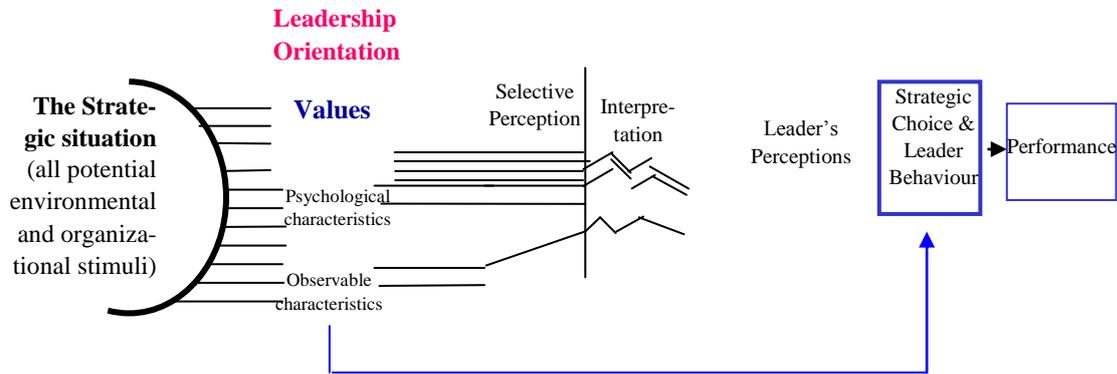
Hambrick & Mason's [13] upper echelon theory and Finkelstein & Hambrick's (9, p. 54) extension to it as seen in Figure provide a theoretical model that illustrates that leaders' personal values act as a perceptual filter for how leaders perceive the external environment and shapes strategic choice, behaviour and ultimately organisational performance.

The understanding of and previous research into values has suffered from a focus on individual values that (i) results in low reliability [32, 33], (ii) ignores equally or more meaningful values [32, 33], and (iii) ignores the premise that individuals make trade-offs among competing values according to their values priorities [2, 12, 19, 29, 32]. Individuals' values priorities underscore a critical characteristic of values: they are organised in a hierarchical system ordered by relative importance to one another [19, 29, 32, 33]. Although there are universally held values, an individual, and in the aggregate, groups, will espouse a dominant set of values, "*At the top of each person's system are a small handful of dominant values of paramount importance*" [12, p. 6]. Therefore, a dominant value system exists for each person that is more important to understand than single values [12, 29, 32].

Operationalisation of the concept of values systems is notably informed by Maslow's [19] hierarchy of needs theory and its subsequent relationship to values systems. Indeed, Baker [5] observes that the dominant values instruments are based on Maslow's hierarchy of needs (for example Rokeach's Value Survey, Kahle's List of Values and proprietary instruments of Stanford Research International's Values and Lifestyles (VALS)). Maslow's original work which proposed the Hierarchy of Needs presents a model of human psychological development that facilitates understanding of the basis of human values and the way they can change over time from birth to death. Maslow's observations and

qualitative research led him to the insight that as human beings we are all born with a set of needs that drive our perception of reality and behaviours. These needs are complex and form our “value system”. He proposed that it is these value sets which form the basis of differing individual needs. Maslow [19] proposed three core motivational domains. These

were: (i) *Sustenance Driven* needs: physiological survival, security, and a sense of belonging; (ii) *Outer-Directed* needs: recognition; significance and self-esteem; and (iii) *Inner-Directed* needs: self-actualization; personal growth, contribution to others and transcendence of all needs.

Adapted from Hambrick & Mason (1984); Finkelstein and Hambrick,

Executive values' impact on performance

In a relatively recent empirical study of executives, Lichtenstein [17] tested Maslow's [19] assertion that executives' personal value systems are related to Maslovian Sustenance Driven, Outer- and Inner Directed needs in the first operationalisation of this in a management context. In a study of 163 Owner-, Senior- and Middle managers, Kotey and Meredith's [15] List of Values (LoV) 28 item personal values scale (Cronbach $\alpha = 0.87$) was used to measure executives' personal values that were categorised by subjecting it to principal components analysis. Drawing on Maslow's (1970) theory of Inner Directed, Outer Directed and Sustenance Driven value groups, an a priori theory-driven approach was used to derive a three factor extraction. The rotated solution revealed all three factors showing strong loadings with theoretically predicted results: (i) The Sustenance Driven value system espoused the traditional values of *Loyalty, Trust, Compassion* and *Affection* (Cronbach $\alpha = 0.79$), (ii) the Outer Directed value system espoused the core esteem-seeking values of *Power, Prestige, Ambition* and *Aggression* (Cronbach $\alpha = 0.64$), and (iii) the Inner Directed value system espoused the entrepreneurial values of *Innovation, Risk* and *Creativity* (Cronbach $\alpha = 0.72$). The results found strong support for the underlying theoretically proposed values system which com-

prised each motivational domain thus supporting Maslow's [19] assertion that value systems correspond to and are driven by underlying needs.

(To be continued)

References

1. Aitken P. The relationships between Personal Values, Leadership Behaviour and Team Functioning. Doctor of Business Administration Thesis, Henley Management College/Brunel University. 2004. 59 p.
2. Allport G.W. *Becoming: Basic considerations for a psychology of personality*. New Haven, CT: Yale University Press, 1955. 106 p.
3. Allport G.W. *Pattern and growth in personality*, New York: Holt, Rinehart & Winston, 1961. 593 p.
4. Andrews P., Woods F. *Uberpreneurs: How to Create Innovative Global Businesses and Transform Human Societies*. Palgrave Macmillan. 2014. 338 p.
5. Baker S. *Placing Values Research in a Theoretical Context* // Elfring T., Siggard J.H., Money A. *Theory Building in the Business Sciences*. Copenhagen: Handelshoyskolens Forlag, 1996.
6. Burnes J.M. *Transforming Leadership*. N.Y.: Grove Press, 2003. 240 p.
7. Ciulla J. *Ethics: The heart of leadership* (second edition). London: Praeger, 2004. 198 p.

8. *England G.*, Lee R. The relationship between managerial values and managerial success in the United States, Japan, India, and Australia // *Journal of Applied Psychology*. 1974. Vol. 59, no 4. P. 411–419.
9. *Finkelstein S.*, Hambrick D. Top Management Team Tenure and Organisational Outcomes: The Moderating Role of Managerial Discretion // *Administrative Science Quarterly*. 1996. No 35. P. 484–530.
10. *Fronzizi R.* What Is Value? LaSalle, IL: Open Court Publishing, 1971. 198 p.
11. *Hall M.* Systems Thinking and Human Values: Towards a Practical Organisational Intervention Methodology, PhD Thesis / University of Lincolnshire and Humberside. 1997.
12. *Hambrick D.C.*, Brandon G.L. Executive Values // *Hambrick D.C. The Executive Effect: Concepts and Methods for Studying Top Managers*. Greenwich, Connecticut: JAI Press, 1988. P. 3–34.
13. *Hambrick D.C.*, Mason P.A. Upper Echelons: The Organisation as a Reflection of its Top Managers // *Academy of Management Review*. 1984. No 9, P. 193–206.
14. *Heider F.* The psychology of interpersonal relations. N.Y.: John Wiley & Sons, 1958. 322 p.
15. *Kotey B.*, Meredith G.G. Relationship among Owner/Manager Personal Values, Business Strategies, and Enterprise Performance // *Journal of Small Business Management*. 1997. Vol. 35, no 2. P. 37–64.
16. *Lewis C.* Ideas at work // *The Times*. October 8. 2008.
17. *Lichtenstein S.* Strategic Co-alignment: Strategic, Executive values and organisational Goal orientation and their Impact on Performance. PhD Thesis, Henley Management College / Brunel University. 2005. 19 p.
18. *Maak T.* Responsible leadership, stakeholder engagement, and the emergence of social capital // *Journal of Business Ethics*. 2007 No 74. P. 329–343.
19. *Maslow A.H.* Motivation and Personality (2nd ed.). N.Y.: Harper & Row, 1970. 369 p.
20. *McClelland D.C.* How motives, skills and values determine what people do // *American Psychologist*. 1985 Vol. 40, no 7. P. 812–825.
21. *McKenzie J.*, Aitken P. Learning to Lead the Knowledgeable Organization: Developing Leadership Agility // *Strategic HR Review*. 2012. Vol. 11, no 6. P. 329–334.
22. *Mumford M.D.*, Van Doorn J.R. The Leadership of pragmatism: Reconsidering Franklin in the age of charisma // *The Leadership Quarterly*, 2001. No 12. P. 279–309.
23. *Nietzsche F.* Genealogy of Morals and Ecce Homo, W. Kaufmann (ed.) (), N.Y.: Random House, 1967. 243 p.
24. *Parry K.W.* Grounded Theory and Social Process: A new Direction for Leadership Research // *The leadership quarterly*. 1998. No 9(1). P. 85–105.
25. *Parson T.*, Shils E. Towards a General Theory of Action: Theoretical Foundations for the Social Sciences. N.Y.: Harper Torchbooks, 1951. 265 p.
26. *Pless N.M.*, Maak T., Waldman D.A. Different Approaches Toward Doing the Right Thing: Mapping the Responsibility Orientations of Leaders // *Academy of Management Perspectives*. 2012. No 26(4). P. 51–65.
27. *Porter M.E.*, Cramer M.R. Creating Shared Value // *Harvard Business Review*, 2011, Jan-Feb. P. 62–77.
28. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. London: The Free Press, Collier MacMillan Publishers, 1973. 401 p.
29. *Rokeach M.* From individual to institutional values with special reference to the values of science // *Rokeach M. Understanding Human Values*. N.Y.: Free Press, 1979. P. 47–70.
30. *Russell R.F.* The role of values in servant leadership // *Leadership & Organizational Development Journal*. 2001. Vol. 22, iss. 2. P. 76–84.
31. *Sarte J.-P.*, Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology. N.Y.: Washington Square Press, 1953. 783 p.
32. *Schwartz S.* Value Priorities and Behavior: Applying a Theory of Integrated Value Systems // *Seligman C.*, Olson J.M., Zanna M.P. The Psychology of Values: The Ontario Symposium. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1996. Vol. 8. P. 119–144.
33. *Schwartz S.*, Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53, no 3. P. 550–562.
34. *Wasylyshyn K.M.*, Shorey H.S., Chaffi J.S. Patterns of leadership behavior: Implications for successful executive coaching outcome // *The Coaching Psychologist / British Psychological Society*. 2012. Vol. 8, no 2. P. 74–85.
35. *Young S.* Moral capitalism: Reconciling private interest with the public good. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2003. 226 p.

The date of the manuscript receipt 11.03.2015

About the authors

Lichtenstein Scott

Ph.D., Senior Lecturer

Birmingham City University, Perry Barr,
Birmingham, B42 2SU, Great Britain
e-mail: Scott.Lichtenstein@BCU.ac.uk

Aitken Paul

Ph.D., Adjunct Professor

Bond University,
1, Parkhouse Road, Minehead,
Somerset TA24 8AB (UK), Australia;
e-mail: paul.aitken@masteringleadershipagility.com

Об авторах

Лихтенштейн Скотт

доктор наук, старший преподаватель

Бирмингемский городской университет,
Великобритания, Бирмингем, округ Перри Барр;
e-mail: Scott.Lichtenstein@BCU.ac.uk

Эйткен Пол

доктор наук, адъюнкт-профессор

Университет Бонд,
Австралия, Сомерсет,
e-mail: paul.aitken@masteringleadershipagility.com

Please cite this article in English as:

Lichtenstein S., Aitken P. The values challenge for developing ethical leadership: research and practice agenda for values-based leadership. Part 1 // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 5–11.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лихтенштейн С., Эйткен П. Ценностный вызов для развития этичного лидерства: исследовательская и практическая повестка для лидерства, основанного на ценностях. Статья первая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 5–11.

УДК 17.021.2

ЦЕННОСТНЫЙ ВЫЗОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭТИЧНОГО ЛИДЕРСТВА: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДЛЯ ЛИДЕРСТВА, ОСНОВАННОГО НА ЦЕННОСТЯХ. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ*

Лихтенштейн Скотт

Бирмингемский городской университет (Великобритания)

Эйткен Пол

Университет Бонд (Австралия)

В статье утверждается, что для достижения общей цели перехода «от ценности к ценностям» движение в сторону «морального капитализма» менее конструктивно для обеспечения устойчивости, чем принятие лидерства, основанного на ценностях.

Статья основана на анализе сущности развития, практики развития лидерства и эмпирической работы, на использовании метафор, которые показывают, как мораль зависит от личной системы ценностей. Обсуждается объективистский взгляд на развитие и характер личности, вытекающий из внешних источников, включая «Десять заповедей», и примыкающий к интеграционистским взглядам на современную науку: показано, что развитие лидерства в основном ориентировано не на моральные нормы, а на ценностно-ориентированное лидерство, в котором мотивационные ресурсы человеческого поведения влияют на действия индивидов и групп.

Рассматриваются три теории: 1. Моральный капитализм слишком упрощает ситуацию, когда использует экологические аналогии для изучения отношений развития лидерства и бизнеса. 2. Развитие морали менее полезно, чем развитие ценностно-ориентированного лидерства. 3. Мораль зависит от личных ценностей лидера. На основе теоретических работ, посвященных анализу мотивации и ценностному подходу, нашего научно-практического опыта мы рассматриваем нравственную динамику определения морали и морального капитализма через изменение личной системы ценностей лидера. Рассматривается понятие ценностно-ориентированного лидерства, представлена соответствующая эмпирическая база и указываются пути дальнейшего исследования. Для практиков будут интересны система оценки «невидимых сил», влияющих на перспективы и поведение, а также то, как сохранить аутентичность и, одновременно, решать поставленные задачи, если имеешь дело с заинтересованными людьми, у которых разные ценности.

Ключевые слова: личные ценности; развитие лидерства; капитализм; взаимная выгода; устойчивость.

Введение

В последнее время очевиден растущий интерес к вопросам дифференциации выгод и издержек капитализма, сопровождающий его определение «переопределениями», например «ответственный капитализм», «моральный капитализм», «сознательный капитализм» или «сострадательный ка-

питализм», посредством которых стремятся изменить преобладающий дискурс и улучшить работу и жизнь в нашем естественном контексте [18, 35].

Одновременно намного меньше внимания уделяется цели, роли и природе развития лидерства в принятии этих новых парадигм, хотя мы и пытались это представить лингвистически, например, через концепт «этическое лидерство» [7]. Как результат, человеческие мотивации, основанные на ценностях, практически игнорировались, допускалось, что только сила доводов может создавать и поддерживать изменения.

По нашему мнению, человеческие намерения и их последствия лучше всего рассматривать через призму «прагматического» лидерства [22], исследуя содержание и влияние различных персональных ценностей; таким образом, соображения

* На английском языке основные идеи статьи были опубликованы как абстракт VI конференции «Developing Leadership Capacity Conference» (7–9 July, 2014, Lancaster University Management School). На русском языке статья публикуется впервые (перевод С.Ш. Турабовой и А.Ю. Внутских). С английским оригиналом статьи можно ознакомиться в данном выпуске журнала на с. 5–11.

о различных способах управления в ходе предпринимательской деятельности остаются открытыми для изучения с учетом рефлексивного и осознанного поведения и действий. Кроме того, вместо ограничения наших идей базовыми знаниями о бизнесе мы берем наглядные примеры, рассматривая мораль, цели лидерства и ценности лидеров — в частности, самоуправление, взаимную выгоду, систему взаимоотношений, используя при этом реляционный подход к лидерству как к процессу социального влияния [24].

Реакция сообщества бизнес-образования на усугубляющуюся социально-экономическо-экологическую «болезнь» подавляется

Несмотря на то что более 90 % экономически активного населения в мире работает на предприятиях с частногосударственной моделью управления, которая отличается от основных глобальных акционерных компаний, существует неявное допущение, проекция в бизнес-СМИ того, что максимизация прибыли и сопутствующая подчиненность элитной группе собственников/акционеров является единственно возможной [26]. Этот нарратив все более и более избегает заботы о хорошо функционирующем сообществе с его естественной «экосистемой»; и ученые все чаще призывают к более продуманной концептуализации капитализма, проникнутой взаимностью и общим вознаграждением [27]. Независимо от этих наиболее критических позиций да и обычных исследований, которые указывают на сильную корреляцию между предприятиями, которые выигрывают в экологическом и социальном управлении и ценами/дивидендами в бизнесе (например, добавление 0,3 % ежемесячно к акционерной прибыли в течение пяти лет (анализ 1600 компаний в мировом индексе MSCI менеджерами фонда Гермес, 2014), преобладающий дискурс для практикующих менеджеров и тех, кто их обучает, остается неизменным. Кажется крайне сложным дать осознать менеджерам и их педагогам соответствующий контраргумент, когда зарплаты и тех, и других полностью зависят от сохранения текущего состояния дел. Подобное поведение само по себе находится под влиянием соответствующих личных ценностей.

«Моральные инсайты» из мира природы

Неудивительно поэтому, что любая система поощрения основывается на транзакционном обмене вроде краткосрочного обналаживания, что приводит к транзакционным трудовым отношениям по принципу «легко пришло — легко уй-

дет» и к их наиболее опасной форме — «нулевым контрактам». В экологии «симбиоз» (от древнегреческого σύν «вместе» и βίωσις «живой») — это закрытое и всегда длительное взаимодействие между двумя или более различными биологическими видами. В 1877 г. Альберт Бернад Франк использовал слово симбиоз (которое ранее применялось для описания людей, живущих в сообществах вместе), чтобы объяснить мутуалистические отношения лишайников. В 1879 г. немецкий миколог Генри Антон де Бари определил его как совместное проживание различных организмов.

Сейчас определение симбиоза является предметом дискуссий. Некоторые ученые считают, что симбиоз должен относиться только к стойкой взаимной выгоде, другие же полагают, что симбиоз должен применяться к любыми типам стойких биологических взаимодействий (т.е. мутуалистических, комменсалистских или паразитарных). После долгих лет споров учебники биологии и экологии используют последнее определение, которое дал де Бари, или даже более широкое определение: т.е. симбиоз соответствует всем видам взаимодействия, исключая ограничивающее определение (т.е. симбиоз соответствует взаимной выгоде). Некоторые симбиотические отношения являются облигатными. Это означает, что оба симбионта в процессе выживания полностью зависят друг от друга. Например, многие лишайники состоят из грибковых и фотосинтезирующих симбионтов, которые не могут жить сами по себе. Другие же имеют факультативный характер: они могут, но не должны жить в тесном взаимодействии с другим организмом.

Мутуализм — это любые отношения между двумя разными видами, когда оба получают пользу. Для нас это воплощение «морали» на рабочем месте, а также связи между предприятием и более масштабной социальной и природной экологической системой. Комменсализм объясняет отношения между двумя живыми организмами, где один получает пользу, а другой существенно не пострадал, но и не помог. Слово происходит от английского слова «commensal», которое использовалось для характеристики социального взаимодействия людей. Английское же произошло от латинского, сформированного от com- и mensa, что означает «за одним столом». Мы доказываем, что большая часть предприятий основывается на этом «аморальном» принципе. «Паразитизм» базируется на отношениях, где член ассоциации получает пользу, если кто-то пострадал, и расширение этого принципа представляется как «безнравственный» закон поведения на предприятии, «грубый» капитализм

[35]. Связь между симбиотическими тенденциями и моралью показана в таблице.

Связь между симбиотическими/моральными тенденциям

<i>Симбиотическая тенденция</i>	<i>Моральная тенденция</i>
Мутуализм	Моральный
Комменсализм	Аморальный
Паразитизм	Безнравственный

Интересно, что в бизнес-СМИ и тематических исследованиях в бизнес-школах, как правило, говорится о комменсализме, кроме случаев, когда человеческая жизнь и/или естественная форма жизни находятся в опасности или потеряны в результате паразитизма, например, фабрика по производству дешевой одежды закрывается в Бангладеш, нефтяная платформа британской нефтяной компании разваливается в Мексиканском заливе. Значение мутуализма в этом случае принижается, хотя предприятия мутуалистического типа, как правило, превосходят своих «коллег», особенно в тяжелые времена, как, например, футбольный клуб «Барселона», «Хуавэй», «Общественное строительное общество».

Используя типологию «мутуализм-комменсализм-паразитизм» как аналогию для рассмотрения морали внутренних и внешних отношений на предприятиях, нам следовало бы сосредоточить внимание на сообществе развивающегося лидерства, чтобы побуждать менеджеров к развивающему лидерству, формировать более долгосрочную устойчивую «принадлежность», основанную на устойчивых ценностях, а не на недоверии к краткосрочным транзакционным отношениям, фундированным корыстными ценностями. Тем не менее мы должны признать, что существует «моральная динамика», в которой те, на кого мы пытаемся повлиять, уже находятся под влиянием комменсалистских или паразитических отношений и, следовательно, имеют безнравственную или аморальную перспективу с точки зрения морального капитализма. Мы считаем, что знания об этой динамике среди тех, кого мы развиваем, являются первым и необходимым шагом навстречу более устойчивому, взаимовыгодному будущему в долгосрочной перспективе.

Экология трактует «моральный капитализм» довольно упрощенно. Утверждается, что отношения между развитием лидерства и бизнесом аналогичны экологическим отношениям в природном мире: *мутуалистическим, комменсалистским и паразитическим*. Более того, эти типы экологиче-

ских и лидерских бизнес-отношений утверждают разные типы принципов поведения: моральный, аморальный, безнравственный. Для преодоления чрезмерного упрощения лидерских бизнес-отношений к «моральному капитализму» выдвигается предположение: **Существует связь между симбиотическими отношениями в естественном мире и моральными тенденциями в бизнесе.**

Следующий раздел демонстрирует перспективы относительно того, что лежит в основе развития лидерства в контексте морального капитализма.

Сила личных ценностей в развитии лидерства

Понимание того, что лежит в основе «симбиоза» моральной динамики, лучше всего достигается посредством ценностно-ориентированного подхода. Фрондизи [10] утверждает, что мораль, как сила, вытекает из *объективистского* взгляда на развитие и характер лидера, из внешнего источника, включая «Десять заповедей». С позиций этого онтологического взгляда моральное развитие, оглашенное Богом или сформулированное в исследованиях Аристотеля и Сократа о добродетели, основано на вечных формах человеческого совершенства [10, 11]. В противовес объективистской позиции становится субъективистская позиция, которая берет начало от экзистенциалистского движения конца XIX в., понимает человеческое развитие и ценности как исключительно субъективные, как следствие собственных приоритетов и выборов [10, 11]. Как сказано в работах Ницше [23] и Сартра [31], развитие и личные ценности являются выбором значимых жизненных приоритетов. Согласно интеграционистской точке зрения, присущей современным социальным наукам, соответствующей принципам нашей статьи, этот подход к развитию морали более универсален, чем объективистский и субъективистский подходы.

Интеграционистская точка зрения состоит в том, что развитие лидерства и ценностей не просто и однозначно сводится к моральным нормам или всецело предписано самой личностью, но включает и мотивационные ресурсы человеческого поведения, которые лежат в основе действий индивидов и групп [2, 19, 25, 28, 29, 32]. Как выразился Бернс, «лидеры принимают ценности; ценности овладевают лидерами, и ценности играют ключевую роль в связывании лидеров и их последователей, в расширении моральных границ функционируют по-разному, как с необходимостью объединяющие и разделяющие силы. Кроме того, решая основные вопросы о человеческой природе, ценности помогают прояснить отношения между индивидуализмом и коллективизмом, корыстью и аль-

труизмом, свободой и равенством — вопросы, находящиеся в сердце политического конфликта; и в этом процессе установить лидерскую повестку для действий» [6]. Имеющаяся литература [30] указывает на критическую важность практики лидерской гибкости, связанной с «личной ценностной чувствительностью», определенной как настройка на все интересы, убеждения и мотивации, находящиеся в существенной коммуникации и взаимодействии, начиная с ваших собственных [21].

К сожалению, наш опыт в отношении реализации лидерских программ в бизнес-школах мира в общем обнаруживает как главную цель развитие знаний, основанных на познавательных способностях, а не глубокие размышления над персональными ценностями и их часто бессознательным влиянием [1]. Лишенный такого личностного инсайта, язык лидерства и бизнеса может изменяться фактически без изменений намерений, решений, действий. Также не все, кто находят себя там, где лидерство является процессом социального влияния [24], будут готовы стать более моральными, даже с изменением лидерского дискурса или с дополнительным изучением лидерства, так как изучение психологии наставничества указывает на потенциально существующие личностно-ценностные ограничения стилей лидерского поведения, включая «выдающиеся», «опасные» и «токсичные» стили [34]. Исследования этического принятия решений населением [16] также указывают на использование трех основных типов морального сознания, описывающих степени моральной зрелости: «правящее сознание» (делать, как вы сказали), «общественное сознание» (делать то, что лучше для других) и «принципиальное сознание» (делать то, что справедливо и самодисциплинирует).

В рамках этих ограничений наша роль как разработчиков модели лидерства заключается в том, чтобы нести вовне содержание, мотивационные силы и влияние личностных ценностей. Близкое к образовательной модели, которую физик Мюррей Гелл-Манн описал как «Одиссея», обучение на этой основе будет синтезировать естественные, социальные, гуманитарные науки и искусства в трансдисциплинарное, интегративное учение о большинстве экзистенциальных проблем человека, о связях между ними и действиях, которые способны решить или смягчить их. Такое обучение скорее станет руководством по личным ценностям для выявления и принятия своего морального ориентира в современном контексте, нежели сподвигнет нас к гегемонии «человека экономического» и к

основанному на экономических принципах бизнес-администрированию. Исследование кейсов могло бы представлять различные формы предприятий, их целей совместно с альтернативными моделями [4]. Исходя из идеи о том, что лидерские ценности находятся в центре лидерского интереса, а поведение лучше всего понимается через интеграционистский взгляд, выдвинем предположение: **Ценностно-ориентированное развитие лидерства основано на интеграционистском взгляде на ценности как мотивационный источник человеческого поведения. Это означает, что основа социального влияния лидерства является более действенной перспективой развития, чем объективистский взгляд на моральное развитие, исходящий из запрещающей внешней силы.**

Следующий раздел статьи посвящен основам развития лидерства, которое фокусируется на системах ценностей и их основах.

От ценностей к системам ценностей

Исследование воздействия ценностей как составляющей части познания лидерства и процесса социального влияния [6] вместе с изучением ценностей теоретиками [32] ведет к исследованию М. Рокичем [29] отношений между индивидуальными ценностями и побуждением, к осознанию того, что ценности являются когнитивными представлениями субъективных нужд. Более того, Рокич предполагает, что ценности выражают базовые потребности человека и таким образом пробуждают социально-поведенческие нужды [28]. Действительно, есть предположение, что ценности являются глубинными убеждениями и направлены на нужды и мотивацию индивидов [2, 3, 19]. Хотя такие исследователи потребности, как Хайдер [14] и МакКлелланд [20], и признают, что потребности сопровождаются чувствами и эмоциями, теоретики, изучающие ценности, до сих пор упускают из вида, что ценности, например, *свобода* и *безопасность* — это по сути эмоциональные состояния, которые индивиды либо хотят испытать, либо стремятся их избежать.

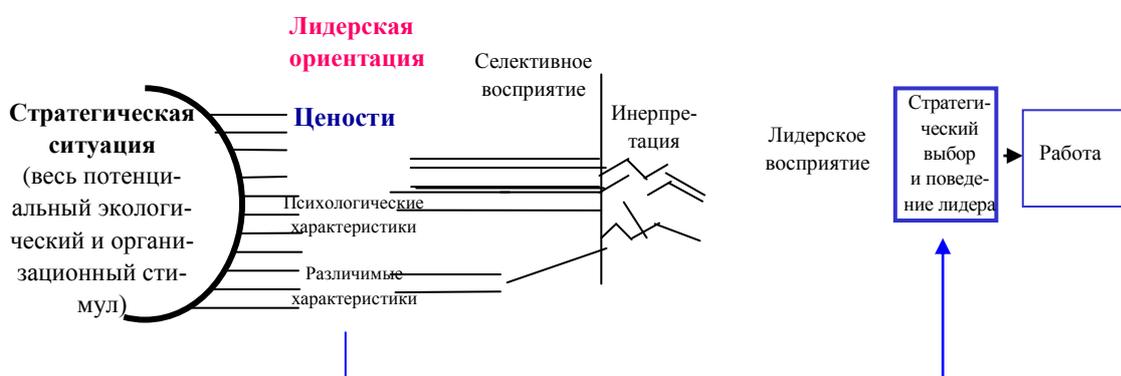
Ли и Ингланд [8] определили семь способов, посредством которых ценности влияют на лидеров: 1) на восприятие лидером ситуаций; 2) на решения, которые лидеры разрабатывают, преодолевая проблемы; 3) в межличностных отношениях; 4) на восприятие персонального и организационного успеха; 5) обеспечивают основу для дифференциации этического и неэтического поведения; 6) влияют на степень принятия или отклонения лидером организационных воздействий

и целей; 7) могут также влиять на управленческую деятельность.

Теория верхнего эшелона Д. Гамбрика и П. Мейсона [13] и ее расширенная интерпретация в работе С. Финкельштейна и Д. Гамбрика [9, с. 54], представленные моделью (см. рисунок), свидетельствуют, что личные ценности лидеров выступают в качестве фильтра восприятия того, как они постигают внешнюю среду и формы стратегического выбора, поведения и организационную эффективность.

Предыдущие исследования ценностей существенно пострадали из-за чрезмерного акцента на

индивидуальных ценностях, что привело (1) к низкой надежности [32, 33], (2) к игнорированию одинаково важных или даже более значимых ценностей [32, 33], (3) к игнорированию той предпосылки, что люди идут на компромиссы при конкурирующих ценностях, руководствуясь своими ценностными приоритетами [2, 12, 19, 29, 32]. Ценностные приоритеты людей подчеркивают критическую характеристику ценностей: они организованы в иерархическую систему, упорядоченную по степени важности одного элемента ценностной системы по отношению к другим [19, 29, 32, 33].

Взято из: Гамбрик и Мейсон (1984);Финкельштейн и Гамбрик, 1996)

Влияние ценностей управленца на деятельность

Хотя существуют и общепринятые ценности, индивид или целые группы будут поддерживать именно доминирующий набор ценностей: «На вершине каждой персональной системы есть маленькая горстка доминирующих ценностей первостепенной важности» [12, с. 6]. Таким образом, доминирующие системы ценностей есть у каждого человека, и они наиболее важны для понимания отдельных ценностей [12, 29, 32].

Операционализация концепции системы ценностей хорошо описана А. Маслоу [19] в его теории иерархии потребностей и последующего отношения к системе ценностей. На самом деле С. Бейкер [5] отмечает, что инструменты доминирующих ценностей основаны на иерархии потребностей Маслоу (например, сошлемся на исследование ценностей Рокича, список ценностей и проприетарных инструментов Кале в Стэнфордском международном исследовании ценностей и стилей жизни (1979)). В работе Маслоу, где представлена иерархия потребностей, содержится модель психологического развития чело-

века, что облегчает понимание основ человеческих ценностей и путей их возможного изменения от рождения до смерти. Наблюдения и качественное исследование Маслоу привели к пониманию, что мы, как человеческие существа, рождены с набором потребностей, которые управляют нашим восприятием реальности и поведением. Эти потребности являются комплексом, формируют нашу «систему ценностей». Маслоу предположил, что существуют наборы ценностей, которые формируют основу различных индивидуальных потребностей. Он также рассматривал три основных мотивационных сферы [19]. Это 1) *жизнеобеспечивающие* потребности: физиологическое выживание, безопасность, чувство принадлежности; 2) *ориентированные вовне* потребности: признание, значимость, самооценка; 3) *ориентированные вовнутрь* потребности: самоактуализация, личностный рост, вклад в других и преодоление всех потребностей.

Лихтенштейн [17] в относительно недавнем эмпирическом исследовании руководителей про-

верил утверждения Маслоу [19] о том, что личные системы ценностей руководителей связаны с «жизнеобеспечивающими», «ориентированными вовне» и «ориентированными вовнутрь» потребностями в первичной операционализации в контексте менеджмента. В исследовании 163 собственников, менеджеров высшего и среднего звена Б. Коти и Г. Мередит [15] использовали список ценностей, состоящий из 28 пунктов по шкале персональных ценностей (Кронбах $\alpha = 0,87$), в целях измерения личных ценностей руководителей, которые были классифицированы по соотношению с основными компонентами анализа. Опираясь на теорию Маслоу [19] об «ориентированных вовнутрь», «ориентированных вовне» и «жизнеобеспечивающих» группах ценностей, теоретико-ориентированный подход априори использовался для получения соответствующих трех факторов. Эти сменявшие друг друга подходы позволили обнаружить, что все три фактора сильно «нагружены» теоретически предсказанными результатами: 1) жизнеобеспечивающая система ценностей придерживается традиционных ценностей: *лояльности, доверия, сострадания и любви* (Кронбах $\alpha = 0,79$); 2) ориентированная вовне система ценностей придерживается ценностей основных достижений: *сила, престиж, амбиции и агрессия* (Кронбах $\alpha = 0,64$); 3) ориентированная вовнутрь система ценностей придерживается предпринимательских ценностей: *инновационность, риск, креативность* (Кронбах $\alpha = 0,72$). Эти результаты получили серьезную поддержку благодаря предложенной системе ценностей, которая включила в себя каждую мотивационную сферу, поддерживая таким образом утверждение Маслоу [19] о том, что системы ценностей соответствуют лежащим в их основе потребностям и движимы ими.

(Окончание в следующем выпуске)

Список литературы

1. Aitken P. The relationships between Personal Values, Leadership Behaviour and Team Functioning. Doctor of Business Administration Thesis, Henley Management College/Brunel University. 2004. 59 p.
2. Allport G.W. Becoming: Basic considerations for a psychology of personality. New Haven, CT: Yale University Press, 1955. 106 p.
3. Allport G.W. Pattern and growth in personality, New York: Holt, Rinehart & Winston, 1961. 593 p.
4. Andrews P., Woods F. Uberpreneurs: How to Create Innovative Global Businesses and Transform Human Societies. Palgrave Macmillan. 2014. 338 p.
5. Baker S. Placing Values Research in a Theoretical Context // Elfring T., Siggard J.H., Money A. Theory Building in the Business Sciences. Copenhagen: Handelshoyskolens Forlag, 1996.
6. Burnes J.M. Transforming Leadership. N.Y.: Grove Press, 2003. 240 p.
7. Ciulla J. Ethics: The heart of leadership (second edition). London: Praeger, 2004. 198 p.
8. England G., Lee R. The relationship between managerial values and managerial success in the United States, Japan, India, and Australia // Journal of Applied Psychology. 1974. Vol. 59, no 4. P. 411–419.
9. Finkelstein S., Hambrick D. Top Management Team Tenure and Organisational Outcomes: The Moderating Role of Managerial Discretion // Administrative Science Quarterly. 1996. No 35. P. 484–530.
10. Frondizi R. What Is Value? LaSalle, IL: Open Court Publishing, 1971. 198 p.
11. Hall M. Systems Thinking and Human Values: Towards a Practical Organisational Intervention Methodology, PhD Thesis / University of Lincolnshire and Humberside. 1997.
12. Hambrick D.C., Brandon G.L. Executive Values // Hambrick D.C. The Executive Effect: Concepts and Methods for Studying Top Managers. Greenwich, Connecticut: JAI Press, 1988. P. 3–34.
13. Hambrick D.C., Mason P.A. Upper Echelons: The Organisation as a Reflection of its Top Managers // Academy of Management Review. 1984. No 9, P. 193–206.
14. Heider F. The psychology of interpersonal relations. N.Y.: John Wiley & Sons, 1958. 322 p.
15. Kotey B., Meredith G.G. Relationship among Owner/Manager Personal Values, Business Strategies, and Enterprise Performance // Journal of Small Business Management. 1997. Vol. 35, no 2. P. 37–64.
16. Lewis C. Ideas at work // The Times. October 8. 2008.
17. Lichtenstein S. Strategic Co-alignment: Strategic, Executive values and organisational Goal orientation and their Impact on Performance. PhD Thesis, Henley Management College / Brunel University. 2005. 19 p.
18. Maak T. Responsible leadership, stakeholder engagement, and the emergence of social capital // Journal of Business Ethics. 2007 No 74. P. 329–343.
19. Maslow A.H. Motivation and Personality (2nd ed.). N.Y.: Harper & Row, 1970. 369 p.
20. McClelland D.C. How motives, skills and values determine what people do // American Psychologist. 1985 Vol. 40, no 7. P. 812–825.
21. McKenzie J., Aitken P. Learning to Lead the Knowledgeable Organization: Developing Leadership Agility // Strategic HR Review. 2012. Vol. 11, no 6. P. 329–334.

22. *Mumford M.D., Van Doorn J.R.* The Leadership of pragmatism: Reconsidering Franklin in the age of charisma // *The Leadership Quarterly*, 2001. No 12. P. 279–309.
23. *Nietzsche F.* Genealogy of Morals and Ecce Homo, W. Kaufmann (ed.) (), N.Y.: Random House, 1967. 243 p.
24. *Parry K.W.* Grounded Theory and Social Process: A new Direction for Leadership Research // *The leadership quarterly*. 1998. No 9(1). P. 85–105.
25. *Parson T., Shils E.* Towards a General Theory of Action: Theoretical Foundations for the Social Sciences. N.Y.: Harper Torchbooks, 1951. 265 p.
26. *Pless N.M., Maak T., Waldman D.A.* Different Approaches Toward Doing the Right Thing: Mapping the Responsibility Orientations of Leaders // *Academy of Management Perspectives*. 2012. No 26(4). P. 51–65.
27. *Porter M.E., Cramer M.R.* Creating Shared Value // *Harvard Business Review*, 2011, Jan-Feb. P. 62–77.
28. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. London: The Free Press, Collier MacMillan Publishers, 1973. 401 p.
29. *Rokeach M.* From individual to institutional values with special reference to the values of science // *Rokeach M. Understanding Human Values*. N.Y.: Free Press, 1979. P. 47–70.
30. *Russell R.F.* The role of values in servant leadership // *Leadership & Organizational Development Journal*. 2001. Vol. 22, iss. 2. P. 76–84.
31. *Sarte J.-P.*, Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology. N.Y.: Washington Square Press, 1953. 783 p.
32. *Schwartz S.* Value Priorities and Behavior: Applying a Theory of Integrated Value Systems // *Seligman C., Olson J.M., Zanna M.P. The Psychology of Values: The Ontario Symposium*. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1996. Vol. 8. P. 119–144.
33. *Schwartz S., Bilsky W.* Toward a universal psychological structure of human values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53, no 3. P. 550–562.
34. *Wasylyshyn K.M., Shorey H.S., Chaffi J.S.* Patterns of leadership behavior: Implications for successful executive coaching outcome // *The Coaching Psychologist / British Psychological Society*. 2012. Vol. 8, no 2. P. 74–85.
35. *Young S.* Moral capitalism: Reconciling private interest with the public good. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2003. 226 p.

Получено 11.03.2015

Об авторах

Лихтенштейн Скотт

доктор наук, старший преподаватель

Бирмингемский городской университет,
Великобритания, Бирмингем, округ Перри Барр;
e-mail: Scott.Lichtenstein@BCU.ac.uk

Эйткен Пол

доктор наук, адъюнкт-профессор

Университет Бонд,
Австралия, Сомерсет;
e-mail: paul.aitken@masteringleadershipagility.com

About the authors

Lichtenstein Scott

Ph.D., Senior Lecturer

Birmingham City University, Perry Barr,
Birmingham, B42 2SU, Great Britain;
e-mail: Scott.Lichtenstein@BCU.ac.uk

Aitken Paul,

Ph.D., Adjunct Professor,

Bond University,
1, Parkhouse Road, Minehead,
Somerset TA24 8AB (UK), Australia;
e-mail: paul.aitken@masteringleadershipagility.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лихтенштейн С., Эйткен П. Ценностный вызов для развития этического лидерства: исследовательская и практическая повестка для лидерства, основанного на ценностях. Статья первая // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2015. Вып. 2(22). С. 12–18.

Please cite this article in English as:

Lichtenstein S., Aitken P. The values challenge for developing ethical leadership: research and practice agenda for values-based leadership. Part 1 // *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»*. 2015. Iss. 2(22). P. 12–18.

УДК 008

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Кузнецова Евгения Владимировна

Набережночелнинский филиал Университета управления «ТИСБИ»

В статье рассматривается соотношение цивилизации и культуры, функции цивилизации. Актуальность темы обусловлена особенностями современного общественно-цивилизационного этапа развития, реконструкцией нравственных ценностей и мировоззренческих установок. Методологическое различение понятий «цивилизация» и «культура» может помочь в социокультурных исследованиях. Используются исторический и сравнительный методы. Приводятся точки зрения известных философов, выделены пять основных различий между понятиями «цивилизация» и «культура». Культура и цивилизация не оппозиционны друг другу, но различны по своей сути. Культура представляет собой творение, она в основном индивидуальна; цивилизация представляет собой переход от творения (культуры) к приобретению и сохранению продуктов культурного творения для всех. Без культуры нет цивилизации. Определяются функции цивилизации: адаптивная, регулятивная, унифицирующая, репрессивная. Показано, что воздействие цивилизации на человека носит внешний характер, в цивилизации человек — объект, индивид, один из многих. В культуре же человек — и объект, формируемый под ее влиянием, и субъект, творящий благодаря внутреннему потенциалу и вопреки существующим цивилизационным нормативам. Именно столкновение внешнего воздействия на человека, выраженного в различных нормативах, и внутреннего потенциала способствуют его развитию. Цивилизация есть необходимое условие развития культуры и развития человека.

Ключевые слова: цивилизация; культура; функции цивилизации; техника; человек; унификация; организация; адаптация.

CULTURE AND CIVILIZATION: THE PROBLEM OF RELATIONSHIP. HISTORICAL AND THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS.

Evgeniya V. Kuznetsova

NaberezhnyeChelny Branch of University of Management «TISBI»

The subject of paper is relationship between culture and civilization and functions of civilization. The relevance of the article is determined by the peculiarities of modern civilization and remaking of moral values and attitudes. Meanwhile, the concepts of «civilization» and «culture» are the most complicated and controversial in modern humanities, and methodological distinction of these concepts would help in revealing of many socio-cultural phenomena and processes. The paper's author uses historical and comparative research methods, which, in the opinion of the author, help to get the most adequate results. The author gives views of famous philosophers and highlight five key differences between the concepts of «civilization» and «culture». Culture and civilization are not opposite towards each other, but they are different in nature. Culture is a creation, it's basically individual; civilization is a transition from the creation (culture) to the acquisition and conservation of cultural results for everybody. Without culture there is no civilization, which is its natural and necessary extension, it allows to replicate cultural patterns and to create conditions for further creation in the form of stabilization of social relations for future generations. So, civilization as a sustainable socio-cultural formation realizes various functions. The author defines the following functions of civilization, such as: adaptive, regulatory, unifying, repressive. If we compare functional features of civilization, peculiarities of culture and civilization we come to the conclusion that civilization influences on the person externally. In civilization a person is an object, individual, one among many people. Culture influences on a person also, but a person is not only an object in it, it's a subject, which creates through his internal potential and contrary to existing civilizational norms. A struggle between external influence on a person expressed in various regulations, and his internal po-

tential contribute to the development of a man. In the context of functional characteristic features of civilization civilization is a necessary condition for the development of culture and human development.

Key words: civilization; culture; functions of civilization; technic; person; unification; organization; adaptation.

Соотношение культуры и цивилизации, их сходство и различие — предмет дискуссий в гуманитарном знании на протяжении многих десятилетий. Сейчас, на переходном этапе общественно-цивилизационного развития, обсуждение стало особенно актуальным. Сегодня мир переживает этап коренных преобразований во всех областях: политической, экономической, социальной, культурной. Реконструирование многих ценностных установок требует принципиально иных подходов к решению социокультурных проблем.

Не случайно именно культура как фактор социально-исторических изменений вновь оказалась в центре внимания философов, политиков, общественных деятелей. Содержание культуры крайне разнородно, оно включает в себя материальную, духовную, художественную разновидности человеческой деятельности. Известные американские культурологи А. Кребери и К. Клакхон насчитывают около двухсот дефиниций культуры. Поиск общего определения культуры стал в последнее время для исследователей в области философии, антропологии, социологии одной из ключевых задач. Однако при разнообразии определений культуры трудно говорить о ее единой концепции. Подобное разнообразие связано прежде всего с тем, что ученые акцентируют разные стороны культуросозидательной деятельности.

Так, понятие «культура» вводится в сферу философского знания самыми различными способами:

- а) через производство (материальное и духовное или только духовное);
- б) технологию;
- в) ценности;
- г) деятельность;
- д) творчество;
- е) знаковые системы;
- ж) информацию.

Разноречиво определяются и границы культуры: либо содержание культуры сводится только к духовному и материальному; либо в качестве подсистем в ней выделяют политическую, физическую, эстетическую, художественную; либо утверждается, что культура неделима.

В роли субъектов культуросозидательной деятельности могут выступать:

- а) конкретные индивиды;

- б) различные социальные группы — нация, этнос, социальная общность, коллектив;

- в) исторически конкретное общество;

- г) человечество в целом.

В роли объектов-предметов могут быть:

- а) природные, естественные;

- б) частично преобразованные;

- в) социальные, оказывающиеся предметами тех или иных форм деятельности;

- г) сам человек.

В роли объектов-продуктов выступают любые материальные и духовные результаты творчества.

Многообразие в истории культуры духовно-культурных смыслов, которыми человек наделяет все окружающее его пространство, есть лишь следствие его изменяющегося положения в обществе и его изменяющегося отношения к пространству [3, с. 78]. Способность вещи как бы излучать из себя человеческий смысл, служить человеку его собственным отражением характеризует ее не как природный объект, а как предмет культуры, ведь вещи обретают такой смысл не в силу своих природных свойств, а в силу каких-то иных (неприродных) свойств, отношений и взаимодействий (за пределами вещественного бытия). Только по культуре мы можем судить о том, кем мы являемся в этом мире, каковы границы нашего существования в нем.

Культура — это мир, который включает в себе условия и необходимые предпосылки подлинно человеческого и общественного существования. В культуре человек осознает себя в качестве единственного источника, цели и результата всего общественно-исторического развития, в качестве творца мира, изменяющегося по законам добра, истины, свободы и красоты. Какова позиция человека в цивилизации?

Вновь и вновь в современных научных дискуссиях наравне с понятием «культура» осмысливается и понятие «цивилизация», его назначение в различных формах организации жизни общества [6, с. 78]. Понятия «цивилизация» и «культура» являются наиболее сложными и противоречивыми в гуманитарном знании. В то же время они ключевые в гуманитарной науке, с ними связаны другие понятия, термины, категории, требующие освоения. Противоречат ли друг другу культура и цивилизация, вступая в антагонизм, выступают ли они продолжением одна другой? На эти и другие

вопросы мы попробуем дать ответы, обратившись прежде всего к истории.

В древности все созданное человеком выступало в качестве «второй природы». Этот результат человеческой деятельности, как и сам процесс, получил различные терминологические обозначения — «цивилизация», «воспитание», «образование», «формирование».

Эти понятия ранее были синонимичными, но в последующем (после XVIII в.) началось их различение и одновременно с этим изучение близких по смыслу и тесно взаимосвязанных между собой категорий «деятельность», «общество», «традиция». Культура понималась столь широко, что поглощала и общество в целом (экономическую и политическую жизнь), охватывая все, что не являлось природой и не было создано Богом. Но уже И.Г. Гердер отмечал некую противоречивость развития культуры. «Культура движется вперед, — писал он, — но совершеннее от этого не становится; на новом листе развиваются новые способности — прежние безвозвратно уходят» [2, с. 25].

Сам термин «цивилизация» возникает в эпоху Просвещения, что связано с теорией общественного договора. По мнению шотландского просветителя А. Фергюсона, общественное развитие есть изменение «способа существования» людей, заключающееся в переходе от дикости и варварства к формам организации жизни, объединяющих людей в их совместной деятельности [8, с. 134]. Таким образом, цивилизацию можно рассматривать как очередной этап общественного развития. Ф. Энгельс рассматривает цивилизацию тоже как выход человечества из первобытного состояния, связанный с разделением труда, возникновением производства товарного обмена и, наконец, государства [9, с. 240]. В Европе XVIII–XIX вв. под цивилизацией многие исследователи понимают государственное устройство, основанное на разумности и справедливости. На данном историческом этапе цивилизацию начинают рассматривать на двух уровнях: локальном и глобальном. На локальном уровне цивилизация представляет собой этногеографический и культурно-исторический тип развития народа или группы народов, объединенных общей исторической судьбой, культурой, религией. Концепцию локальных цивилизаций развивали Н.Я. Данилевский, А.Дж. Тойнби, П.А. Сорокин, В.П. Казначеев. Но нас в данном исследовании интересует понятие цивилизации на глобальном уровне.

Ж.-Ж. Руссо отмечает, что государство, являющееся результатом «общественного договора» и

призванное упорядочить жизнь людей, превращается в окостеневшую и враждебную форму для человека, который сам же ее создал. Руссо ставит вопрос об отчужденности цивилизации от культуры и противопоставлении цивилизационных элементов человеку. К этим элементам он относит разум, рассудок, мораль, религию, светскую честь, т.е. наука, техника, этика (как общепринятые нормы поведения) соотносятся с цивилизацией, культура же включает в себя духовность [7].

Примерно в том же ключе, что и Руссо, решает проблему об антагонизме культуры и цивилизации И. Кант. Немецкий философ определяет культуру как исключительно то, что служит благу людей [4]. Вне гуманизма и духовности нет подлинной культуры. «Внешний», «технический» тип культуры Кант называет цивилизацией. Он предвидит бурное развитие цивилизации, в отличие от культуры, и предупреждает об опасности технического самоуничтожения человечества. Позднее, в начале XX в., по этому поводу, как известно, забьет тревогу О. Шпенглер. Он признает цивилизацию роком всей культуры.

В русской философии тему противопоставления культуры цивилизации развивает, в частности, Н.А. Бердяев. Он пишет: «Цивилизация есть смерть духа культуры». Но продолжает: «...нужно осмыслить этот феномен, столь типичный для философии истории, для осмысления истории» [1].

Итак, характерной особенностью цивилизации является соединение определенных достижений культуры и общественной линии организации человечества. Цивилизация, как справедливо замечает В.Ж. Келле, — «социокультурное образование» [5, с. 15]. Цивилизация представляет собой фиксацию единения человечества, выраженную в социальном устройстве, экономическом хозяйстве, технике.

Цивилизация выражает нечто общее, рациональное. Она образует систему отношений, позволяющую фиксировать культурные ценности. Опыт и знания, накапливающиеся с годами в памяти людей и передающиеся из поколения в поколение, требуют выработки механизмов, которые бы помогали сохранять и в дальнейшем транслировать это духовное богатство. Достижения цивилизации способствуют выработке механизмов подобного рода. Первый из них — письменность, второй — книгопечатание, третий — телевидение, четвертый, самый мощный, — компьютер.

Выработка цивилизационных механизмов предполагает в свою очередь формирование системы норм, правил, стандартов деятельности,

что обеспечивает регуляцию общественных отношений и создает нормативную базу для их прогрессивно-конструктивного развития.

Таким образом, цивилизация — это необходимая форма организации жизни общества, стабилизации общественных отношений, сохранения и воспроизводства культурных образцов.

Выделим основные различия между культурой и цивилизацией. Мы их насчитываем пять:

1. Объект и субъект культуры — это личность. Функционирование системы культуры направлено на развитие личности, в то же время этот процесс происходит благодаря человеку. Объект и субъект цивилизации — это массы, обеспечивающие ее становление, функционирование и распад, с одной стороны, с другой — массы являются порождением цивилизации, ее продуктом.

2. Основа культуры — мир идеального, дух, мышление; основа цивилизации — мир материального, технология, производство.

3. Человек в культуре — свободная личность, свободная в мыслях, чувствах, действиях; человек в цивилизации подчинен массовому производству.

4. Суть всех культурных процессов отражает созидательная творческая деятельность; суть цивилизации есть потребление.

5. Система культуры способна развиваться и совершенствоваться, как и ее объект (субъект) — человек; цивилизация не развивается, а функционирует, как и составляющее ее производство.

Итак, цивилизация есть образование неразвивающееся, застывшее, а культура — образование духовное, имеющее в своей основе знания, идеи, гипотезы.

Рассмотренное нами соотношение культуры и цивилизации позволяет предположить, что культура и цивилизация не оппозиционны друг другу, но они различны по своей сути. Культура представляет собой творение, она в основном индивидуальна; цивилизация представляет собой переход от творения (культуры) к приобретению и сохранению продуктов культурного творения для всех. Цивилизация — это омассовление. Без культуры нет цивилизации, являющейся, таким образом, ее естественным и необходимым продолжением, позволяющей для последующих поколений тиражировать культурные образцы и создавать условия для дальнейшего творения в виде стабилизации социальных отношений. Из вышесказанного следует, что цивилизация как устойчивое социокультурное образование выполняет различные функции.

Прежде всего мы выделяем адаптивную функцию. Для организации собственного жизненного

пространства, саморазвития и самосовершенствования человеку необходимы культурные завоевания, помогающие адаптироваться в социуме, выстроить картину мира, сформировать жизненные установки. В цивилизации содержатся установившиеся ценности, позволяющие ориентироваться в мире, находить пути и способы решения проблем. На наш взгляд, наиболее успешно данная функция реализуется через систему образования.

Еще одну цивилизационную функцию мы называем регулятивной. Реализация данной функции выражается в освоении человеком существующих нормативов, традиций. Освоение данных нормативов и традиций помогает человеку легко вступать в контакт с окружающим миром и занимать в нем достойное место. К нормативам такого рода можно отнести, например, этикет. Но при этом цивилизационные нормы и традиции довлеют над созданием нового и препятствуют, следовательно, дальнейшему развитию культуры. Культура как бы «застывает» и «сворачивается» в нормах и традициях, но в то же время данный феномен обеспечивает устойчивость и стабилизацию общества.

Следующая функция цивилизации — унифицирующая. Основное, в чем она выражается, — это стандартизация. Распространением стандартов в социуме занимаются средства массовой информации (коммуникации), предлагающие пропаганду какой-то одной, единой системы ценностей и мировоззренческих установок. Феномен так называемой массовой культуры (или поп-культуры) иллюстрирует цивилизацию в рамках реализации данной функции. Отсюда также такие характеристики массовой культуры: всеобщая доступность, стандартизация существующих духовных ценностей, иллюзорность мира, представляемого в продуктах массовой культуры (ток-шоу, популярных фильмах, рекламе и т.д.).

Цель реализации унифицирующей функции цивилизации — воспитание потребителя с усредненными вкусами и желаниями.

Однако здесь встает вопрос о возможном подавлении личности и ее творческого потенциала, выражающемся, как правило, в культуре, через процессы всеобщей стандартизации и рационализации. Репрессивная функция цивилизации состоит в подавлении человеческого духа существующими цивилизационными механизмами, самым мощным из которых в рамках данной функции является техника.

В эпоху аграрной цивилизации изобретение и применение технических орудий — инструментов

— было неразрывно связано с развитием человеческих способностей и возможностей, увеличивало мощь и силу человеческого духа. На стадии становления индустриализма человечество попало во все большую зависимость от технических новшеств, инициатором которых является сам человек. Творение постепенно поглощало своего творца. По мнению М. Хайдеггера и других герменевтиков, техника — это преграда, опасность, которую человек перед собой поставил сам. Современный человек — «раб» многих технических достижений, призванных служить ему благом. Не человек эксплуатирует технику, а техника эксплуатирует человека. Технический прогресс, призванный освободить человека от его зависимости от природы, возложить создание материальных благ на машину, превратил его в придаток машины. Противостояние человека и техники выразилось в XX в. в колоссальном уничтожении человеческого ресурса, когда техника стала формой как физического истребления человеком человека, так и обеспечения условий его духовной деградации. В случае своего духовного уничтожения человек остается лишь функционирующей в системе материального производства единицей, физическим телом, индивидом, пассивным и безынициативным, полным адептом технологизированной цивилизации.

«Технизация духа, технизация разума может легко представляться гибелью духа и разума», как считает Н.А. Бердяев [1, с. 145]. В то же время он отмечает неразрывную связь техники и культуры, но окончательная победа техники может привести культуру к гибели. В этом случае важно, чтобы техника, являясь на определенной стадии составляющей культуры (как творение человеческого разума), на следующем этапе своего существования переходила в разряд цивилизационных достижений и служила средством сохранения и трансляции творчества человека.

Творчество — это не что иное, как созидание нового или чего-то более совершенного. Человеческое творчество реализуется в широчайшем диапазоне: оно включает в себя процесс преобразования и развития самого человека, процесс предметного преобразования и развития социума, процесс преобразования и развития природно-космической среды. В каждом из этих проявлений творчество человека развивается в специфических формах.

Особенно наглядно это проявляется в предметной деятельности человека. Человек весь предметный мир преобразует в соответствии со

своим творческим замыслом, мир со сложившимися структурами, активно сопротивляющийся внешним переменам. Создавая что-то новое, человек преобразуется сам. В своем внутреннем мире человек воспроизводит богатство и разнообразие внешнего мира. И начинается процесс творения всегда с духовности человека. «Микрокосм и макрокосм раскрываются в духовной жизни не в раздельности, а в единстве и взаимопроникновении» (Н.А. Бердяев).

Творя, человек вмешивается в существующий порядок мира и переделывает его. В своем духовном мире, комбинируя и перекомбинируя, человек создает какой-то новый образ некоего фрагмента реальности, которого еще нет. Иными словами, творчество человека возвышается как бы над всем миром, духовный мир человека, проявляясь в творчестве и созидании, позволяет человеку конструировать действительность по своему устремлению.

Рассмотренные функциональные особенности цивилизации, качества культуры и цивилизации в сравнении позволяют нам сделать вывод о том, что воздействие цивилизации на человека носит внешний характер, в цивилизации человек — объект, не личность, а индивид, один из многих. В культуре же человек — объект, формируемый под ее влиянием, и субъект, создающий культурные шедевры, творящий благодаря внутреннему потенциалу и вопреки существующим цивилизационным нормативам. Поэтому человеческое творчество — это всегда борьба с внешним миром. Традиции, обычаи, цивилизационные нормы различного рода — все это тормозит развитие культуры и процесс творчества. Когда человек создает новое, то это созидание неразрывно связано с постоянным преодолением чего-либо. В процессе жизнедеятельности человек созидает себя, и это созидание есть самоутверждение человека.

Именно столкновение внешнего воздействия на человека, выраженного в различных нормативах, и его внутреннего потенциала способствует его развитию. Цивилизационные нормы необходимы человеку для преодоления этих норм через творчество. Таким образом, цивилизация выступает необходимым условием развития культуры и развития человека — ее субъекта и объекта.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. 288 с.
2. Гердер И.Г. Идеи к философии истории челове-

- чества. М.: Наука, 1977. 703 с.
3. Коган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: избр. статьи. Л.: ЛГУ, 1991. 384 с.
 4. Кант И. Основы метафизики нравственности // Критика практического разума. СПб.: Наука, 2005. С. 55–119.
 5. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М.: Политиздат, 1981. 288 с.
 6. Кузнецова Е.В. Феномен массовой культуры: проблемы и противоречия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 3(15). С. 89–95.
 7. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Дашков и К., 2012.
 8. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: Политиздат, 1988. 285 с.
 9. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. М.: Изд-во полит. Лит/, 1955. С. 231–517.

Получено 12.03.2015

References

1. Berdyayev N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow, IMA-Press Publ., 1990, 288 p. (In Russian).
2. Gerder I.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas on philosophy of a mankind]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 703 p. (In Russian).

3. Kagan S. *Sistemnyj podhod i gumanitarnoe znanie: Izbrannye stat'i* [System approach and humanities knowledge: Selected articles]. Leningrad, Leningrad State University, 1991, 384 p. (In Russian).
4. Kant I. [The metaphysics of morals] *Kritika prakticheskogo razuma* [The critique of practical reason]. Saint Petersburg, Nauka, 2005, pp. 55–119. (In Russian).
5. Kelle V.Zh. *Teoriya i istoriya. Problemy teorii istoricheskogo protsesssa* [Theory and history. Problems of historical process theory]. Moscow, Politizdat Publ., 1981, 288 p. (In Russian).
6. Kuznetsova E.V. [Phenomenon of mass culture: problems and controversies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”]. 2013. Iss. 3(15). Pp. 89–95. (In Russian).
7. Rousseau J.-J. *Traktaty* [Tractates]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2012. (In Russian).
8. Ferguson A. *Opyt istorii grazhdanskogo obschestva* [Essay on the history of the civil society]. Moscow, Politizdat Publ., 1988, 285 p. (In Russian).
9. Engels F. [The condition of the working class in England]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya. T. 2* [Marx K., Engels F. Oeuvre. Vol. 2]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1955, pp. 231–517. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 12.03.2015

Об авторе

Кузнецова Евгения Владимировна
кандидат философских наук,
заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин
Набережночелнинский филиал Университета
управления «ТИСБИ»,
423825, Набережные Челны, ул. Татарстан, 10;
e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

About the author

Kuznetsova Evgeniya Vladimirovna
Ph.D., Chief of Human Sciences Department
Naberezhnye Chelny Branch of the University of
Management «TISBI»,
10, Tatarstan str., Naberezhnye Chelny, 423825,
Russia;
e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецова Е.В. Культура и цивилизация: проблема взаимосвязи. Исторический и теоретико-методологический аспекты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 19–24.

Please cite this article in English as:

Kuznetsova E.V. Culture and civilization: the problem of relationship. Historical and theoretical and methodological aspects // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 19–24.

УДК 165

МЕТАФОРЫ СОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ*Абраменко Вячеслав Игоревич**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

На протяжении всей истории философии для описания феномена сознания и процесса познания в целом мыслители обращались к метафорам. В статье дан краткий историко-философский очерк, позволяющий выявить определенные гносеологические основания применения метафор. Главный акцент сделан на категории «отражение», разрабатываемой в рамках диалектического материализма. В статье проведен подробный анализ метафоры «отражение», позволяющий сделать ряд выводов относительно роли процессов метафоризации в философском дискурсе. Выявлен ряд функций метафорических конструкций, среди которых *номинативная*, *объяснительная* и *когнитивная*. Последняя имеет для философии особое значение и требует дальнейшего исследования. На основе предложенного анализа можно говорить об особой роли метафоры при построении фундаментальных теоретических систем, где она выступает вербальным компонентом процесса познания. Подтверждается, что метафора является механизмом, позволяющим языку преодолеть его ограниченность на пути бесконечного познания мира.

Ключевые слова: метафора; сознание; теория отражения; функции метафоры.

METAPHORS OF CONSCIOUSNESS IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE*Vyacheslav I. Abramenko**Perm State University*

Thinkers throughout the history of philosophy applied metaphor in order to describe phenomenon of consciousness and cognitive process in general. The article gives a brief historico-philosophical introduction which is helpful with identifying certain epistemological grounds for applying metaphors. The main emphasis is made on the category «*reflection*» which was developed in the context of dialectical materialism. A thorough analysis of the metaphor «*reflection*» was made in the article, which gives us a number of conclusions about the role of metaphorical processes in philosophical discourse. A number of metaphorical functions was discovered which are *nominative*, *explanatory* and *cognitive*. The latter function has a crucial importance for the philosophy that requires further study in this area. On the basis of proposed analysis we can speak about the exceptional role of the metaphor in the construction of the fundamental theoretical systems, where it acts as a verbal component of the process of cognition. It is confirmed that the metaphor is a mechanism that allows the language to overcome its limitations in the way of infinite cognition of the world.

Key words: metaphor, consciousness, theory of reflection, functions of metaphor.

Рассуждая о метафоре в философском тексте, Х. Ортега-и-Гассет приходит к выводу, что на протяжении всей истории философы чаще всего применяли метафору при исследовании феноменов, имеющих наиболее сложную природу, что вызывало трудности при их описании. Одним из таких феноменов является сознание и все, что связано с ним. «Почти вся современная психологическая терминология — это чистая метафора: слова с конкретным значением были приспособлены к тому, чтобы обозначать явления психологического порядка» [9, с. 76]. Действительно, всякий раз, рассуждая о процессе познания, мы используем формулировки: «сознание схватывает»,

«сознанию открывается», «движение сознания/мышления», «сознание отражает». «Легко понять, сколь трудно охватить, описать и определить этот универсальный, повсеместный и неизбывный феномен — сознание» [9, с. 77].

В связи с этим следует предпринять попытку анализа метафор, используемых по отношению к сознанию, и рассмотреть функции, которые они выполняют. Обнаруживаются ли принципиальные различия между подобными метафорами, примененными к одному и тому же феномену? И если эти различия присутствуют, то значит ли это, что каждая метафора выражает свое специфическое содержание, или же различия носят чи-

сто формальный характер? И насколько адекватна форма метафорического выражения теоретическому содержанию? Эти вопросы напрямую связаны с фундаментальными гносеологическими проблемами, требующими обстоятельного теоретического исследования. В данной статье мы ограничимся лишь кратким рассмотрением одной метафоры, а точнее, ряда метафор, которые применялись к процессу познания на протяжении всей истории философии. Возможно, такое исследование может послужить фундаментом для построения теории, описывающей функционирование метафоры в философском дискурсе.

Предметом исследования будет теория отражения, описанная В.И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» [5]. Эта теория возникла в результате методологической критики агностицизма, в котором постулируется принципиальная изолированность субъекта познания от объектов, на которые это познание направлено. Для того чтобы осуществить эту критику, избежав при этом терминологической путаницы, требовалось выработать абсолютно новое понятие для столь же нового теоретического содержания. Этим новым понятием выступило «отражение». Уже на этом предварительном этапе отчетливо прослеживается *номинативная* функция метафоры.

Увидеть всю глубину данной метафоры, а также некоторую закономерную необходимость обращения к ней позволит историко-философский экскурс.

Исторически первой метафорой сознания является рассмотрение его как *восковой дощечки*, на которой может оставаться *τύπος* (след, отпечаток, оттиск). Эта метафора была выработана античной традицией, восходящей к Платону и Аристотелю. Х. Ортега-и-Гассет отмечает, что при таком подходе сознание и объекты, оставляющие свой след в нем, обладают гомогенным субстратом, что является неверным, поскольку сознание в своей сущности нематериально [9, с. 78–79]. Такой подход древних греков Ортега-и-Гассет объясняет тем, что они имели специфичное мировосприятие, когда познающий субъект рассматривался как объект среди других объектов, наполняющих космос.

Замечание по поводу мировосприятия древних греков не вызывает сомнения, а вывод, сделанный из этого, представляется вполне логичным, но все-таки не совсем удовлетворительным. Тут следует обратиться к более утонченной интерпретации, которая будет исходить из гносеологических систем самих авторов, непосредственно обратившихся к этой метафоре, а не из мировосприятия граждан древних полисов. А.Ф. Лосев описывает

катеорию *τύπος* (здесь «тип») у Платона следующим образом: «...“тип”, как его употребляет Платон, является всегда носителем определенного смысла... Иногда “тип” у Платона означает “отпечаток”, “оттиск”, “отражение”» [7, с. 635]. Здесь мы видим, что на восковой дощечке происходит отпечатывание смысла, что как раз и говорит об идеальной сущности сознания. Также стоит отметить рациональный характер процесса познания у Платона, ведь познание выглядит как смутное припоминание идей, которое происходит благодаря тому, что предметы чувственного мира пробуждают в душе воспоминания о мире идей.

У Аристотеля в трактате «О душе» говорится следующее: «Любое чувство — это то, что способно ощущать формы ощущаемого без его материи, как воск принимает отпечаток перстня без железа или золота» [1, с. 421]. Для Аристотеля основой и началом любого познания являются ощущения, которые способны воспринимать исключительно форму предметов чувственного мира, но не их материал, поскольку душа является нематериальной. Ощущения являются низшей ступенью познания, поэтому дальнейшее познание осуществляется при помощи понятий и логики. Получается, что метафора с воском применяется Аристотелем исключительно к чувственной стороне процесса познания, а не к гносеологической системе в целом.

В последующем развитии философской мысли принцип восковой дощечки воплощается в качестве *tabula rasa* (чистая доска). В таком виде он появился у многих философов Средневековья и Нового времени, но *tabula rasa* стала популярной благодаря Джону Локку, использовавшему этот принцип с целью критики теории врожденных идей, разработанной рационалистами. У самого Локка принцип *tabula rasa* (метафора) выражен другой метафорой, которая по содержанию вполне тождественна предшествующей. У него сознание предстает в виде *белой бумаги* (*white paper*): «Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей» [6, с. 154]. При помощи чувств разуму доставляются восприятия конкретных вещей, из которых затем формируются идеи. Здесь, таким образом, обнаруживаются определенные трансцендентальные структуры, что, во-первых, подчеркивает относительную активность сознания, ведь идеи не просто «отпечатываются» в душе, а каким-то образом «записываются» на белой бумаге (здесь требуется дополнительный шаг от восприятия к формированию идей в сознании); во-вторых, акцентирует внимание на субъективной стороне сознания. Относительность активности связана с тем, что Локк выделяет два

источника идей: 1) чувственность, которая пассивно воспринимает простые идеи; 2) рефлексия, которая активно преобразует уже имеющиеся идеи. Пассивность в первую очередь связана с неспособностью разума отказаться от восприятий, которые он получает, а также произвольно изменять образы непосредственных восприятий.

Следует отметить, что выражение нового содержания в рамках гносеологии Локка потребовало использования новой метафоры по отношению к сознанию. Это означает, что метафора в философии выступает не в качестве художественного приема, позволяющего красиво выразить определенные концепты, а является необходимым атрибутом процесса расширения концептуальных полей профессионального дискурса.

Наконец, мы подходим к теории отражения. В рамках этой теории мышление предстает в виде процесса отражения объективного мира. Как уже было сказано, категория отражения была выработана с целью осуществления критики теории познания, расщепляющей мир на феноменальный и ноуменальный. При таком расщеплении возникают гносеологические трудности: объективный мир недоступен познающему субъекту. Разрабатывая диалектико-материалистическую концепцию познания, Ленин предлагает категорию отражения в качестве основополагающей, чтобы наиболее отчетливо показать *непосредственный* доступ объективной действительности субъекту. Поэтому ключевыми принципами выступают признание существования объективного мира и признание познаваемости мира для человека.

Итак, что же таит в себе метафора «отражение»? В первую очередь следует отметить, что в отличие от предшествующих гносеологических метафор, где акцент делается на субстрате (дощечка, воск, след), «отражение» является девербативом, образованным в результате субстантивации глагола «отражать», что смещает акцент в сторону процессуального характера познания. Этот момент подчеркивает диалектический принцип теории отражения, когда вскрывается противоречие между познанным и непознанным, выявляется взаимосвязь между чувственной и рациональными ступенями познания. Также когда мы используем в качестве метафоры субстрат, всегда происходит перенос на субъективную (*tabula rasa*) или объективную (след на восковой дощечке от платоновских эйдосов) сторону процесса познания, в то время как «отражение» фиксирует диалектический характер соотношения объективного и субъективного в ощущениях, восприятиях, представлениях, понятиях. «Понимание особен-

ностей мышления как отражения предполагает выяснение соотношения субъективного и объективного в нем. Мышление не принадлежит отдельно взятым ни субъекту, ни объекту, оно — результат их взаимодействия» [4, с. 153]. Еще одним моментом является то, что «дощечки» любого рода являются пассивными в отношении познания, а «отражение» как процесс создает больше потенциала для активности познающего. Последним выводом из такой субстантивации является то, что правильнее делать акцент не на субстрате, потому что сознание нематериально.

Следующим шагом можно рассмотреть имплицитные составляющие метафоры отражения. Чаще всего под отражением подразумевается именно зеркальное отражение, но Ленин намеренно это не акцентирует: «Г.В. Чернов переводит Spiegelbild — “зеркальное отражение”, обвиняя Плеханова в том, что он передает теорию Энгельса “в значительно ослабленном виде”: говорит-де по-русски просто об “отражении”, не о “зеркальном”. Это — придирика; Spiegelbild употребляется по-немецки и просто в смысле Abbild» [5, с. 99]. Действительно, в рамках диалектико-материалистической методологии рассмотрение отражения исключительно как зеркального является даже не столько неточным, но в корне неправильным, поскольку зеркальное отражение воспроизводит объекты с самым минимальным искажением из всех возможных, а это означает, что субъективный момент процесса познания максимально нивелируется. Такой подход исключает любую диалектику субъективного и объективного в теории отражения. «Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо» [5, с. 343]. Поэтому в нашем случае речь идет, говоря языком физики, скорее о диффузном отражении, а не зеркальном. «Действительное отношение ощущений и мысли в целом к действительности значительно сложнее: вещь никогда не воспринимается нами “зеркально”, в абсолютно “чистом” и буквальном виде, она всегда представлена в нашем сознании с большим или меньшим субъективным элементом» [8, с. 143]. В процессе познания формируется субъективный образ объективного мира, поэтому отражение выступает в качестве ключевого момента, который соединяет субъект и объект (человека и природу), что является особенно важным в контексте современной гносеологии.

Стоит обратить внимание на преемственность метафорических выражений в историко-философской ретроспективе. На протяжении всей истории описание процесса познания имело в ос-

новном одностороннюю направленность и тяготею либо к эмпирическому (Аристотель, Локк), либо к рациональному уровню (Платон, Декарт). Гносеологическая метафора света у Р. Декарта (*lumen naturalis*) не была рассмотрена, поскольку, во-первых, она выпадает из общей логики отмеченных метафор, а во-вторых, заслуживает отдельного объемного исследования. Здесь интересно то, что при буквальном значении происходит отражение волн или частиц света, а метафорически это можно рассмотреть в качестве рационального момента в процессе познания. Античные метафоры представляли сознание по большей части пассивным, в Новое время активный и субъективный моменты сознания стали преобладать. Теория отражения диалектически совмещает все вышеуказанные крайности. Так, чувственный и рациональный моменты познания представляют собой органическое единство, без которого в принципе невозможно осуществление мышления. Также в рамках теории отражения активность сознания подчеркивается еще сильнее и вводится ключевой принцип — практика, который полностью пронизывает процесс познания на всех его этапах и выступает в качестве основы, цели и критерия истинности знания.

Теперь необходимо указать, какие функции выполняет метафора в философском дискурсе. В этом отношении «отражение» представляется удачным примером, очень отчетливо демонстрирующим важнейшие функциональные свойства метафор.

Ранее уже было отмечено, что непосредственно можно сразу же обнаружить *номинативную* функцию, которая является крайне важной, потому что позволяет, помимо избавления от необходимости придумывать неологизмы, во-первых, избежать терминологической путаницы, а во-вторых, ввести в новое концептуальное поле пустой знак (без четкого референта), чтобы уже в дальнейшем обогатить его содержанием. Метафора постепенно стирается и превращается в категорию философии по мере того, как формируется теоретическое содержание строго ассоциированное с ней. Это позволяет, оперируя всего одной категорией, привлекать огромный теоретический пласт в философских изысканиях.

С номинативной функцией непосредственно связана *объяснительная* функция. Действительно, если для содержания теории отражения было бы выдуманно новое слово, то и сам процесс описывался бы этим словом, что существенно затрудняло бы первоначальное освоение теории. Слово «отражение» выбрано не случайно, поскольку его

перенос осуществлен по аналогии с самим процессом, описываемом в содержании теории. При освоении у человека возникает конкретный образ, что позволяет проще работать с данной абстракцией. Это своего рода предварительное понимание или пред-понимание [3, с. 317–321], которое помогает, но одновременно может и препятствовать адекватному восприятию, что уже было подчеркнуто нами при анализе метафоры, когда может возникать отождествление отражения вообще с его частным случаем — зеркальным отражением. Такое отождествление вполне закономерно, если исходить из того, что в обыденной жизни человека прагматическая необходимость в отражении удовлетворяется только при помощи зеркала.

Хотелось бы обратить особое внимание на подобную двойственность (или в других случаях неоднозначность) метафор, что играет не всегда лучшую роль в объяснении, но выступает положительным моментом в связи с другой функцией, являющейся для философии наиболее важной, и которая будет освещена далее. А пока стоит отметить, что объяснительная функция в целом свойственна различным научным областям, где к метафорам нередко прибегают исключительно в дидактических целях, что требует максимальной однозначности, поскольку довольно сложные теоретические конструкции необходимо выразить понятным языком или создать наглядные образы, позволяющие осмыслить теоретический материал. Очень часто это происходит в физике, потому что абстрактные математизированные теории иногда бывает довольно сложно описать и объяснить буквально («демон Максвелла», «кот Шрёдингера»).

Одной из наиболее сложных функций, а поэтому требующей отдельного подробного изучения, является *когнитивная* функция. Она, как уже было сказано, имеет для философии ключевое значение. В науках, работающих с математическими моделями (пример с физикой, описанный выше) или с точными эмпирическими данными (примером может послужить генетика, где для определенных, эмпирически зафиксированных участков ДНК применяются такие метафоры, как «прыгающие гены», «гены домашнего хозяйства» и пр.), основной вес приходится на номинативную и объяснительную функции. Это обусловлено тем, что процесс познания в таких науках не связан напрямую с языковым выражением, в котором предстают результаты этого познания. За этим языковым описанием всегда имеется математическая формула или эмпирическая реальность, пусть и не всегда доступная непосред-

ственному восприятию человека. Хотя не стоит полностью отбрасывать когнитивную функцию в данном случае — ее роль возрастает от прикладных наук к фундаментальным.

В чем же суть когнитивной функции метафоры и какое значение она имеет для философии? Ответ на этот вопрос требует отдельного рассмотрения, но мы попытаемся наметить контуры, которые могут послужить отправным пунктом для построения философской теории метафоры, где через призму языка можно будет глубже осознать фундаментальные гносеологические проблемы.

Философия является наукой, работающей на пределе абстракции. Весь предшествующий анализ теории отражения наглядно демонстрирует, что метафора является наиболее эффективным инструментом при попытках уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции. В данном случае эти объекты были связаны со сферой идеального. Такие объекты намного сложнее выразить в вербальной форме, чем, допустим, те же самые гены, поскольку эта сторона действительности намного сложнее и ее нельзя свести ни к математической формуле, ни к эмпирическим проявлениям. Работающее здесь на предельных абстракциях мышление вынуждает язык следовать за ним, поскольку «нельзя представить себе познание человека без языка, ибо язык закрепляет в словах результат мышления» [4, с. 177]. Каждый акт мышления нуждается в вербальной репрезентации, и здесь очень часто помогает метафора, позволяющая сделать представимым то, что непредставимо непосредственно — общее, всеобщее.

Это связано с тем, что любой мыслительный процесс сопровождается образным представлением, где мысль обретает связь с действительностью. Даже самые абстрактные рассуждения требуют соответствующего им образа. Именно в этом метафора выступает связующим звеном, опосредующим переход от абстрактного к конкретному и наоборот. Здесь двойственность метафорических выражений, отмеченная выше, является уже только преимуществом, если мы обращаемся к категориям абстрактного и конкретного. Метафора находится на стыке референциальных полей, где, с одной стороны, «отражение» включает в себя сложное теоретическое содержание, которое, строго говоря, непредставимо непосредственно. С другой стороны, это вполне конкретный физический процесс, который легко фиксируется эмпирически и имеет поэтому такой же конкретный и единичный образ в сознании. Такая двойственность и опреде-

ляет применительно к философии особое положение метафоры, которое позволяет ей осуществлять установление универсальной связи общего и единичного. Это возможно благодаря наличию в объективной реальности структуры, где общее существует и дано нам лишь через единичное. Здесь возникает проблемное поле вопроса о соотношении языка и реальности [2], сквозь призму которого необходимо рассматривать процесс метафоризации в философском дискурсе с целью попытки построения фундаментальной теории метафоры.

Итак, данный анализ позволяет увидеть огромное теоретическое содержание при обращении к категории отражения, которая была образована в результате процесса метафоризации. Она интегрировала в себя все исторически предшествующее содержание, которое было переосмыслено в разрабатываемой теории отражения на основе диалектики и материализма. При таком подходе обнаруживается, что метафоризация в философском дискурсе сопутствует процессу бесконечного познания мира, его отражению в категориях на предельно абстрактном уровне, углублению теоретического содержания. Получается, что метафора является одним из ключевых механизмов, позволяющих преодолевать языку его конечность [2, с. 98–120]. Любое конечное всегда обладает незавершенностью и открыто для бесконечного взаимодействия и видоизменения. При рассмотрении слова как базовой языковой единицы обнаруживается его способность к постоянному изменению смыслового содержания. Такое обогащение содержания происходит при использовании названия объекта одного класса для описания объекта другого класса, вследствие изменения контекста употребления слова: т.е. слово изымается из одного концептуального поля и помещается в другое, где преобразует собственный смысл и расширяет содержание всего концептуального поля.

Таким образом, в конечном языке содержится весь необходимый потенциал для схватывания и выражения в понятиях всего многообразия бесконечно развивающегося мира. Необходимо попытаться построить теорию метафоры, позволяющую снять противоречие между конечностью языка и бесконечностью мира, что может в значительной степени способствовать решению других гносеологических проблем.

Список литературы

1. *Аристотель*. О душе // Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. *Береснева Н.И.* Язык и реальность / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2004. 182 с.

3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. М.: Наука, 1969. 484 с.
5. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. 526 с.
6. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 621 с.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969. 846 с.
8. Орлов В.В. Основы философии: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 1: Общая философия. Вып. 2 / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2012. 197 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
- sophical hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988, 704 p. (In Russian).
4. Kopnin P.V. *Filosofskie idei Lenina i logika* [Lenin's philosophical ideas and logics]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 484 p. (In Russian).
5. Lenin V.I. [Materialism and empiriocriticism]. *Polnoe sobranie sochinenij. Tom 18* [Complete set of works. Vol. 18]. Moscow, Politizdat Publ., 1968, 526 p. (In Russian).
6. Locke J. [An essay concerning human understanding]. *Sochineniya: v 3 t. T. 1* [Oeuvre in 3 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1985, 621 p. (In Russian).
7. Losev A.F. *Istoriya antichnoj estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon* [History of the ancient aesthetics. Sophists. Soctates. Plato]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969, 846 p. (In Russian).
8. Orlov V.V. *Osnovy filosofii: Uchebnoe posobie v 2 chastyah: Ch. 1: Obschaya filosofiya, vyp. 2* [Basics of philosophy: study guide in 2 parts: part 1: General philosophy. Ed. 2]. Perm, Perm State University Publ., 2012, 197 p. (In Russian).
9. Ortega-y-Gasset J. [Two great metaphors]. *Teoriya metafori* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, 512 p. (In Russian).

Получено 29.04.2015

References

1. Aristotle. [On the soul]. *Sochineniya: v 4 t. T. 1* [Oeuvre in 4 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1976, 550 p. (In Russian).
2. Beresneva N.I. *Yasyk i real'nost'* [Language and reality]. Perm, Perm State University Publ., 2004, 182 p. (In Russian).
3. Gadamer H-G. *Istina i metod: osnovy filosofskoj germeneyvtiki* [Truth and method: Basics of philo-

The date of the manuscript receipt 29.04.2015

Об авторе

Абраменко Вячеслав Игоревич
аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева 15;
e-mail: lateglerio@mail.ru

About the author

Abramenko Vyacheslav Igorevich
Doctoral student of Philosophy Department

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lateglerio@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Абраменко В.И. Метафоры сознания в философском дискурсе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 25–30.

Please cite this article in English as:

Abramenko V.I. Metaphors of consciousness in philosophical discourse // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 25–30.

УДК 1(100) (091)

Ж.-Ж. РУССО КАК ПРЕДШЕСТВЕННИК ДЖ. РОЛЗА*Кирюхин Денис Игоревич**Институт философии им. Г.С. Сковороды НАН Украины*

Вопрос о влиянии Ж.-Ж. Руссо на современную либеральную политическую теорию, в частности на учение Дж. Ролза о справедливости, является предметом спора в исследовательской литературе. И хотя Ролз сам называет Руссо одним из своих предшественников, тем не менее влиятельный политический философ М. Нуссбаум считает, что Руссо нельзя отнести к той традиции политической философии, к которой принадлежат Локк, Кант и Ролз. С другой стороны, такими исследователями, как С. Фримен и Д. Виллиамс, позиция Нуссбаум опровергается и влияние Руссо на Ролза признается. Данная дискуссия представляет интерес, поскольку та или иная позиция в ней связана с определенным пониманием не только наследия Руссо, но и современных либеральных теорий справедливости. Так можем ли мы считать Руссо предшественником Ролза?

В статье дан историко-философский анализ представлений Руссо о справедливости. Руссо был одним из первых системных социальных критиков. Для него ценность имеет не всякое общество, а только то, в котором человек может быть свободным. Соответственно и общественный договор только тогда для него обладает ценностью, когда он удовлетворяет этому условию. Общественный договор должен обеспечить институциональный базис свободного и справедливого общества и поэтому к нему выдвигаются определенные требования, а именно: это должен быть договор, которым закрепляется равноправие граждан. И Руссо был первым, кто определил, что именно справедливость условий заключения первоначального соглашения позволяет сформировать и справедливые принципы социального сотрудничества. В этом, а также в своем учении о свободе индивида, нашедшем продолжение в кантовской теории автономии, и в учении об общей воле он, безусловно, закладывает предпосылки конструктивизма Ролза и потому по праву может считаться его предшественником.

В то же время было бы ошибкой не замечать и то, что в работах Руссо содержатся также предпосылки теории национализма и коммунитаристского подхода. Внимательное чтение Руссо не оставляет сомнений в том, что он предвосхитил многие идеи (например, относительно языка, роли воспитания), которые позже были высказаны Фихте в его знаменитых «Речах к немецкой нации». Именно Руссо демонстрирует связь политического сообщества и определенных принципов справедливости. В этом отношении он действительно выступает в качестве предшественника коммунитаристского подхода, в том его варианте, который представлен, к примеру, А. Макинтайром, как, впрочем, и в определенной мере ролзовского понимания политического сообщества в его работах «Политический либерализм» и «Закон народов».

Ключевые слова: Руссо; Ролз; справедливость; общественный договор; общая воля; либерализм; коммунитаризм; национализм.

JEAN-JACQUES ROUSSEAU AS JOHN RAWL'S PREDECESSOR*Denys I. Kiryukhin**Skovoroda's Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Ukraine*

The question of Jean-Jacques Rousseau's influence on modern liberal political theory and especially on John Rawls's theory of justice is the subject of debate between researchers. Rawls himself calls Rousseau as one of his predecessors. Nonetheless such influential political philosopher as Martha Nussbaum considers that Rousseau is not a representative of the tradition in political philosophy to which Locke, Kant and Rawls are belonging. On the other hand, such researchers as Samuel Freeman and David Williams deny notion of Nussbaum. They recognize the influence of Rousseau on Rawls. This debate is very interesting because one or the other position in it is closely connected with a certain understanding not only of Rousseau's thought but also of modern liberal theories of justice. Can Rousseau be considered the predecessor of Rawls?

This article contains historical and philosophical analysis of Rousseau's understanding of justice. Rousseau was one of the first social critics. Not any society has a value for him but only society where man can be free. Accordingly social contract has a value for him when it satisfies this condition. The social contract should provide the institutional basis of a free and just society. Therefore the certain requirements are put forward to it. The contract must guarantee the equality of persons. And Rousseau was the first who determined that the fairness of the terms and conditions of the original agreement allows us to formulate just principles of social cooperation. In this assertion as well as in his doctrine of the individual freedom, which found its continuation in Kant's theory of autonomy, and in the doctrine of the general will, he create the background for Rawls's constructivism and therefore deserves to be called as predecessor of Rawls.

At the same time it would be a mistake to ignore the fact that Rousseau's works contains sources of the theory of nationalism and communitarian approach. A careful reading of Rousseau leaves no doubt that he anticipated many of the ideas which were later expressed by Fichte in his famous work «The Addresses to the German Nation» (for example, social role of language and education). So Rousseau demonstrates the connection of political community with certain principles of justice. In this respect he is really a precursor of Alasdair MacIntyre's communitarian approach and to a certain extent of Rawlsian understanding of political community in «Political liberalism» and «The Law of peoples».

Key words: Rousseau; Rawls; justice; social contract; the general will; liberalism; communitarianism and nationalism.

Представления о справедливости Ж.-Ж. Руссо не часто становятся предметом специального исследования, о них преимущественно вспоминают вскользь, в контексте теории его общественного договора. Между тем сочинения Руссо оказали существенное влияние не только на развитие социальной, политической и педагогической мысли, но и на современную теорию справедливости, особенно в ее либеральном варианте. Дж. Ролз, работы которого определили развитие современных учений о справедливости, следующим образом пояснил то, как он понимал стоящую перед ним задачу: «Что я пытался сделать, так это обобщить и поднять на более высокий уровень абстракции традиционную теорию общественного договора, которая была сформулирована Локком, Руссо и Кантом» [11, р. XVIII].

Если в приведенной цитате Ролза упоминание Дж. Локка и И. Канта замечаний не вызвали, то вот упоминание Руссо спровоцировало дискуссию. В итоге поиски параллелей между Руссо и Ролзом стали одной из тем, часто обсуждающихся в работах по политической философии. В частности, М. Нуссбаум в своем исследовании либеральной традиции в контрактualизме отказывается от рассмотрения учения Руссо, в рамках которого социальный договор понимается не как соглашение между независимыми индивидами, поскольку полагает, что французского философа проблематично отнести к той же традиции, к которой принадлежат Гроций, Гоббс, Локк и Ролз. Нуссбаум хотя и признает влияние Руссо на Ролза, но утверждает, что «материал этого влияния» присутствует и в работах Локка и Канта, так что, делает она вывод, Руссо можно оставить без рас-

смотрения [9, р. 25]. Данная позиция достаточно категорична и в целом она представляется неоправданной как в отношении Руссо, так и в отношении Ролза.

А вот блистательный исследователь наследия Ролза С. Фримэн занимает в этом вопросе принципиально иную, чем М. Нуссбаум, позицию, хотя в предисловии к своей работе «Ролз» и причисляет последнюю к своим учителям. Фримэн признает, что тогда как теория Ролза направлена на защиту либерализма, философия Руссо направлена на защиту демократии. Тем не менее он находит у Ролза параллели следующим трем важным позициям философии Руссо: во-первых, учению Руссо о естественной доброте человека и его способности к справедливости (ср. важность концепта «чувство справедливости» в теории Ролза); во-вторых, идее Руссо о том, что главным для индивидуальной свободы являются равные права на политическое участие; в-третьих, учению Руссо об общей воле, которое нашло свое выражение в ролзовском представлении о публичном разуме [8, р. 19–21]. Сходную с Фримэном позицию занимает и Д.Л. Виллиамс, который указывает на то, что Ролз в кантианском духе развивает учение Руссо об общей воле [13, р. 241].

Как представляется, влияние Руссо на Ролза не исчерпывается тремя указанными позициями. Но чтобы прояснить это влияние, необходимо детально рассмотреть учение о справедливости французского мыслителя.

Аргументация, которую приводит Фримэн в упомянутой работе, подтверждает, что хотя Руссо и в самом деле стоит несколько особняком в либе-

ральной традиции, тем не менее своим пониманием человека и сферы политического он оказал существенное влияние на развитие либеральных теорий справедливости. Именно Руссо осуществил своеобразный «антропологический поворот» в сфере социальной и политической теории, поскольку в центре внимания поставил не закон и государство, но индивида или, если быть более точным, отношения индивидов: ведь для него задачей общественного договора является формирование такой ассоциации, при которой каждый будет подчиняться всем, подчиняясь при этом только самому себе, иными словами, будет членом коллективного целого, оставаясь вместе с тем свободным.

Понимание человека у Руссо гораздо более объемное, многоплановое, чем, к примеру, у того же Т. Гоббса. Французский философ указывает, что не прагматический интерес, расчет, а страсть, сильная эмоция, лежит в основе человеческих поступков. Источником же страстей, вспомним «Эмилия» и «Второе рассуждение» («Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми»), является себялюбие (*amour de soi*). Но не меньшее значение в жизни человека имеет и лежащая в основе социального взаимодействия способность к состраданию, сопереживанию — *pitié*, которую Руссо во «Втором рассуждении» называет единственной естественной добродетелью [3, с. 65–67]. И только следом за чувствами возникает разум, способность к рассуждению.

Указанная особая значимость в жизни человека чувства, о котором пишет Руссо, приводит французского философа и к двойственному пониманию справедливости. С одной стороны, он пишет об индивидуальном *чувстве* справедливости — в этом Руссо сходен с Д. Юмом и выступает как предшественник романтиков. А с другой стороны, продолжая традицию Гоббса и Локка [о теории справедливости Локка детальнее см.: 2], Руссо пишет о справедливости как *рациональном* концепте, ведь, согласно французскому мыслителю, о справедливости мы можем говорить только лишь применительно к организованному обществу, при наличии законов и собственности. И оба эти подхода к пониманию справедливости не конфликтуют, а дополняют друг друга (впрочем, уже в XX в., когда достаточно накопится опыта кровавых революций, вдохновленных в том числе и идеями Руссо, его сентиментализм, противостоящий и, признаемся откровенно, скорее даже доминирующий над рациональностью правовых абстракций, будет обоснованно ставиться ему в вину, например той же Х. Арендт).

Причем во втором случае мы, на первый взгляд, попадаем в некоторое затруднение. Ведь если вне общества мы не можем говорить о справедливости, то возникает вопрос, как это положение согласовать с той уничижительной критикой обществ как глубоко несправедливых (вспомним знаменитое начало его «Общественного договора» — человек рождается свободным, но повсюду он в оковах), присутствующей во многих произведениях Руссо?

Внимательное рассмотрение показывает, что на самом деле никакого противоречия нет. Необходимо принять во внимание, что для Руссо человек изначально добр и только в обществе он становится злым. Любовь к самому себе — «единственная страсть, прирожденная человеку», «которая рождается вместе с человеком и никогда не покидает его, пока он жив» [6, с. 94, 247] — выступает как причиной изначальной предрасположенности к любви и доброте, так и, одновременно с этим, причиной того, что постоянно сравнивая себя с другими, человек попадает в зависимость от мнения других людей, что в конечном итоге делает его злым, любовь к самому себе в этом случае трансформируется в самолюбие, тщеславие (*amour-propre*), являющееся, в конце концов, источником несправедливости системы социальных отношений [6, с. 248–249]. Однако указанная изначальная склонность к доброте задает телеологию социальных преобразований, дает возможность реализоваться справедливости в законодательстве и в ходе установления и трансформации социальных и политических институтов с целью утверждения режима свободы и справедливости. Иными словами, хоть современное нам общество (государство) и не может быть названо справедливым, но у людей имеются все возможности для его изменения, преобразования, в том числе и путем расторжения общественного договора и заключения нового, на что Руссо прямо указывает в работе «Об общественном договоре» (см. кн. III, гл. XVIII).

Идея свободы воли — ключевая в антропологическом учении Руссо. Свобода воли состоит не во вседозволенности, следовании всем своим желаниям — такая свобода, как позднее будет продемонстрировано представителями немецкого идеализма, суть настоящая несвобода. Подлинная свобода состоит в следовании самому себе, своей собственной природе. Именно поэтому индивид, к примеру, не свободен желать сам себе зла, поскольку такое желание будет противоречить его природе, а значит, будет внешним по отношению к нему, а ведь в ситуации, когда он подчиняется внешнему давлению, он не является свободным.

Не сложно увидеть, что Руссо закладывает основы учения об автономии индивида, развитие которого мы находим не только у Канта, но и в том числе в теории справедливости Ролза (это, к слову, один из тех моментов, который связывает Ролза и Руссо). Но, в отличие от Канта, французский мыслитель сталкивается с проблемой пояснения того, как индивид различает, что действует под внешним принуждением или же, наоборот, самостоятельно. Ведь разум наследует чувствам, иными словами, мы действуем свободно еще до того, как научаемся размышлять — позиция, невозможная для кенигсбергского мыслителя.

Руссо разрешает указанную проблему просто: мы способны *чувствовать*, когда действуем свободно, в соответствии с велениями природы, или под внешним принуждением многочисленных страстей, вызванных не любовью к себе, а посторонними относительно индивида причинами или же самолюбием, тщеславием. Эту способность французский философ называет совестью. «Я раб в силу своих пороков и свободен в силу угрызений совести», — отмечает Руссо, подчеркивая, что проявления совести «суть не суждения, а чувствования» [6, с. 333, 346]. Совесть больше сходна с инстинктом — «божественным инстинктом», как еще называет ее Руссо. И хотя он не отрицает тесной связи совести с возникающим следом за чувствами разумом, рациональными суждениями о добре и зле, тем не менее Руссо неизменно подчеркивает, что мы обладаем способностью к различению блага и зла, свободы и несвободы еще до того, как сформулировали рациональные представления о них, ведь в противном случае свободными были бы только философы. Эта способность лежит и в основе свойственного индивиду чувства справедливости (способности отличать справедливое от несправедливого) — фактически первого социального чувства. Социального, поскольку хотя человек в чувстве ориентирован на самого себя, но чувство справедливости — это отношение к себе, тесно связанное с отношением к другому. Как указывает Руссо, поскольку наше (изначально доброжелательное) отношение к другим людям формируется на основе нашей любви к самому себе, то и «первое чувство справедливости порождается в нас не тою справедливостью, которую мы обязаны делать, но тою, которую другие обязаны по отношению к нам» [6, с. 101].

Согласно Руссо, человек это не аристотелевское *zoon politikon*, он изначально одинок, но предрасположен к социальному сотрудничеству. Причем это изначально одиночество человека дает ему возможность всегда сохранять дистан-

цию по отношению к обществу. Отсюда и образ «одинокого мечтателя», который мы находим в «Исповеди». Иными словами, человек не принуждаем к социальному (гражданскому) состоянию, к примеру, необходимостью положить конец ничем неконтролируемой войне всех со всеми. Социальное состояние является следствием коренящейся в любви к себе благожелательности, которую люди испытывают по отношению друг к другу. Правда, в дальнейшем, по мере развития социальных отношений, изначальная благожелательность под влиянием порожденных обществом страстей подменяется прагматичным интересом, любовь — выгодой, что извращает природу человека, а саму его жизнь в условиях гражданского общества делает, казалось бы, менее привлекательной, чем в естественном состоянии. Но, тем не менее, люди не возвращаются в естественное состояние, как бы некоторые философы этого ни хотели. Это невозможно, ведь человек развивается, и такое возвращение означало бы в конце концов потерю человеческого облика, коль скоро язык, мышление суть социальные продукты. А, кроме того, в обществе есть и свои достоинства — тут обеспечивается защита собственности и реализация индивидуальных интересов, иными словами, обеспечивается благополучие. Другой вопрос, что далеко не во всяком обществе это происходит удовлетворяющим большинство его членов образом, благополучие для многих оказывается недостижимой мечтой. Поэтому задача состоит не в том, чтобы вернуться в естественное состояние, а в том, чтобы построить такую систему гражданских отношений, в которой бы не подвергалась искажению природа человека. В основе такой системы лежит обеспечение равенства.

Люди от природы равны, это социальные отношения приводят к неравенству, как указывается во «Втором рассуждении» Руссо, так что обеспечение в государстве равенства будет целиком соответствовать их природе. Не случайно Руссо различает два вида равенства: естественное равенство, благодаря которому вообще возможно общение между людьми («первым законом для всякого общения является какое-нибудь равенство — между людьми или между вещами»), и условное равенство, т.е. равенство, зависимое от определенных институциональных и правовых условий («необходимым условием условного равенства между людьми, которое далеко отличается от равенства естественного, является положительное право, т.е. управление и законы» [6, с. 219]). Первый вид равенства характерен для естественного, а второй — для гражданского состояния. Соответственно, вза-

имодействие между индивидами в естественном состоянии устанавливается стихийно, базируется на чувстве (справедливости) и не нуждается в (рациональных) правилах эквивалентности, поскольку тут нет имущественного или статусного неравенства. А вот гражданское состояние отличается необходимостью выработки и установления правил (законов), благодаря которым будет достигаться равенство.

Для Руссо, как и для других контрактуалистов (за исключением Локка), о справедливости мы можем говорить исключительно в условиях гражданского состояния. Причем следует принять во внимание один существенный момент, который отличает Руссо от его предшественников и на который, как правило, обращают недостаточно внимания, когда исследуют влияние французского философа на современные контрактуалистские теории справедливости. Для Руссо ценность имеет не всякое общество, а только то, в котором человек может быть свободным, иными словами, только особым образом организованное общество. Соответственно и общественный договор только тогда для него обладает ценностью, когда удовлетворяет этому условию. Общественный договор должен обеспечить институциональный базис свободного и справедливого общества и поэтому к нему выдвигаются определенные требования, а именно это должен быть договор, которым закрепляется равноправие граждан. Причем для французского философа это не договор между частными лицами, преследующими свои партикулярные интересы, как это имеет место у того же Гоббса. Общественный договор — это проявление не единичных волей, а воли общей, направленное на решение следующей задачи: «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общию силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» [4, с. 160].

Что касается содержательной стороны договора, то, отмечает французский философ, его статьи «определены самой природой акта» [там же], этот договор устанавливающего. То есть договор становится источником права благодаря процедуре, которая создает условия для возникновения правового состояния. Так, прежде чем приступить к описанию общественного соглашения в гл. VI своей работы «Об Общественном договоре», Руссо в предшествующих главах рассматривает соглашения, которые происходят из несправедливых условий, например, заключенных под при-

нуждением. Последние, согласно французскому философу, не могут служить источником права, а раз так, то и не могут рассматриваться основанием гражданского состояния. Но какова же в таком случае «природа акта», результатом которого является договор, на котором базируется система гражданских и политических отношений?

Реконструкция мысли Руссо в данном вопросе представляет собой определенную сложность, поскольку сам он уделяет этому крайне важному моменту достаточно мало внимания, сосредотачиваясь преимущественно на анализе гражданского состояния. Тем не менее определенные позиции, позволяющие найти ответ на поставленный выше вопрос, тексты французского философа все же содержат. Так, индивиды, согласно Руссо, образуют общность до (и вне) гражданского состояния. И базируется эта общность не на универсальных рационально постигаемых этических принципах и нормах, как мы это находим у Локка, а на эмоциональном отношении симпатии и любви — вначале индивида к самому себе, а затем и к другим людям. Но любовь к себе постепенно, как отмечает французский философ, вырождается в самолюбие. С другой стороны, исходящая из *amour de soi* потребность в признании, когда значимым оказывается в первую очередь мнение других, порождает систему взаимозависимостей, выражающуюся в подчинении и в создании социальных иерархий, при которых уместно говорить о господстве, но не о равенстве и свободе. Так что формируемая таким путем система социальных отношений не имеет «выхода» в гражданское состояние и далека от той формы ассоциации, которая, по мысли Руссо, должна быть создана общественным договором. Гражданское состояние требует социальной реальности иного порядка, чем та, что порождается самолюбивым поиском признания. Эта иная реальность противостоит первой, как принуждение и иерархия противостоят согласию и равенству.

Речь, таким образом, идет о двух различных уровнях социальной интеграции. Для обоих характерно формирование государственных институтов, только в первом случае формируются институты, определяющие отношения между людьми как отношения между сувереном и подданными, а во втором — между равными гражданами. Причем даже если в первом случае в качестве суверена выступает не наделенный абсолютной властью монарх, а большинство членов государства, мы не получаем автоматически гражданское состояние. Воля большинства не является обязательно справедливой, большинство может под-

держивать и совершенно несправедливые социальные практики, ее совпадение со справедливостью, скорее, просто случайно. Чтобы воля большинства была волей, выражающей справедливость, она должна быть не суммой индивидуальных волей, а общей волей (*volonte generale*). Но это возможно только в том случае, подводит нас к этой мысли Руссо, если человек откажется от стремления к личному благу ради блага общего. Действительно, согласно французскому философу, общественный договор становится возможным в результате полного отчуждения «каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины» или, как уточняет Руссо, «если мы устраним из общественного соглашения то, что не составляет его сущности, то мы найдем, что оно сводится к следующим положениям: *Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого*» [4, с. 161].

Позиция Руссо, с одной стороны, открывает (еще до Канта) дорогу для ролзовской либеральной теории процедурной справедливости. Руссо был первым, кто устанавливает, что именно справедливость условий соглашения позволяет сформировать справедливые принципы общежития, в его терминологии — статьи общественного договора. В теории же справедливости Ролза ставится, кроме прочего, проблема условий, в которых вырабатываются принципы справедливости. А с другой стороны, она противостоит либеральной традиции и поэтому не случайно была встречена с настороженностью или даже, как это делает представитель либерального направления в политической философии М. Нуссбаум, с негативизмом. И основания для такой позиции Нуссбаум, как представляется на первый взгляд, Руссо действительно дает.

Концепт «общей воли» тесно связан с идеалом античного полиса, на который ориентируется французский философ, и плохо согласуется с представлением об автономном акторе, отличающим либеральную традицию. Этот концепт предполагает социальную интеграцию, базирующуюся на иных принципах, чем те, которые описывают в своих политических трактатах новоевропейские мыслители, развивавшие контракталистскую традицию. Такая социальная интеграция — цель общественного договора и основа для гражданского состояния — достигается, согласно французскому мыслителю, не путем установления правил справедливого (пере)распределения благ между индивидами. Социальная интеграция ста-

новится возможной только лишь потому, что во время заключения общественного договора в ином, по сравнению с естественным состоянием, качестве выступают и сами индивиды, его заключающие, коль скоро последние демонстрируют способность ориентироваться не на частное, а на общественное благо. Не случайно многие исследователи, в частности Л. Болтански, Л. Тевено, подчеркивают, что «Общественный договор» это не только политическое, но и антропологическое и даже психологическое сочинение. Как пишет Руссо о «последствиях» общественного договора, «немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое... Это Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю» [4, с. 161]. А политическим обликом этого целого в зависимости от обстоятельств выступает то Государство, то Суверен.

Итак, общественный договор — это не только акт формирования принципов и правил общественной жизни, но и, кроме прочего, еще и акт преобразования индивида. Это именно преобразование, а не поглощение индивида тотальностью целого, как может показаться на первый взгляд. Руссо не переходит той черты, переступив которую он оказался бы простым сторонником реставрации античного полиса, тоскующим по безвозвратно утраченному прошлому и обличающим пороки современности. Он остается мыслителем Нового времени, осуществляющим одновременно (вспомним о парадоксальности и диалектичности мысли французского мыслителя), как подмечает П. Мане, возвращение к античности и радикализацию современности, причем эта «попытка переоткрыть аутентичную форму политической жизни, лишенную недостатков современной жизни, приводит к появлению концепции человека, еще более далекой от греческой, чем та, что имела место в ранней мысли Нового времени» [цит. по: 1, с. 63].

Действительно, человек, как указывается в гл. VIII «Общественного договора», в результате первоначального соглашения становится гражданином, который руководствуется отныне не инстинктами и чувствами, как человек естественный, а требованиями справедливости и разумом, и отношения между людьми в гражданском состоянии определяются не любовью или симпатией, а правом и законами. Актом заключения договора человек в философии Руссо открывает в себе новую способность — способность руководствоваться в своих действиях общим благом. Это действительно преображение естественного челове-

ка, но в этом преображении нет места гегелевскому «снятию» (*aufheben*) одного уровня индивидуального развития другим. Естественный человек с его глубинным одиночеством, ориентированностью на собственный интерес остается, вот только в гражданском обществе он действует как гражданин, т.е. возвышаясь над своим частным бытием (не случайно Руссо отметит, что в общей воле «замечательно согласуются выгода и справедливость» [4, с. 173]). Но между этими двумя состояниями сохраняется напряженность, так что человеку далеко не всегда удается действовать в соответствии с обстоятельствами, в которых он находится, частная воля способна стать довлеющей над волей общей, что приводит к вырождению всего политического организма.

Руссо не для того выступает с обличением недостатков современного ему общества, среди которых одними из ключевых являются неравенство и несвобода, чтобы предложить взамен, как может показаться с радикальных либеральных позиций, тоталитарную систему, нивелирующую социальную и политическую значимость личности. Он видит свою задачу в поиске условий свободного и справедливого общества, основы для которого как раз и закладываются, как демонстрирует французский философ, общественным договором. В ходе заключения первоначального договора человек не утрачивает, а приобретает свободу. Эта свобода заключается в следовании закону, который индивид как равный устанавливает вместе с другими для себя и для других в актах общей воли — «ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода» [4, с. 165]. В этом отношении акты общей воли устанавливают принципы справедливости, поскольку гарантируют гражданам равенство: рациональны, поскольку выражаются в постигаемых разумом правилах; всеобщи, поскольку в равной степени касаются каждого члена политического организма, образующего государство, одновременно не являются внешними по отношению к индивиду, коль скоро его воля и общая воля совпадают. Связь свободы и равенства (справедливости), которая демонстрируется Руссо, это еще один аргумент, опровергающий позицию тех, кто, подобно И. Берлину и М. Нуссбаум, отрицает влияние французского мыслителя на либеральную традицию и, в частности, на Ролза.

Для понимания мысли Руссо в этом моменте важно принять во внимание замечание П. Рили, который подчеркивает, что автор «Общественного договора», следуя традиции Мальбранша и

Монтескье, выступает против воли партикулярной, но не воли индивидуальной, ведь последняя может быть как общей, так и частной («общее является врагом партикулярного, но неиндивидуального» [10, р. 508]). Так что как бы ни показались при поверхностном знакомстве, Руссо сугубо новоевропейский мыслитель — восхищаясь античным полисом, конституция которого была направлена на полное подчинение жизни индивида общему благу, он вместе с тем в «Общественном договоре» описывает правила общества свободных (автономных) граждан.

В своем учении о свободе Руссо выступает как прямой предшественник теории автономии И. Канта, которая, как указывалось выше, нашла свое продолжение и в теории справедливости Ролза. Так что Руссо все же может считаться одним из тех, кто заложил основы для современных либеральных учений о справедливости. Вместе с тем, вот уж поистине парадоксальность, он идет дальше многих предшественников и последователей либералов и ставит вопрос о пределах общей воли, пределах распространения принципов справедливости и тем самым формирует основы для возникновений иной, нелиберальной позиции, которая нашла свое развитие в коммунитаризме.

И в самом деле, поскольку общая воля является волей общего *я* или политического организма, выступающего как суверен и, одновременно, на международной арене, как государство, то эта социальная целостность должна иметь свои границы. Для Руссо «общая воля всего народа вовсе не является общею по отношению к частному лицу, являющемуся чужестранцем; ибо это частное лицо не является членом данного народа» [5, с. 345]. Тем самым то социальное единство, которое представляет собой гражданское состояние, не базируется исключительно на рационально обоснованных общих правилах. Должно быть еще одно основание общности, которое обеспечивает интеграцию, отграничивая ее от другой общности. И действительно, Руссо пишет о том, что общественная связь держится не только на формальных правилах, она коренится и в сердцах людей, где любовь к себе или другому преобразуется в любовь к отечеству, так что в конце концов гражданское общество — это еще непременно и эмоциональный союз сердец. Как замечает П. Розанвалон, общественный договор в интерпретации Руссо невозможен без сентиментального договора, «Общественный договор» должен быть дополнен «Новой Элоизой».

Тема границ сообщества, латентно присутствующая в ряде произведений Руссо, должна

была возникнуть неизбежно, поскольку философ во многом ориентировался на идеал античного полиса, с отличающим его особым патриотизмом. Однако полисный патриотизм в Новое время трансформируется в патриотизм в отношении своего народа. Буржуа неизбежно националистичен, и Руссо, пожалуй, был первым, кто это понял. То есть еще до появления «Речей к немецкой нации» И.Г. Фихте Руссо закладывает основания для националистического подхода. Написание французским философом проекта Конституции Корсики и Трактата о правлении в Польше совсем не случайны.

Конечно, было бы несправедливо рассматривать Руссо как философа, сформировавшего теорию национализма. Но мы должны признать, что, как убедительно демонстрирует М. Квортроп, в своем внимании к культурной однородности как необходимому элементу государства и в связи с этим, отстаивании позиции о важности государственного контроля над образованием и развитием национального языка, внимании к патриотизму [см.: 10, р. 75–79] и эмоциональной связи с отечеством французский философ, без сомнения, выступает как один из тех, кто подготовил появление теории национализма. Внимательное чтение Руссо не оставляет сомнений в том, что он предвосхитил многие идеи (например, относительно языка, роли воспитания), которые позже были высказаны Фихте в его знаменитых «Речах к немецкой нации», по праву считающихся одним из первых теоретических сочинений, представляющих националистическую традицию. Для Фихте, указывает А. Тесля, характерно отличное от его предшественников понимание социально-политической общности, обозначаемой как «нация»: если, к примеру, Сийес понимает нацию как «корпус членов, живущих под одним общим законом и представленных одним и тем же законодательством», иными словами, в рамках такого подхода народ делает нацией «представленность», то Фихте переопределяет нацию как общество, которое «представляет само себя» [7, с. 85]. Несложно увидеть, сколь близок Руссо в данном моменте к фихтевскому подходу.

Вопрос о влиянии Руссо на националистическую традицию в политической теории требует специального рассмотрения, что не входит в задачу настоящей работы. В данном же случае представляется существенным то обстоятельство, что именно автор «Общественного договора» демонстрирует связь определенной политико-культурной общности и принципов справедливости. В этом отношении Руссо действительно вы-

ступает в качестве предшественника коммунитаристского подхода, в том его варианте, который представлен, к примеру, А. Макинтайром, как, впрочем, и в определенной мере «позднего» Ролза, в «Политическом либерализме» и «Праве народов» которого возникает проблема границ политического сообщества, рассматриваемая и Руссо. Однако непосредственного влияния на развитие коммунитаристских теорий справедливости Руссо не оказал, что не скажешь о Канте, на философию которого он повлиял непосредственно. К слову, именно портрет Руссо, как известно, висел в кабинете кенигсбергского мыслителя. Так что ссылка Ролза на Руссо появилась отнюдь не случайно. Но, с другой стороны, как показало проведенное исследование, было бы неоправданно игнорировать формирование в учении Руссо и предпосылку национализма.

Список литературы

1. *Дмитриев Т.* La condition humaine: взгляд Жан-Жака Руссо // Логос. 2013. № 6. С. 7–66.
2. *Кирюхин Д.И.* Понимание справедливости Джоном Локком // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 4(16). С. 83–89.
3. *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 31–109.
4. *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 151–257.
5. *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре, или Опыт о реформе Республики (первый набросок) // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 303–352.
6. *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. 656 с.
7. *Тесля А.* «Речи к немецкой нации» Фихте: нация, народ и язык // Полития. 2014. № 1. С. 80–91.
8. *Freeman S. Rawls.* London: Routledge, 2007. 550 p.
9. *Nussbaum M.C.* Frontiers of Justice. Disability, nationality, species membership. London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006. 487 p.
10. *Qvortrup M.* Political Thought of Rousseau: The Impossibility of Reason. Manchester: Manchester University Press, 2003. 135 p.
11. *Rawls J.* Theory of Justice. Revised Edition. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1999. 538 p.
12. *Riley P.* The General Will before Rousseau // Political Theory. 1978. Vol. 6, № 4. P. 485–516.

13. Williams D.L. Rousseau's Social Contract: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 322 p.

Получено 04.04.2015

References

1. Dmitriev T. [La condition humaine: Jean-Jacques Rousseau's view]. *Logos*. [Logos]. 2013, no 6, pp. 7–66. (In Russian).
2. Kiryukhin D.I. [John Locke's understanding of justice]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2013, iss. 4(16), pp. 83–89. (In Russian).
3. Rousseau J.-J. [Discourse on the origin and basis of inequality among men]. Rousseau J.-J. *Traktaty* [Tractates]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 31–109. (In Russian).
4. Rousseau J.-J. [The social contract, or principles of political right]. Rousseau J.-J. *Traktaty* [Tractates]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 151–257. (In Russian).
5. Rousseau J.-J. [The social contract, or essay on reformation of the Republic (the first sketch)]. Rousseau J.-J. *Traktaty* [Tractates]. Moscow, Nau-
6. Rousseau J.-J. [Emile, or on education]. Rousseau J.-J. *Pedagogicheskie sochineniya: v 2 t. T. 1* [Pedagogical oeuvre: in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Pedagogika Publ., 1981, 656 p. (In Russian).
7. Teslya A. [Fichte's «Addresses to the German nation»: nation, people and language]. *Politiya* [Polity]. 2014, no 1, pp. 80–91. (In Russian).
8. Freeman S. Rawls. London: Routledge, 2007. 550 p.
9. Nussbaum M.C. *Frontiers of Justice. Disability, nationality, species membership*. London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006. 487 p.
10. Qvortrup M. *Political Thought of Rousseau: The Impossibility of Reason*. Manchester: Manchester University Press, 2003. 135 p.
11. Rawls J. *Theory of Justice. Revised Edition*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1999. 538 p.
12. Riley P. The General Will before Rousseau // *Political Theory*. 1978. Vol. 6, № 4. P. 485–516.
13. Williams D.L. Rousseau's Social Contract: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 322 p.

The date of the manuscript receipt 04.04.2015

Об авторе

Кирюхин Денис Игоревич

кандидат философских наук,
научный сотрудник

Института философии им. Г.С. Сковороды
НАН Украины,
Украина, 01001, Киев, ул. Трехсвятительская, 4;
e-mail: denn_krn@mail.ru

About the author

Kiryukhin Denis Igorevich

Ph.D., Researcher

Skovoroda's Institute of Philosophy,
National Academy of Sciences of Ukraine,
4, Tryohsvyatyetska str., Kiev, 01001, Ukraine;
e-mail: denn_krn@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кирюхин Д.И. Ж.-Ж. Руссо как предшественник Дж. Ролза // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 31–39.

Please cite this article in English as:

Kiryukhin D.I. Jean-Jacques Rousseau as John Rawl's predecessor // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 31–39.

УДК 165.72(4-011+(470+571))

РУССКИЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ НИГИЛИЗМ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Нагой Фатима Нурдиновна

*Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Феномен нигилизма последовательно отражается отечественной и западной культурой на протяжении двух столетий, что свидетельствует о динамизме и противоречивости исторических и культурных событий, подвижности границ мира, охваченного поиском выхода из кризисных состояний. Для человека западноевропейской культуры философский нигилизм реализует критическую функцию культуры, важным фактором историко-философского процесса выступает ситуация оборачивания веры в разум критическим отношением к его возможностям. Русский нигилизм отличает соединение критического отношения к наличному обществу и необходимости разработки и реализации программы радикальных реформ. Особый интерес и исследовательскую проблему статьи представляет решение задачи синхронизации, сближения и объединения русской и западной линии в осмыслении феномена нигилизма. В статье выявлены общие и особенные черты философского нигилизма в русле данных традиций. Русский нигилизм в отличие от западноевропейского не является выражением «усталости культуры», он представляет собой противоречивое выражение потребностей русской жизни, устремлен в будущее, обрисованное революционно настроенной мыслью. Разрушение старого в русском нигилизме непосредственно связано с поиском новой науки, нового искусства, нового человека, нового общества. Объединяющей силой в развитии двух традиций является понимание личности как ценности культуры и носителя культурных ценностей.

Ключевые слова: нигилизм; рационализм; иррационализм; пессимизм; индивидуализм; экзистенциализм; этический идеализм; система ценностей.

RUSSIAN AND WEST EUROPEAN PHILOSOPHICAL NIHILISM: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Fatima N. Nagoy

Volgograd branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The phenomenon of nihilism consistently reflected in domestic and western culture over the past two centuries, it testifies about dynamism and contradictions of historical and cultural events, about the mobility of borders of the world that engulfed the search out of the crisis. For a man of west European culture the philosophical nihilism implements critical function of culture, an important factor of historical and philosophy process is the issue of transformation faith into the mind of a critical attitude to its capabilities. Russian nihilism distinguishes the compound of a critical attitude to the existing society and the need to develop and implementing a program of radical reform. Of particular interest and the problem of the research in the article presents a solution to the problem of synchronization, convergence and unification of Russian and Western lines in understanding the phenomenon of nihilism.

The article reveals general and specific features of philosophical nihilism in line with these traditions. Russian nihilism in contrast to Western European nihilism is not the expression «culture fatigue», it is a contradictory expression of the needs of Russian life, looking to the future, described the revolutionary-minded thought. The destruction of the old in Russian nihilism is directly related to the search for a new science, new art, new man, a new society. The unifying force in the development of the two traditions is to understand the value of the person as a carrier of culture and cultural values.

Key words: nihilism; rationalism; irrationalism; pessimism; individualism; existentialism; ethical idealism; system of values.

Актуальность темы обусловлена наличием феномена нигилизма, который поступательно проявляется и отражается как культурой, так и общественным сознанием. В целом, нигилизм определяется через единство мировоззренческих и теоретических установок с необходимыми сопутствующими формами поведения людей, отраженными и вместе с тем обусловленными психологическими состояниями и мироощущением человека, отрицающего доминирующее представление об устройстве мира и общих правилах жизни в нем. Динамичная и нелинейная разработка этой темы идет начиная со второй половины XIX в.

Историко-теоретическим основанием начала обсуждения проблемы нигилизма в западной философии стала поляризация двух подходов. Для рационалиста Г. Гегеля логика представляла собой действительное соотношение между вещами, а его оппонент А. Шопенгауэр объяснил данный подход всего лишь привычками индивидуального человеческого мышления, сформулировал принцип индивидуализма, в рамках которого на месте логики оказалась психология [12]. Философский нигилизм для человека западноевропейской культуры с самого начала противостоит проявлению обществом «инстинкта смерти», а также реализует критическую функцию культуры, особенно проявляющую ее кризисы [4]. Результатом для философии стала ситуация, когда происходит оборачивание веры в разум критическим отношением к его возможностям. Можно сказать, что культура таким образом включила в себя критику — «иронизирование» человека над самим собой, когда смех выступает как инструмент или даже оружие такой критики, и произошло это приблизительно в одно время как в русской, так и в западноевропейской мысли.

Отношение самого известного западного нигилиста Ф. Ницше к феномену нигилизма было противоречивым, так же, как и его отношение к другим культурным феноменам — религии, науке, искусству [5]. Оно включало приветствие нигилизма как разрушения основ всякой веры и переоценки ценностей и, одновременно, выступление против психологической формы нигилизма как ослабления веры человека в себя. Иными словами, нигилизм как первый шаг такой переоценки необходим, но только отрицанием устаревших ценностей ограничиться нельзя, так как само по себе такого рода обесценивание способно обернуться цинизмом и пессимизмом. Следующий шаг — создание принципиально нового мироощущения, которое преодолевает пропасть между

бытием и смыслом, позже речь пойдет о возвращении экзистенциальной тайны бытию, установлении нравственной неразрывности реального и идеального мира.

Таким образом, философский нигилизм обладает условным характером и требует преодоления, т.е. он представляет собой не результат, а средство выхода из ценностного кризиса европейской цивилизации. Ницше отказывает в однозначном доминировании рационалистическому аналитическому восприятию мира и концентрирует внимание на оформлении альтернативы как такого постижения мира, которое основано на целостном восприятии жизни как выражении воли, представляющей спонтанное духовное начало мира. Так выглядит преодоление нигилизма через восстановление цельности бытия, единства бытия и сознания, которые были утрачены в силу выбора рационального пути философией еще во времена Античности, забвения представления о человеке как природном интуитивном органическом существе через акцентирование человека познающего и противопоставленного природе в новоевропейском сознании. Как следствие, интеллект окончательно превращается в инструментальное средство для удобного рассмотрения мира, который в действительности лишен причинности, закономерности, последовательности. Ницшеанский нигилизм обладает условным характером и противостоит шопенгауэровскому пессимизму созидательным разрушением, принятием трагичности мира ради самоутверждения через повторение и возвращение к себе, выход за пределы биологической и социальной организации человека к духовным возможностям самого бытия.

Основоположник экзистенциализма М. Хайдеггер считает, что впервые понятие «нигилизм» как философское было введено Г. Якоби, который в письменном обращении к Фихте использовал термин «ничто» для обозначения того идеализма, которому противопоставляет свою позицию. Затем философ романтизма Ж. Поль нигилизмом назвал романтическую поэзию. Позже датский философ С. Кьеркегор обосновал положение о том, что эстетическая точка зрения есть позиция иронии и игры — выражение нигилизма, уровень первого шага в обретении экзистенции, шага непосредственного наивного человека, за которым может последовать этический и религиозный уровень выбора и решений [2]. Европейский (ницшеанский) нигилизм, по мнению М. Хайдеггера, шире понимания нигилизма через

отрицание позитивизма, речь идет об историческом движении, в рамках которого «сверхчувственное» (божественное, святое) теряет приданную ему ценность. Нигилизм — событие, меняющее истину о сущем. Исчезновение прежних целей трактуется как освобождение и завершение, открывается критический образ истории [10].

В русской, прежде всего литературной, линии понятие «нигилизм» используется Н. Надеждиным в первой трети XIX в. Русский нигилизм в это время отличало соединение критического и даже разрушительного отношения к наличному обществу с потребностью и необходимостью разработки и воплощения радикальных общественных реформ. Следует отметить, что неожиданной стороной русского нигилизма выступил утилитаризм, так как считалось, что на смену абстрактному и предустановленному пониманию добра должно прийти учение о пользе, объявляющее критерием истины выгоду. Радикальные умонастроения стали одним из факторов разрушения эстетики «чистого» искусства, импульсом к становлению искусства как «сурового» суда над действительностью, отражения действительности как она есть, во всей полноте противоречий. Далее распространение нигилизма на науку и философию уже означало отрицание находящегося за пределами чувственного опыта и утверждение «невозможности метафизики».

Отметим, что сочинения Ницше получили известность в России только в последнее десятилетие XIX в. Задолго до этого сама русская философия уже сформировала те существенные особые черты, которые определили оригинальность как восприятия, так и переработки ницшеанских идей. Такой основой стали, в частности, многие из положений славянофилов А. Хомякова и И. Киреевского, направленные против отвлечённой системности рационализма западноевропейского мышления. Например, Киреевский противопоставил рационализму не ограниченное омертвляющим анализом цельное и «живое» познание, полагающее человеческую оценку явлений, прежде всего нравственно-эстетического характера. Далее он обличал кризис буржуазного (западноевропейского) сознания и общества, движущегося по пути меркантилизма. Позже усилиями А. Григорьева обновленное славянофильство вновь отвергает объяснительный рационализм и утверждает идею интуитивности и бессознательности творчества, органического единства и целостности мысли и жизни. Иными словами, введенное в обиход понятие «народных организ-

мов» предвосхищает идеи и Н. Данилевского, и Ф. Ницше, и О. Шпенглера.

В свою очередь Н. Данилевский подводит черту обсуждению этого вопроса положением о том, что европейская цивилизация находится накануне неизбежного заката. Основные симптомы «болезни» — материализм, нигилизм, либерализм. Эти явления объявляются чуждыми по корням и даже вредными для естественного, органического развития. Кульминацией развития он считает славянскую цивилизацию — славяноцентризм, выступающий против доминирования европоцентризма. Его единомышленником выступил К. Леонтьев, отрицательно относившийся к современной ему Европе, обвинявший ее в поверхностности либерально-эгалитарного (уравнительного) прогресса, в то время как всякое уравнение (равенство) противостоит естественному, чуждо органическим законам мира, только в правовом поле идея равенства оправдывает свою положительную оценку. Заключительный этап в становлении общества Леонтьев обозначает как «вторичное смесительное упрощение», сущность которого образно представлена как ступень дряхлости человеческого организма. Причина социальной дряхлости общественного организма — утрата естественных начал разного рода неравенства (физического, социального, политического), смешение сословий, наций.

Это стало русским вариантом разведения идеи равенства и идеи справедливости с последующим акцентированием последней. По этому поводу Н. Данилевский приводит следующее сравнение: «Все различие между нашим нигилизмом и нигилизмом заграничным, западным заключается единственно в том, что там он самобытен, а у нас подражателен, и потому имеет некоторое оправдание, будучи одним из неизбежных результатов исторической жизни Европы, а наш висит на воздухе и... есть явление смешное, карикатурное» [1, с. 51].

Но нас интересует противоположное представление о содержании и судьбе нигилизма в России. Отметим, что в Германии нигилизм проявляет себя прежде всего в философии, а в России — в общественно-политической культуре с сильным идеологическим креном, в том числе в связи со слабой определенностью философской культуры. К числу русских нигилистов с течением времени начинают причислять даже просветителей, например, В. Белинского, Н. Добролюбова, Н. Чернышевского, Д. Писарева.

Нигилистические идеи Д. Писарева со временем становятся частью его концепции реализма.

Идет формирование такого стиля мышления, который включает готовность и возможность пересмотра и отрицания освященных временем и традицией понятий и оценок, а также тех социальных, нравственных и эстетических явлений, которые возникают на пути прогрессивного развития общества и личности, стремящейся к достижению цели. Нигилизм не является закрытой завершенной системой, он представляет собой принцип оценки со своей внутренней содержательной логикой. Контекст обозначен пониманием, что философия не система знаний, а философствование, подключающее нас к бытию, и мир в целом не столько рационален, сколько полон рационализаций.

Вместе с тем отношение Писарева к философии опиралось на отождествление философского знания с опытным научным знанием, с сохранением за философией социально-критической функции. Задачи публицистики, обращенной к думающей публике, у него звучат следующим образом: стереть предрассудки и выработать разумное мирозерцание, показать, что улетать мыслью в сферы фантазии преступно. Подчеркнем, что в рамках сформулированной цели объединены как задача отрицания (разбить предрассудки), так и задача построения (выработать мирозерцание).

В философии нигилизм начинается с отрицания незыблемой власти авторитетов. По поводу современных ему взглядов на творчество античных авторитетов Писарев пишет: «Исследователи, особенно немцы, проходя перед этими личностями, обезоруживают свою критику, скромно потупляют взоры и ограничиваются в отношении к ним ролью почтительного и аккуратного передатчика» [6, с. 31]. В то время как теория Платона — отрицание эмпирического права и утверждение приоритетности идеи, нивелирование личности и подчинение человека через превращение в винтик государственного механизма как единичности проявлению общего. Таким образом, с самого начала нигилизм в России выступал как закономерная составляющая развития русской философской мысли и социальной теории.

Обобщая сказанное, отметим, что русское наполнение понятия «нигилизм» подразумевает позицию, согласно которой следует признать в качестве «по-настоящему» существующего то сущее, которое дано в чувственном восприятии и, соответственно, представлено в нашем опыте. Как следствие, отрицается все то, что обосновано властью традиции или институтами власти. При сравнении с западноевропейским подходом обнаруживается размывание границ между объемами понятий «нигилизм» и «позитивизм», что объяс-

няет присутствие среди представителей нигилизма мыслителей с различным и подчас противоположными мировоззренческими ориентирами. Более того, отрицательный тип человека (нигилиста) в русской литературе обозначил феномен оторванности интеллигенции от родных корней и соединение несогласия и отрицания со страданием в этом человеке.

Первым пересечением подходов и серьезным разбором философской концепции Ницше стала работа В. Преображенского, написанная в последнее десятилетие XIX в. Автор обращается к творчеству Ницше в поиске необходимого и реального пути преодоления мещанства и, одновременно, противостояния крепнущей социалистической социальной установке. Была дана достаточно глубокая критика моральных заповедей общества, в которых извращенно срослись христианский альтруизм и корпоративность, создавшие питательную почву для процветания утилитарного принципа полезности и счастья как отсутствия страдания.

В результате происходит обезличивание человека. Выход из регрессивного движения общества Преображенский, как и Ницше, видит в переоценке старых и провозглашении новых «скрижалей ценностей», возвышающих и облагораживающих человека. Главная заслуга немецкого философа — исторически первая западная постановка самой проблемы с позиции, находящейся над исторически преходящими нравственными оценками и воззрениями. Это позволило осуществить переход по ту сторону добра и зла, признать разнообразие морали, наличие «парадоксов» морали, включая несовпадение этического и практического, авторства правил нравственности, субъектов нравственного воспитания, иные вопросы, неразрешимые для теории морали. Такой взгляд на нравственность соотносит ее относительную и абсолютную природу, но с отказом от кантовской автономности морального закона. Уместно вспомнить положение Ницше о том, что у жизни нет иного смысла, кроме ее ценности и, соответственно, нравственно то, что поддерживает жизнь и безнравственно то, что ее прекращает. «Нравственность имеет только относительную ценность, а не абсолютную ценность. Относительная ценность нравственности измеряется упадком или взлетом жизни» [7].

Развернулась дискуссия, в рамках которой Н. Грот противопоставил «антихристианский» индивидуализм Ницше христианскому альтруизму Толстого, что еще раз обращает наше внимание на проблему соотношения гуманизма и гу-

манности, человеческого и человеколюбия, пассивного принципа «не вреди» и активного — «помогай». Сам автор выступил против концепции Ницше, защищающего «чистое» язычество и разрушающего нравственное мирозерцание христианина, и противопоставил ей позицию Толстого, утверждающего торжество христианских начал жизни. «Близость» этих очень разных мыслителей выражена в стремлении создать свободную личность и на этой основе новое общество и человечество. Но Грота интересует принципиальность их расхождения в выборе путей осуществления общего идеала. Пути эти с определенностью высказаны Ницше: «Чем больше зла, тем больше добра» (максимум зла, максимум добра), Толстой: «Чем меньше зла, тем больше добра» (минимум зла, максимум добра).

В связи с этим приведем три образа истории Ницше, образующие принцип историцизма против историзма: монументальная, антикварная и критическая. Человек — существо историческое. С другой стороны, положение Толстого «непротивление злу силою» отражает глубокое понимание того, что силою нельзя приумножить добро, нельзя сделать человека счастливым и свободным, следовательно, необходим поиск одной общей линии в мировой истории человеческой цивилизации без разрушительного плюрализма.

Только начиная с девяностых годов XIX в. идеи Ницше становятся одним из факторов движения эстетики декаданса (упадка), а также позицией для критики в русле очень разных идеалистических выступлений в философии и, прежде всего, в литературе. Так, Д. Мережковский, один из основателей «нового религиозного сознания», соотносит идеи Ницше с теми из течений русской философии, которые переосмысливают их в соответствии с идейными запросами русского идеализма.

Например, идею конца мира Мережковский считает значимой, так как она ставит человека и человечество на грань бытия и небытия, способствует осознанию конечности существования, так или иначе проявляет соотнесенность сущности и существования. Он показывает, что положения Ницше соответствуют и совмещаются с выводами, проистекающими «из глубин» русской жизни. «С двух разных, противоположных сторон подошли они к одной и той же бездне, дальше идти некуда, исторический путь пройден, дальше обрыв и бездна» (бездна заглядывает в нас) [3, с. 235] и приходит к выводу, что есть еще выход из этого кризиса рациональной и позитивной философии.

Таким выходом объявляется религия: когда кончается история, начинается религия, только она есть путь «созидающий», а не исторически обусловленный. Это интересная попытка использовать ницшеанский нигилизм для обоснования религии, более того, использовать, как это ни парадоксально, ницшеанскую критику религии в целом, его вывод о смерти Бога для оживления и усиления интереса к религии. И это в то время как Ницше «проклинает» христианство, заявляя, что оно, научив человека быть честным, ослабило тем самым природу.

Яркий представитель философии всеединства С. Франк описал в мемуарах историю своего знакомства с идеями Ницше. Основное впечатление от поэмы Ницше он обозначает как решение о внутреннем определении собственной судьбы. С. Франк определяет свою позицию как ситуацию «идеалиста-метафизика» — носителя духовного опыта, открывающего доступ (окно) к невидимой внутренней реальности бытия. Франк формулирует замысел — охарактеризовать подход Ницше как этический идеализм, и далее заключает, что учение Ницше: «нравственный кодекс жизни героя, впервые написанное евангелие для людей творчества и борьбы», «этика активного героизма», и даже «нравственный императив самопожертвования» [9, с. 46]. Заслуга Ницше — выработка новой этической системы на основе принципа любви к вещам и призракам.

Впервые выделенный и обозначенный вид нравственного чувства представлял собой одинаково удаленное как от эгоизма, так и от альтруизма, претендующее на большую ценность, чем человеколюбие чувство. Само понятие «любовь к призракам» было взято из положения Заратустры о том, что выше любви к ближнему любовь к дальнему и грядущему, а далее — любовь к вещам и призракам. В размышлении речь идет о любви к отвлеченным ценностям, которая преодолевается новым качеством чувства. В связи с этим приведем известное размышление Франка о природе зла как пустоте в душе человека, которой свойственно разрастание, иными словами, добро существует, а зло приходит. Речь идет о признании и принятии «моральных прав личности» как «священных и неотчуждаемых» прав человека, в то время как Ницше, протестуя против утилитаристского подхода, впадает в противоположную крайность и сближает «любовь к призракам» с эгоизмом.

В свою очередь Н. Тихомиров отмечает притягательность нигилистических идей Ницше для интеллигенции и поэтому связывает успех произведений М. Горького с ницшеанским характером

героев его ранних рассказов. В целом, нигилизм Ницше оценивался в этом случае без учета конкретно-исторического контекста, прежде всего, ему придается характер бесполезного отрицания, в рамках которого ничего не разрешено, ничего не устранено, обнаруживается только безрезультатная постановка вопросов. Критика ведется с позиций абстрактного (отвлеченного) христианского гуманизма, вневременных вечных (общечеловеческих) ценностей, вместе с тем отметим те суждения, которые для нас представляют интерес. Как антитеза Ницше звучит Достоевский, который высказывает «смирение против гордыни» ради возрождения человека через силу христианской любви и понимание ограниченности сил человека. Речь идет о произрастании из ничтожества к величию.

Сложным и противоречивым было отношение к ницшеанскому нигилизму философа-идеалиста В. Соловьева, учение которого синтезирует высшие ценности — истину, добро и красоту во всеединое сущее на христианской основе. Это сущее выступает предметом философии в границах «мистического» объективного идеализма, который не совместим с ницшеанским отрицанием традиционной философии и традиционных ценностей религии и нравственности. Кроме того, находясь на позиции христианского гуманизма и высокой этической требовательности, мыслитель не мог принять апологию Силы и отрицание Добра. Соловьев не принял русское декадентство, выступил против культа индивидуализма, «сильной личности», против идеализации и признания конструктивности зла. Он с иронией пишет о «трепещущих» перед именем Заратустры.

Однако и Ницше, и Соловьев приходят к мысли о необходимости создать вместо традиционных умозрительных философских систем философию нового типа. Ею должна и может стать философия жизни, служащая не столько познанию мира, сколько выражению жизненной активности человека, цельного восприятия мира. Жизнь — понятие многоплановое, не поддающееся логическому определению, но именно она представляет собой нравственную ценность: будем мы о ней говорить в биологическом, космологическом или культурно-историческом смысле. Для Ницше основу жизни человека составляет органическое неравенство, «воля к власти», биологическая трактовка жизни как круга, вечного возвращения. Для Соловьева философия жизни — воплощение принципов христианства [8]. Ницше ищет социальный идеал в дохристианском варварском и раннем эллинском мире, стремясь оце-

нить язычников, Соловьев же — в первом христианстве. Отвергая современную (буржуазную) цивилизацию, они оба искали ей альтернативу без учета реального процесса развития общества в мифологической или христианской иррациональности прошедших веков.

Значительной и близкой к западной форме отражением философского нигилизма стала позиция Л. Шестова — своеобразное русское ницшеанство до Ницше. Правомерность своего подхода он подкрепляет мыслью о том, что искусство не может быть ни выражением, ни объектом логического анализа, объяснение и понимание — разные формы обработки действительности. Задача искусства — выступать против регламентации, снять оковы с рвущегося к свободе человеческого ума, уничтожить «железную» необходимость. Отвергнув понимание искусства как отражения действительности, Шестов открывает в нем возможность собственных произвольных построений. Например, он представляет Достоевского как яркого выразителя тенденции, аналогичной ницшеанскому нигилизму. Позже Шестов займется отождествлением Достоевского и Кьеркегора, утверждая, что идеи и способы разыскания истины у них схожи. Шестов рассматривает творчество Достоевского как выражение и оформление персональных чувств и мыслей писателя. Он полностью отождествляет автора с его героями. Анархистская идея «подпольного» человека: «Свету ли провалиться, или мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться» — трактуется как авторская установка. Шестов видит в этом утверждение Достоевского о полной бессмысленности социального бытийствования вообще, хаотичности и в этом плане абсурдности жизни, надежд.

Вся прежняя философия, опиравшаяся на разум, оказывается бессильной перед ужасом и трагичностью жизни, зреет потребность в философии, осваивающей трагизм жизни и дающей возможность человеку повторить себя или самоутвердиться. Неограниченное сомнение — не что иное, как крах всех идеалов и ценностей. Смысл и философия трагедии Ницше и Достоевского состоит, вероятно, в том, что «надежда погибла навсегда, а жизнь есть». Жизнь и определяется как нечто бессмысленное по своей внутренней сущности, а если жизнь бесцельна, жестока и бессмысленна, то всякие планы ее переустройства в будущем столь же бессмысленны и иллюзорны. Таким образом, возвращается к жизни шопенгауэровское — мы живем в худшем из миров. Более того, такие планы порочны, ибо надежда на всеобщее счастье в будущем есть оправдание настоящего.

Описанный персонаж, отождествленный с Достоевским, приходит к отказу от всяких идеалов и надежд. Он считает идеи великого Сократа недо-разумением, его призыв к самопознанию, веру в разум — бессмысленными. Позже, уже как защитник идей Кьеркегора, Шестов еще не раз обратится к Сократу, доказывая неприемлемость порождений разума, бессильного познать и изменить мир, использующего генерализирующий, обобщающий и, соответственно, упрощающий метод познания действительности. Мораль же неприемлема как форма оправдания науки в своей позитивной форме. Шестов критикует Канта за то, что тот освятил законы морали разумом, поставил веру в границы разума, установил неразрывную связь разума и чувства, настаивая на том, что наши чувства без мыслей слепы, а наши мысли без чувств — пусты. Наука имеет вечную союзницу — мораль, справиться следует сначала с моралью, а потом ограничить науку.

Человек может жить без моральных и научных ценностей, без централизованного мировоззрения, провозглашает философ. Он пишет о кризисе сознания интеллигенции, которая привыкла плакать над страданиями народа, взывая к справедливости, и требовать новых порядков, а теперь еще и разочаровалась в собственных идеалах. Принципиально новые установки — признание недостаточности науки и разума в силу сложности жизни, неустранимости в ней противоречий в перспективе — создают предпосылки признания нового типа реальности или «новой рациональности». Традиционная «определённость» должна быть отвергнута, потому что она создаёт иллюзию прочного знания. Более того, философия не должна объединяться с логикой, она есть искусство, выводящее человека в царство фантазии. Оптимизм, вера в разум и прогресс тождественны мещанским добродетелям и буржуазной добропорядочности. Истинное выражение свободы, по Шестову, — в алогизме, антисциентизме, иррационализме, в искажении всех привычных понятий и, наконец, в концепции теоретического нигилизма: пусть с ужасом отвернутся от нас будущие поколения, пусть история заклеит наши имена как изменников общечеловеческому делу, — мы всё-таки будем слагать гимны уродству, разрушению, безобразию, хаосу, тьме... [11].

Таким образом, подводя итоги, подчеркнем, что русский нигилизм в отличие от западной линии — это не столько синоним неверия или «усталости культуры», ослабления веры человека в свои силы, а своеобразная переработка позитивизма, иррационализма, индивидуализма и соци-

ально-этического утопизма. Русский нигилизм — это противоречивое выражение потребностей жизни, которая спонтанна и вместе с тем целесообразна и устремлена в будущее, обрисованное революционно настроенной мыслью. Разрушение старого в русском нигилизме непосредственно связано с поиском новой науки и нового искусства, нового человека, нового общества.

Список литературы

1. *Данилевский Н.Я.* Происхождение нашего нигилизма. URL: <http://www.pereplet.ru/history/Author/Russ/D/Danilevskij/nihilism.html> (дата обращения: 01.03.2015).
2. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.
3. *Мережковский Д.С.* Толстой и Достоевский. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1902_tolstoy_i_dostoevsky.shtml (дата обращения: 01.03.2015).
4. *Нагой Ф.Н.* Онтологические и гносеологические модели философии истории: от прошлого к будущему // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 3(15). С. 66–73.
5. *Ницше Ф.* Антихристианин // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 17–94.
6. *Писарев Д.И.* Идеализм Платона. URL: http://iph.ras.ru/elib/Pisarev_Idealism_Platona.html (дата обращения: 01.03.2015).
7. *Преображенский В.П.* Фридрих Ницше: критика морали альтруизма. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/century/preobragen/> (дата обращения: 01.03.2015).
8. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1 М.: Мысль, 1988. С. 47–580.
9. *Франк С.Л.* Ф. Ницше и этика «любви к дальнему» // Франк С.Л. Сочинения. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 6–64.
10. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Проблема человека в современной западной философии. М.: Просвещение, 1988. С. 261–313.
11. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления // Шестов Л. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Томск: Водолей, 1996. С. 3–178.
12. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости. М.: Прогресс, 1990. 101 с.

Получено 09.03.2015

References

1. Danilevsky N.Ya. *Proishozhdenie nashego nigilizma* [Our nihilism's origin]. Available at: <http://www.pereplet.ru/history/Author/Russ/D/Danilevskij/nihilism.html> (Accessed 01.03.2015). (In Russian).
2. Kierkegaard S. *Strah i trepet* [Fear and trembling]. Moscow, Respublika Publ., 1993, 383 p. (In Russian).
3. Merezhkovsky D.S. *Tolstoy i Dostoevsky* [Tolstoy i Dostoevsky]. Available at: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1902_tolstoy_i_dostoevsky.shtml (Accessed 01.03.2015). (In Russian).
4. Nagoy F.N. [Ontological and gnoseological models of the philosophy of history: from the past to the future]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2013, iss. 3(15), pp. 66–73. (In Russian).
5. Nietzsche F. [The Antichrist]. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow, Politizdat Publ., 1989, pp. 17–94. (In Russian).
6. Pisarev D.I. *Idealism Platona* [Plato's idealism]. Available at: http://iph.ras.ru/elib/Pisarev_Idealism_Platona.html (Accessed 01.03.2015). (In Russian).
7. Preobrazhensky V.P. *Fridrih Nittsshe: kritika morali al'truizma* [Friedrich Nietzsche: altruism morality critique]. Available at: <http://www.nietzsche.ru/look/century/preobragen/> (Accessed 01.03.2015). (In Russian).
8. Solov'ev V.S. [Approval of good. Moral philosophy]. Solov'ev V.S. *Sochineniya: v 2 t. T. 1.* [Oeuvre in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 47–580. (In Russian).
9. Frank S.L. [Nietzsche and "love for remotes" ethics]. Frank S.L. *Sochineniya* [Oeuvre]. Moscow, Moscow State University Publ., 1990, pp. 6–64. (In Russian).
10. Heidegger M. [European nihilism]. *Problema cheloveka v sovremennoj zapadnoj filosofii* [Problem of a man in modern western philosophy]. Moscow, Prosveschenie, 1988, pp. 261–313. (In Russian).
11. Shestov L. [Apotheosis of groundlessness. Experience of antidogmatic thinking]. Shestov L. *Sochineniya: v 2 t. T. 2* [Oeuvre in 2 vol. Vol. 2]. Tomsk, Vodolej Publ., 1996, pp. 3–178. (In Russian).
12. Schopenhauer A. *Aforizmy zhitejskoj mudrosti* [Aphorisms on the wisdom of life]. Moscow, Progress Publ., 1990, 101 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 09.03.2015

Об авторе

Нагой Фатима Нурдиновна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии

Волгоградский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8;
e-mail: fatima_nm@mail.ru

About the author

Nagoy Fatima Nurdinovna

Ph.D., Associate Professor of Philosophy
and Sociology Department

Volgograd branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
8, Gagarin str., Volgograd, 400131, Russia;
e-mail: fatima_nm@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Нагой Ф.Н. Русский и западноевропейский философский нигилизм: сходства и различия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 40–47.

Please cite this article in English as:

Nagoy F.N. Russian and West European philosophical nihilism: similarities and differences // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 40–47.

УДК [114+116]: 530.145

ПРОБЛЕМА ПРОСТРАНСТВА И ДВИЖЕНИЯ В КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ

Годарев-Лозовский Максим Григорьевич

Санкт-Петербургский Философский клуб Российского философского общества

В статье констатируется противоречие между представлениями о перемещении физических объектов в пространстве в классической и квантовой механике. Предлагается теория, которая, разрешая известные апории Зенона, устраняет это противоречие. При этом основным допущением является атемпоральный характер элементарных перемещений квантовых микрообъектов (в т.ч. атомов) в непрерывном пространстве. В предшествующих публикациях мы предложили принцип атемпоральности динамики некоторых параметров квантового микрообъекта, в том числе координат, в пространстве. Действительно, соотношение неопределенности Гейзенберга показывает, что присутствие координат квантовой частицы несовместимо с наличием у нее скорости. Уравнение Шредингера описывает вероятностно именно то, что объективно и фактически имеет место в действительности. Допустима также интерпретация этого уравнения в пользу атемпоральности: даже в бесконечно малый промежуток времени существует конечная вероятность того, что частица присутствует в некотором объеме, а в следующий бесконечно малый промежуток времени существует вероятность того, что частица отсутствует в том же объеме. Показано, что из совокупности последовательных вневременных телепортаций атомов, составляющих макротело, складывается темпоральное его движение.

Ключевые слова: кинематика; бесконечность; атемпоральность; бестраекторность; реальное пространство; перемещение; квантовая механика.

THE PROBLEM OF SPACE AND MOTION IN QUANTUM MECHANICS

Maxim G. Godarev-Lozovsky

St. Petersburg's Philosophical Club of The Russian Philosophical Society

In the present work shown are contradiction between beliefs about space movement of physical objects in classical and quantum mechanics. A theory that resolves the known Zenonaporias and removes this contradiction is suggested. The basic assumption is the atemporal nature of the basic movements of quantum micro-objects (including atoms) in continuous space. In our previous papers we suggested the principle of atemporality: certain parameters of a quantum micro-object, including coordinates in space, change atemporally. Indeed, the Heisenberg relation of uncertainty shows that the presence of coordinates of a quantum particle is incompatible with the presence of its velocity. The Schrödinger equation describes probabilistically exactly that, which objectively and actually takes place in reality. It is also permissible to treat this equation in favor of atemporality: even within an indefinitely small period of time there is some probability that a particle is present in certain volume, and in the next indefinitely small period of time there is some probability that the same particle is absent in the same volume.

It is shown that a set of sequential extra-temporal teleportations of atoms constituting a macro-body results in its temporal movement.

Key words: kinematics; infinity; atemporality; lack of trajectory; real space; movement; quantum mechanics.

В. Бернштейн, критикуя господствующую интерпретацию квантовой механики, сделал любопытное наблюдение: в процессе исторического развития науки отдельные научные дисциплины отпочковались от философии, однако произошел и обратный процесс — основами квантовой механики сейчас занимается преимущественно философия,

официальная же физика примирилась с наличием неясных вопросов и их узаконила [3, с. 30]. Одним из таких «узаконенных» неясных вопросов остается вопрос понимания сущности перемещения физических объектов в пространстве.

Проблема

М. Бунге в своей известной книге отмечал: «Не следует ожидать, что в квантовой механике должны существовать кинематика или теория движения лишь по той причине, что она носит неверное название *механики*... Квантовая механика вовсе не предназначается для ответов на вопросы классической кинематики... Об отношениях между квантовой и классической механикой мы знаем очень мало» [4, с. 176]. Ясно одно: физике движение макро- и микрообъектов представляется по-разному. Если в одном случае оно описывается уравнениями движения Ньютона, то в другом — уравнением Шредингера. Известно, что уравнение Шредингера дает набор вероятных решений в виде стационарных состояний, но не описывает процессы перехода из одного стационарного состояния в другое. Представляется, что не связанная с вероятностями классическая механика Ньютона и квантовая механика, имея каждая свой специфический язык и аксиоматику, не имеют прежде всего логического согласования друг с другом, строгого доказательства того, что одна переходит в другую [4, с. 264].

Каким же образом согласовать эти различные представления о перемещении в пространстве? В связи с поставленным вопросом процитируем некоторые интересные мысли Максвелла: «Обычно научное знание растет за счет аккумуляции вокруг конечного числа отличающихся друг от друга центров. Но рано или поздно должно наступить такое время, когда два или более раздела знания уже не могут оставаться независимыми друг от друга, а должны слиться в согласованное целое... каждая наука может показаться достаточно согласованной внутри самой себя, но прежде чем науки смогут быть объединены в одно целое, каждая должна быть освобождена от “известкового раствора”, при помощи которого ее части были предварительно скреплены для согласования друг с другом...». Р. Нугаев в этой связи замечает: Максвелл отдает себе отчет в том, что любое наблюдение всегда несет на себе отпечатки теоретического языка... «следы цемента». Поэтому, по Максвеллу, необходимо создать «нейтральный язык» или теоретический язык, по возможности равноудаленный от всех сравниваемых теорий [17, с. 48]. А какой язык, если не язык философии, равноудален от языка конкретных наук? Вот только с «цементом» нужно очень внимательно разобраться, ибо каждая из наук имеет свои собственные парадигмы и, увы, собственные же мифы.

Итак, определим текстуально основную проблему, которую постараемся решить: *как соотносить бестраекторный и траекторный принципы перемещения физических объектов?* Представление о движении физического объекта в ньютоновой механике основано на допущении того, что этот объект проходит свой путь *последовательно и поточечно*. Однако известно, что бестраекторное движение квантовой частицы опровергает подобное допущение. (В настоящей работе под термином «движение» предлагается понимать исключительно перемещение физических объектов в пространстве.)

История проблемы

К истории проблемы относятся известные апории Зенона из Элеи: Дихотомия, Стрела, Ахиллес и Черепаха, которые обнаружили противоречивость движения через бесконечную последовательность отрезков пути непрерывного пространства. Позже Аристотель указывает на возможность разрешить данное противоречие допущением о бесконечной делимости не только пространства, но и времени, т.е. тело за бесконечно малый промежуток времени проходит бесконечно малый отрезок пути и на первый взгляд противоречие разрешается [1, с. 252]. На этом неявном допущении в науку о движении в XVII в. входит дифференциальное исчисление. Однако наименьшего, т.е. бесконечно малого, приращения пути тела в реальности *не существует*, а бесконечная последовательность отрезков пути *не может по определению исчерпаться* [12, с. 43]. Апоории Зенона логически остаются неразрешимыми.

Необходимо отметить, что еще в средневековой арабской философии физическое движение могло рассматриваться как уничтожение тела и его возникновение заново, т.е. как движение путем мгновенного скачка, которое совершает тело от одного места к другому, минуя промежуточные места [5, с. 67]. С рождением квантовой механики проблема понимания сущности движения заявляет о себе с новой силой и в новом контексте: необходимо осознать и осмыслить *совершенное новое явление*, т.е. квантовые скачки.

В 1925–1927 гг. проблему интерпретации квантовых скачков обсуждают основатели квантовой механики. При этом их позиции принципиально расходятся: Э. Шредингер скачки отрицает; А. Эйнштейн фактически объясняет их наличием скрытой траектории частицы; В. Гейзенберг отрицает, что скачки происходят в пространстве и времени; Н. Бор отрицает их наглядность и про-

сто постулирует [6, с. 62]. С осени 1927 г. утверждается господствующая ныне копенгагенская интерпретация квантовой механики, в основе которой лежит запрет на вопрос о том, что есть квантовый объект вне его наблюдения, и принцип: «Считай и не задавай философских вопросов». Однако физика, как справедливо замечает А. Севальников, в конечном счете интересуется именно этот «запрещенный» вопрос: *что есть объект сам по себе?* [18, с. 69].

Когда В. Гейзенберг высказывает свое суждение относительно внепространственно-вневременной интерпретации сущности квантовых скачков, он не догадывается, что прав только наполовину. Ибо эти скачки действительно реализуются *вне времени, но исключительно в пространстве*. Ошибка Гейзенберга не случайна, ведь он мыслит категориями релятивистского пространства–времени. Однако квантовая частица, в отличие от частицы релятивистской, не имеет траектории, а это означает, что у нее *нет мировой линии!* Бор это чувствует и поступает иначе: он следует ньютонову принципу «физика — бойся метафизики!» и фактически отказывается признать квантовые скачки физическим процессом. Он предлагает свои известные принципы — соответствия и дополненности. Учитывая авторитет Бора, многие до сих пор необоснованно полагают, что эти принципы полностью исчерпывают проблему гармонизации представлений о движении микрообъектов и макротел в пространстве. В частности, критика подобных заблуждений «копенгагенцев» содержится в работе А. Липкина [16, с. 110].

Концептуальное решение проблемы

В период становления квантовой механики крупнейший математик своего времени Д. Гильберт, по существу, призвал физиков отказаться от неадекватных представлений о движении микрообъектов в пространстве и времени, но, к сожалению, услышан не был [7, с. 37]. В развитие этой идеи Гильберта значительно позднее М. Годаревым-Лозовским был предложен *принцип атемпоральности*: «Некоторые параметры квантового микрообъекта (в т.ч. координаты, направление поляризации и др.) изменяются атемпорально» [8, с. 60]. Теория физического пространства и движения, развивая принцип атемпоральности, превращает его в научную философскую теорию. Для этой теории предлагаются философские основания, в которых исходным является принцип различения: «Существует толь-

ко то, что имеет различие» [13, с. 302]. Это означает, что по отношению к пространству и времени существуют четыре различных взаимодополнительных типа реальности. Их структуру отражает подход к фундаментальным типам реальности В. Фалько [19, с. 161].

Подход В. Фалько позволяет признать старательно игнорируемую многими физиками вневременную реальность, хотя нет ничего удивительного в том, что электростатика обходится без понятия времени. Но прежде чем излагать нашу теорию, ответим на вопрос: каков реальный смысл известной дискретности связанной с движением, т.е., образно выражаясь, каков смысл «скачков координат микрообъекта» при его перемещении?

Дискретность движения в микромире

В квантовой механике определяемое по макроскопическим часам время является переменной величиной. Эта величина де-факто выполняет роль *скрытого параметра* эволюции некоторых состояний. По молчаливому соглашению к эволюционирующим во времени динамикам относят даже квантовый скачок электрона в атоме с одного энергетического уровня на другой. При этом полагают, что некоторые потенциально наблюдаемые параметры частицы не имеют физического смысла и объявляются несуществующими. К таким параметрам, в частности, относят актуальные координаты микрообъекта в пространстве до их измерения. [9, с. 148].

Однако представляется, что обозначенная выше парадигма, назовем ее темпоральной, является ошибкой. Ведь именно *время как ненаблюдаемая величина* лишено физического смысла при рассмотрении динамики некоторых состояний. К процессам, лишенным длительности, мы можем отнести элементарный (т.е. далее неделимый) бестраекторный скачек координат микрообъекта, который вполне согласуется с логическим законом исключенного третьего. Если объект X находится в одном из A и B, то он не находится в другом, находясь одновременно, но последовательно в разных местах. Логика также требует, чтобы *субъективно неопределенные, но при этом актуальные и потенциально наблюдаемые состояния* обрели физический смысл до момента измерения.

К потенциально наблюдаемым параметрам мы можем отнести актуальные координаты микрообъекта до их измерения, последовательность которых, вероятно, *не зависит от временной последовательности*. При этом серию элементарных

(неделимых) перемещений квантовой частицы допустимо только в некотором приближении рассматривать квазиклассически, описывая ее непрерывной функцией. Удивительно, но сам А. Эйнштейн допускал возможность отказа физики от пространственно-временного континуума и непрерывных функций. Он писал: «Можно думать, что человеческая изобретательность в конце концов найдет методы, которые позволят следовать этому пути» [21, с. 56]. Возможно, что функция, разрывная в каждой точке, как полагает В. Янчилин, действительно отражает суть серии элементарных перемещений частицы в пространстве [22, с. 29]. С. Артеха задается вопросом: «Что мешает выбрать в качестве волновой функции обобщенную функцию или функцию с разрывом, скачком и др. (что могло бы “скомпенсировать” некоммутативность и устранить якобы одновременную неизмеримость величин)?» [2, с. 107]. Как уже упоминалось выше, нами предложен принцип атемпоральности: *некоторые параметры квантового микрообъекта, в том числе координаты в пространстве изменяются атемпорально* [8, с. 60].

Действительно, соотношение неопределенности Гейзенберга показывает: наличие координат у квантовой частицы несовместимо с одновременным наличием у нее скорости. При этом *координаты, пусть и неопределенные, частице присущи всегда*. Это означает, что скорость при элементарном перемещении микрообъекта становится «вне закона». С. Артеха язвительно замечает по этому поводу: «Чему же по физическому смыслу отвечают собственные функции оператора импульса? Частице, которая одна во всей Вселенной и летит с постоянной скоростью неизвестно относительно чего и даже неизвестно где, так как “размазана” во всей Вселенной. Замечательно емкое понятие!» [2, с. 107]. Косвенно на незаконность такого понятия, как скорость элементарного перемещения микрообъекта, указывает со своей стороны сама невозможность описания квантовой частицы с помощью уравнений движения Ньютона.

Но на что указывает тогда уравнение Шредингера? Определим амплитуду вероятности в духе работы Г. Левина — как средство описания, характеристику актуально происходящего до момента измерения [14, с. 97]. Именно то, что объективно и актуально происходит в действительности, описывает вероятностно уравнение Шредингера. Это уравнение также допустимо трактовать в пользу атемпоральности: *даже в бесконеч-*

но малый отрезок времени dt_1 имеется вероятность пребывания частицы в некотором конечном объеме dV , а в следующий за ним бесконечно малый отрезок времени dt_2 имеется вероятность отсутствия частицы в этом же объеме.

Сущность физического пространства

Но о каком пространстве все же идет речь?

Известно, что математический формализм квантовой механики формулируется в терминах гильбертова бесконечномерного пространства. Постепенно это вспомогательное математическое пространство стало ассоциироваться с реальным, трехмерным физическим пространством. Однако *только ассоциироваться*, но, что очень важно, не заняло его места! При этом учитывая а) противоречия между квантовой механикой и теорией относительности [18, с. 146]; б) однородность распределения вещества в космологических масштабах; в) топологическую инвариантность ньютонова пространства и др., следует отметить: *реальное пространство физического мира, несомненно, является евклидовым и трехмерным!*

Непрерывность пространства общепринята, ведь демокритова концепция конечных атомов как элементов пространства — анахронизм уже со времен И. Канта. «Всякое созерцаемое в своих границах пространство есть такое целое, части которого при всяком разложении в свою очередь все еще представляют собой пространства, и потому оно делимо до бесконечности» [11, с. 473]. А Г. Кантор полагал актуально — бесконечное множество, мыслимое как целое, как данность, самоочевидным понятием, что относилось, однако, к математическому континууму. Действительно, десятичная дробь 0,333... бесконечно делима сразу *как данность* без учета процесса потенциального деления этой величины.

Относительно физического пространства известно, что его дискретность весьма сомнительна как в теории, так и в эксперименте [10].

Теория физического пространства и движения

Теория пространства

1. Не имеется доказательств существования абсолютной пустоты. Например, позицию У. Хетчера по этому поводу можно выразить в следующем высказывании. Поскольку ни один из известных науке составных феноменов несамообусловлен, постольку имеется один и только один самообусловленный феномен G, причем

этот феномен G является простой (несоставной) всеобщей причиной, т.е. причиной любого существующего феномена. При этом, утверждал Парменид, никогда не может быть доказано, что несуществующее существует.

2. В связи с отсутствием существования абсолютной пустоты реальное трехмерное физическое пространство, заполненное материей, актуально бесконечно делимо.

Теория движения

3. Ввиду актуальной бесконечной делимости пространства элементарное (т.е. далее неделимое) перемещение в нем квантового микрообъекта атемпорально и бестраекторно. Д. Гильберт и П. Бернайс, намечая путь к разрешению известных апорий Зенона, рассуждают следующим образом. «Подобно тому, как при неограниченном пространственном дроблении вода перестает быть водой, при неограниченном дроблении движения также возникает нечто такое, что едва ли может быть охарактеризовано как движение. ... Действительно ли мы располагаем доказательством непротиворечивости математической теории движения?.. Мы вовсе не обязаны считать, что математическое пространственно-временное представление о движении является физически осмысленным также и в случае произвольно малых пространственных и временных интервалов».

4. Темпоральное движение макротела складывается из последовательных атемпоральных перемещений атомов, составляющих это тело. В соответствии с концепцией А. Левича, «движение происходит не путем “раздвигания” элементов субстанции, а путем их замены в системе, т.е. “вхождения” в систему одних “точек”... пространства и выхода других».

Сообразуясь с известным лаконичным выражением академика Л.А. Арцимовича «правильное просто», следует сказать, что предлагаемая теория — предельно проста.

На основании теории физического пространства и движения возможны следующие предположения:

1) всякое фундаментальное теоретическое построение, явно или неявно основанное на дискретности пространства или времени, обречено на расходимость;

2) время квантового туннелирования всякого множества объектов всегда будет стремиться к нулю;

3) формулы движения классической механики можно корректно получить из формул квантовой

механики только с учетом атемпоральной гипотезы.

В заключение можно констатировать, что с появлением квантовой механики гипотетическое признание атемпоральности перемещения частиц вступило бы в конфликт с представлением о физическом (но не метафизическом!) характере перемещения объектов в пространстве. Теория физического пространства и движения предлагает новые метафизические основания для фундаментальных концепций современной квантовой физики.

Список литературы

1. *Аристотель*. Физика // Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.
2. *Артеха С.Н.* Основания физики. Критический взгляд. Квантовая механика. М.: URSS, 2015. 208 с.
3. *Бернштейн В.М.* Развитие электродинамики Гаусса-Вебера: квантовая механика без волновой теории; Соотношение неопределенности Гейзенберга без парадоксов // Международный конгресс «Фундаментальные проблемы естествознания и техники». СПб.: 2000. № 1, т. 1. 198 с.
4. *Бунге М.* Философия физики. М.: Прогресс, 1975. 342 с.
5. *Гайденок П.П.* История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: Либриком, 2011. 456 с.
6. *Гейзенберг В.* Часть и целое. М.: УРСС, 2012. 616 с.
7. *Гильберт Д., Бернайс П.* Основания математики. Логические исчисления и формализация арифметики. Т. 1. М.: Наука, 1982. 556 с.
8. *Годарев-Лозовский М.Г.* Возможность и онтологические основания атемпоральной интерпретации квантовой механики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 1(17). С. 60–67.
9. *Гринштейн Дж., Зайонц А.* Квантовый вызов. Долгопрудный: Интеллект, 2008. 400 с.
10. *Каганов М.И., Любарский Г.Я.* Абстракция в математике и физике. М.: Физматлит, 2005. 352 с.
11. *Кант И.* Сочинения: в 6 т. Т. 3. М., 1964. 730 с.
12. *Катасонов В.Н.* Метафизическая математика XVII века. М.: URSS, 2014. 144 с.
13. *Кольчев П.М.* Релятивная онтология и релятивистская квантовая физика // Философия физики: материалы науч. конф. (17–18 июня 2010 г.). М.: Либриком, 2010. 387 с.
14. *Левин Г.Д.* Что есть вероятность? // Вопросы философии. 2014. № 2. 190 с.

15. Левич А.П. Моделирование времени как методологическая задача физики // *Философия физики: материалы науч. конф. (17–18 июня 2010 г.)*. М.: Либриком, 2010. 387 с.
16. Липкин А.И. Основания физики. Взгляд из теоретической физики. М.: УРСС, 2014. 208 с.
17. Нугаев Р.М. Генезис электродинамики Максвелла: интертеоретический контекст // *Философия науки*. 2014. № 2(61). 120 с.
18. Севальников А.Ю. Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии / Институт философии РАН. М.: УРСС, 2009. 192 с.
19. Фалько В.И. Типы философских онтологий физики // *Философия физики: материалы науч. конф. (17–18 июня 2010 г.)*. М.: Либриком, 2010. 387 с.
20. Хэтчер У. Минимализм. СПб.: Аксиос, 2003. 119 с.
21. Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965. 360 с.
22. Янчилин В.Л. Квантовая нелокальность. М.: УРСС, 2010. 144 с.
- and formalization of arithmetic. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 556 p. (In Russian).
8. Godarev-Lozovsky M.G. [The possibility and ontological basis for atemporal interpretation of quantum mechanics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”]. 2014, iss. 1(17), pp. 60–67. (In Russian).
9. Greenstein G., Zajonc A. *Kvantovyy vyzov. Sovremennye issledovaniya osnovanij kvantovoj mehaniki* [The quantum challenge. Modern research on the foundations of quantum mechanics]. Izdatel'skij dom Intellect Publ., 2008, 400 p. (In Russian).
10. Kaganov M.I., Lyubarsky G.Ya. *Abstraktsiya v matematike i fizike* [Abstraction in mathematics and physics]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2005, 352 p. (In Russian).
11. Kant I. *Sochineniya: v 6 t. T. 3* [Oeuvre in 6 vol. Vol. 3]. Moscow, 1964, 730 p. (In Russian).
12. Katasonov V.N. *Metafizicheskaya matematika XVII veka* [Metaphysical mathematics of the XVIIth century]. Moscow, URSS Publ., 2014, 144 p. (In Russian).
13. Kolychev P.M. [Relative ontology and relativistic quantum physics]. *Materialy nauchnoj konferentsii 17–18 iyunya 2010* [Proceedings of scientific conference of June 17–18, 2010]. Moscow, Knizhnyj dom Librokom Publ., 2010, 387 p. (In Russian).
14. Levin G.D. [What is probability?]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2014, no 2, 190 p. (In Russian).
15. Levich A.P. [Time modelling as methodological aim of physics]. *Filosofiya fiziki: Materialy nauchnoj konferentsii 17–18 iyunya 2010* [Philosophy of physics: Proceedings of scientific conference of June 17–18, 2010]. Moscow, Knizhnyj dom Librokom Publ., 2010, 387 p. (In Russian).
16. Lipkin A.I. *Osnovaniya fiziki. Vzglyad iz teoreticheskoj fiziki* [Foundations of physics. View from theoretical physics]. Moscow, URSS Publ., 2014, 208 p. (In Russian).
17. Nugaev R.M. [Maxwell's electrodynamics genesis: intertheoretical context]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. 2014, no 2(16), 120 p. (In Russian).
18. Seval'nikov A.Yu. *Interpretatsii kvantovoj mehaniki. V poiskah novoj ontologii* [Quantum's mechanics interpretations. In search of a new ontology]. Moscow, URSS Publ., 2009, 192 p. (In Russian).
19. Fal'ko V.I. [Types of philosophical ontologies of physics]. *Materialy nauchnoj konferentsii 17–18 iyunya 2010* [Proceedings of scientific conference of June 17–18, 2010]. Moscow, Knizhnyj dom Librokom Publ., 2010, 387 p. (In Russian).

Получено 23.02.2015

References

1. Aristotle. [Physics]. *Sochineniya: v 4 t. T. 3* [Oeuvre in 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1981, 613 p. (In Russian).
2. Arteha S.N. *Osnovaniya fiziki. Kriticheskij vzglyad. Kvantovaya mehanika* [Foundations of physics. Critical look. Quantum mechanics]. Moscow, URSS Publ., 2015, 208 p. (In Russian).
3. Bernshtein V.M. [Gauss-Weber's electrodynamics development: quantum mechanics without wave theory; Correlation if Heisenberg's uncertainty principle without paradoxes]. *Mezhdunarodnyj kongress «Fundamental'nye problemy estestvoznaniya i tehniki»*. No 1, t. 1 [International congress «Fundamental problems of natural science and technics». No 1, vol. 1]. Saint Petersburg, 2000, 198 p. (In Russian)
4. Bunge M. *Filosofiya fiziki* [Philosophy of physics]. Moscow, Progress Publ., 1975, 342 p. (In Russian).
5. Gajdenko P.P. *Istoriya novej evropejskoj filosofii v ee svyazi s naukoj* [History of modern European philosophy and its connections with science]. Moscow, Knizhnyj dom Lebrikon Publ., 2011, 456 p. (In Russian).
6. Heisenberg W. *Chast' i tseloe* [The part and the whole]. Moscow URSS Publ., 2012, 616 p. (In Russian).
7. Gilbert D., Bernais P. *Osnovaniya matematiki. Logicheskiye ischisleniya i formalizatsiya arifmetiki. T. 1* [Foundations of mathematics. Logical calculus

20. Hatcher W. *Minimalizm* [Minimalism]. 2003, 119 p. (In Russian).
21. Einstein A. *Fizika i real'nost'* [Physics and reality]. Moscow, 1965, 360 p. (In Russian).
22. Yanchilin V.L. *Kvantovaya nelokal'nost'* [Quantum nonlocality]. Moscow, URSS Publ., 2010, 144 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 23.02.2015

Об авторе

Годарев Максим Григорьевич
(псевдоним — Годарев-Лозовский М.Г.),
Председатель Санкт-Петербургского
Философского клуба
Российского философского общества
198259, Санкт-Петербург;
e-mail: godarev-lozovsky@yandex.ru

About the author

Godarev Maxim Grigorievich
(pseudonym Godarev-Lozovsky M.G.),
Chairman of the St. Petersburg's Philosophical Club
of The Russian Philosophical Society
Saint-Petersburg, 198259, Russia;
e-mail: godarev-lozovsky@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Годарев-Лозовский М.Г. Проблема пространства и движения в квантовой механике // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 48–54.

Please cite this article in English as:

Godarev-Lozovsky M.G. The problem of space and motion in quantum mechanics // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 48–54.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923+316.34/.35

**РЕФЛЕКСИВНЫЕ АДАПТАЦИИ ХАРАКТЕРА
И СОЦИОМЕТРИЧЕСКИЙ СТАТУС***Балабина Арина Дмитриевна**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

В рамках пятифакторной теории личности Р. Мак-Крея и П. Косты изучается вклад рефлексивных адаптаций характера во взаимосвязь черт личности и социометрического статуса студента. Проведено эмпирическое исследование на выборке в 300 человек — студентов в возрасте от 17 до 23 лет (240 женщин и 60 мужчин) с применением модификации опросника BigFiveInventory. Установлено, что экстраверсия оказывает эффект на социометрический статус только через установку на экстраверсию. Итоги структурного моделирования и анализа медиаций свидетельствуют, что установка на экстраверсию представляет собой более надежный предиктор высокого социометрического статуса, чем собственно экстраверсия. Влияние этого предиктора выходит за рамки как собственно черт личности, так и иных рефлексивных адаптаций характера (диспозициональной эффективности, отраженной черты и отраженной установки на черту). Наряду с положительной установкой на экстраверсию высокий статус также предсказывали положительная установка на нейротизм и отрицательная — на добросовестность.

Ключевые слова: пятифакторная теория личности; рефлексивные адаптации характера; саморефлексия; социометрический статус; архитектура личности.

**REFLEXIVE CHARACTERISTIC ADAPTATIONS
AND SOCIOMETRIC STATUS***Arina. D. Balabina**Perm State University*

In the context of the five-factor theory (McCrae & Costa, 1996, 2003), the present study addresses the contribution of reflexive characteristic adaptations to the relationship between personality traits and sociometric status of students.

In this regard, we conducted an empirical research which employed a sample of 300 undergraduates aged from 17 to 23 years (including 240 women). A set of the Big Five Inventory (John et al., 1991, 2008) modifications were used which measure reflexive characteristic adaptations along with conventional personality traits. The study revealed that extraversion rendered an effect on sociometric status only through attitude toward extraversion. Structural modeling and the analysis of mediations showed that attitude toward extraversion was more important predictor of sociometric status than extraversion itself. We found out that the influence of this predictor went beyond the scope of personality traits themselves as well as other reflexive characteristic adaptations (particularly trait efficacy, meta-traits and meta-attitudes toward traits). Along with positive attitudes toward extraversion, these were positive attitude toward neuroticism and negative attitude toward conscientiousness that predicted an increased sociometric status among undergraduates.

Key words: five factor theory; reflexive characteristic adaptations; self-reflection; sociometric status; architecture of personality.

Введение

Возрастание роли человеческого фактора, важность проблем, связанных с человеком, предопределяет на современном этапе развития психологии приоритетность исследования особых состояний личности, сложным образом опосредующих связь личности с внешней средой, предшествующих ее реальному поведению [3]. Природа межличностных отношений сложна. В этих отношениях проявляются как индивидуальные качества личности — её эмоциональные и волевые свойства, интеллектуальные возможности, так и усвоенные нормы и ценности общества. В межличностных отношениях человек реализует себя [9]. На содержание межличностного взаимодействия влияют не только намерения, усилия его участников, количество потраченного времени на развитие этих отношений, но и то, как они воспринимаются их участниками [10]. Статусный аспект социальной позиции позволяет описать ее как место, положение индивида или группы в системе отношений в обществе или положение индивида в межличностных отношениях, определяемое по ряду специфических признаков и регламентирующее стиль поведения.

Социометрический статус близок к личному статусу, представляющему собой, по определению Т. Шибутани, «положение, которое человек занимает в первичной группе в зависимости от того, как он оценивается в качестве человеческого существа. Личный статус человека, как и положение в обществе, есть социальный процесс и может быть определен только в связи с взаимоотношениями, которые устанавливаются между людьми в первичных группах» [16].

Социометрический статус — это положение личности в системе межличностных отношений, которое определяется числом выборов или предпочтений, получаемых каждым членом группы [5]. В отечественной социальной психологии вопросы социометрического статуса личности всесторонне изучаются [см.: 4, 13, 14]. В этих исследованиях проанализированы проблемы формирования социометрического статуса личности, его стабильности, динамики, факторов, влияющих на его формирование.

В настоящем исследовании мы рассматриваем социометрический статус студентов с «внутренней позицией» [1], под которой понимаются взгляды, представления и диспозиции личности относительно условий собственной жизнедеятельности, реализуемые и отстаиваемые ею в группах

членства, как единство объективного и субъективного в личности [3].

Рефлексивные адаптации характера в пятифакторной структуре личности

Представления индивида о своих чертах, выражающихся в индивидуальных особенностях поведения и в системе ценностей, остается центральной идеей в современной психологии индивидуальных различий [23, 26]. Роль индивидуальных особенностей в действиях человека в разных ситуациях и контекстах, его отношения к различным сторонам жизни — в центре внимания исследователей и практиков в области психологии личности [21, 29].

В диспозициональной традиции изучение личности в существенной степени строится на выделении ряда качественно отличных друг от друга компонент, именуемых обычно чертами или свойствами [8]. В сравнении с другими диспозициональными концепциями личности специфику пятифакторной теории (ПФТ) Р. Мак-Крея (*R. McCrae*) и П. Косты (*P. Costa*) [26, 27] следует искать в соотношении двух ее ключевых элементов: базовых тенденций (*basic tendencies*) и адаптаций характера (*characteristic adaptations*). Согласно ПФТ отнесение феномена к разряду базовых тенденций предполагает его однозначную биологическую детерминацию. С последней ПФТ связывает не только генетические эффекты, но и различные воздействия на организм человека, в том числе специфику протекания пренатального периода, прижизненные травмы и заболевания [27]. Однозначная биологическая детерминация черт личности означает, что базовые черты практически неизменчивы под действием внешней среды — в сравнении с социальными установками, атрибуциями или Я-концепцией.

ПФТ лишь утверждает, что под воздействием среды не меняются черты личности. Изменяется то, что в данной концепции называется «адаптациями характера» — совокупность навыков, убеждений, ценностей, позволяющих индивиду осмысленно взаимодействовать со средой и являющихся, по сути, продуктом этого взаимодействия [27].

В силу потери личностной индивидуальности в условиях современности [6, 13] человеку необходимо стремиться к собственному познанию, самораскрытию и самоопределению. Подобные процессы не способны протекать без помощи саморефлексии [6]. Саморефлексия предоставляет индивиду возможность ориентироваться в своем

внутреннем мире, выделять в себе индивидуально-психологические особенности собственной личности.

Предположительно индивид рефлексивно как идею черт личности, так и свои собственные черты в ряде различных направлений. В этом отношении черты личности как базовые тенденции могут быть объектом анализа индивида, что приводит к возникновению адаптаций характера особого, рефлексивного, типа [27].

Согласно С.А. Щебетенко [17], предпосылкой создания рабочей модели рефлексивных адаптаций характера послужила теория запланированного поведения (*theory of planned behavior*), предполагающая регрессионный подход к предсказанию поведения. В частности, поведенческое намерение, а в конечном счете и поведение, рассматриваются в качестве функции трех взаимосвязанных, но не дублирующих друг друга предикторов: установок на данное поведение (*attitudes toward the behavior*), субъективных норм (*subjective norms*) и воспринимаемого поведенческого контроля (*perceived behavioral control*) [18, с. 182]. Аналогичным образом рефлексивные адаптации характера призваны увеличить дисперсию поведения, объясняемую личностными конструктами, посредством учета различных углов зрения, с которых индивид может смотреть на свою личность и личность как психологический феномен.

К рефлексивным адаптациям характера относятся диспозициональная эффективность (самооценка успешности реагирования на ситуации, релевантные данной черте), отраженная черта (самооценка восприятия черты личности индивида значимыми другими), установка на черту (положительная/отрицательная оценка черты индивидом), отраженная установка на черту (мнение индивида об оценках черты, присущих значимым другим). В соответствии с концепцией архитектуры личности [20] все конструкты можно разделить условно: на компонент знаний (диспозициональная эффективность и отраженная черта личности) и оценочный компонент (установка на черту и отраженная установка на черту). Это вновь возвращает нас к явлению саморефлексии индивида — механизму самосознания и компоненту метаспособности, содействующему субъекту в отражении его внутреннего мира, индивидуальных особенностей и познания себя как исследователя [2]. Эта способность приводит человека к умению оценить как свои действия и поступки, так и действия и поступки окружающих людей,

через которых происходит психическое отражение действительности и самого себя [6].

Проблема

Взаимосвязь социометрического статуса индивида с чертами его личности рассматривается в основном зарубежными исследователями [19, 22, 25]. Судя по полученным результатам наибольшее влияние на социометрический статус индивида оказывает такая черта личности, как экстраверсия ($r < 0.40$). В отечественной психологии также есть исследования взаимосвязи социометрического статуса с чертами личности, подтверждающие устойчивость вклада экстраверсии. Так, у детей дошкольного возраста социометрический статус коррелирует с агрессивностью при фрустрации и с экстраверсией–интроверсией [11]. При этом социометрический статус учащихся девятых классов детерминировался общительностью либо не зависел от нее (там же). Социометрический статус студентов 1-го курса психологического факультета ЛГУ был отрицательно связан с нейротизмом; на 5-м курсе — положительно с экстраверсией–интроверсией и отрицательно — с нейротизмом [6]. В этом же исследовании приведены факты, указывающие на вклад темперамента во взаимность и направленность социального выбора. В частности, у экстравертов было обнаружено больше взаимных выборов, чем у интровертов. Экстраверты предпочитали делать не отрицательные, а положительные выборы; интроверты, наоборот, тяготели к критическим оценкам своих партнеров.

Несмотря на достаточную согласованность полученных результатов как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях, вклад рефлексивных адаптаций характера в контексте пятифакторной теории личности [27] остается неизученным. Теория дает возможность учета таких явлений: в частности, она предполагает, что черты личности оказывают не прямое влияние на события в жизни человека, в терминах теории — на «объективную биографию», которая в свою очередь может включать и продукты социальных взаимодействий, среди которых социометрический статус индивида. Теоретически и гипотетически рефлексивные адаптации характера могут вносить дополнительный вклад в предсказание поведения чертами личности, а временами и полностью его опосредовать [17]. Таким образом, мы сформулировали следующую гипотезу: **Н1:** Рефлексивные адаптации характера вносят вклад во

взаимосвязь черт личности с социометрическим статусом студента.

Метод

Участники

В исследовании приняло участие 300 студентов 1-4-х курсов очной формы обучения Пермского государственного (ПГНИУ) и Пермского технического (ПНИПУ) университетов, а также Пермского филиала Высшей школы экономики. Девушки составили 80 % всей выборки. Возраст участников находится в диапазоне от 17 до 23 лет (M = 18,89; SD = 1,43).

Измерение

Личностные характеристики. Участники исследования заполняли русскую версию [28] 44-пунктного Инвентаря Большой Пятерки (Big-FiveInventory, BFI) [24], а также ряд ее модификаций, измеряющих рефлексивные адаптации характера: установки на черты, отраженные установки на черты, диспозициональную эффективность и отраженные черты [17]. Подшкалы всех вопросников продемонстрировали приемлемый уровень внутренней согласованности: $0.64 < \alpha < 0.84$.

В соответствии с особенностями BFI пул вопросов начинался вводной фразой. Она, а также индикаторы шкал варьировались для каждой модификации:

- Установки на черты: «Я считаю это качество для человека...» по шкале от 1 (*очень плохим*) до 5 (*очень хорошим*).
- Отраженные установки на черты: «Мой лучший друг (подруга) считает данное качество...» по шкале от 1 (*очень плохим*) до 5 (*очень хорошим*).
- Диспозициональная эффективность: «Когда этого требуют обстоятельства, мои по-

ступки и поведение соответствуют этому свойству» по шкале от 1 (*совершенно не соответствует*) до 5 (*полностью соответствует*).

- Отраженные черты личности: «Мой лучший друг (подруга) считает меня тем, кто...» по шкале от 1 (*совершенно не согласен*) до 5 (*совершенно согласен*).

В модификациях, измеряющих отраженные черты и отраженные установки, мы просили участников исследования обратиться к образу их друзей в учебной группе, поскольку последние могут быть эффективно значимыми другими для людей, находящихся в юности и ранней взрослости. Это было также необходимо и по причине доступности к выборке «значимых других» для проверки гипотез исследования.

Социометрия. К блоку социометрии прилагалась подробная инструкция: «Впишите, пожалуйста, наиболее близких Вам людей из Вашей учебной группы и укажите по каждому из них степень близости Ваших отношений (друг-приятель-знакомый)». Градация близости дружественных отношений была заимствована из исследования Хархордина [15].

Результат

Была обнаружена взаимосвязь экстраверсии и ее рефлексивных адаптаций с социометрическим статусом (табл. 1). В частности, три рефлексивные адаптации (установка на экстраверсию, диспозициональная эффективность в экстраверсии и отраженная установка на экстраверсию) положительно коррелировали со статусом, в то время как корреляция собственно экстраверсии со статусом приближалась к конвенционально существенным величинам. Среди черт личности с социометрией положительно коррелировала доброжелательность. Отраженные черты личности с социометрией не коррелировали.

Таблица 1. Взаимосвязь черт личности и рефлексивных адаптаций характера с социометрией (корреляции Пирсона)

	Черты личности/Социометрия				
	Э	Дж	Дс	Н	О
Черты личности	0,11	0,12*	-0,02	0,11	0,02
Отраженные черты	0,08	-0,02	-0,07	0,08	-0,04
Диспозициональная эффективность	0,12*	-0,05	-0,05	0,10	-0,07
Установки на черты	0,17**	-0,05	-0,13*	0,19**	0,05
Отраженные установки	0,16**	-0,02	-0,08	0,09	0,05

Примечание. Э — экстраверсия, Дж — доброжелательность, Дс — добросовестность, Н — нейротизм, О — открытость опыту; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Таким образом, экстраверсия наиболее часто положительно коррелировала с социометрическим статусом. Это в свою очередь подтверждает значительную роль данной черты в определении последнего [2, 4]. Согласно ПФТ адаптации характера должны опосредовать вклад черт личности в объективную биографию. В нашем случае это выражается в допущении того, что рефлексивные адаптации экстраверсии опосредуют вклады этой черты в статус. Иными словами, экстраверсия может влиять на рост социометриче-

ского статуса опосредованно рефлексивными адаптациями экстраверсии. Для тестирования этого предположения была построена структурная линейная модель. Как отмечалось выше, архитектура личности [20] включает в себя аспекты оценки (appraisal) и знания (knowledge). Соответственно мы предположили, что экстраверсия влияет на статус посредством двух альтернативных путей, образованных рефлексивными адаптациями (рис. 1).

Рис. 1. Опосредованное влияние экстраверсии через медиаторы — рефлексивные адаптации характера — на социометрический статус: ДЭ — диспозициональная эффективность; цифры над стрелками — стандартизованные коэффициенты регрессии b , цифры над прямоугольниками — коэффициент детерминации R^2

Индексы пригодности свидетельствуют против Модели 1 (табл. 2). В частности, мы видим, что в сравнении аспектом оценки ($b = 0,14$) рефлексивные адаптации, связанные с аспектом знания, производят нулевой ($b = 0,03$) эффект на статус. С целью упрощения модели и увеличения ее пригодности аспект знания был исключен, в результате чего была получена Модель 2 (рис. 2). Эмпирические данные хорошо соответствовали этой модели (табл. 2).

Альтернативная Модель 3 предполагала также прямой, независимый от адаптаций характера, эффект экстраверсии на социометрический статус (рис. 3).

Эта модель не отличалась в лучшую сторону в сравнении с Моделью 2 (табл. 2): $\Delta\chi^2(1) = 0,140$, $p = 0,24$. При этом прямой эффект экстраверсии на статус был незначим, $b = 0,07$, $p = 0,23$. Это приводит к мысли о том, что экстраверсия, при

учете установок на эту черту, не производит эффекта на социометрический статус.

Насколько важна отраженная установка в тестируемой модели? С этой целью мы оценили Модель 4, которая предполагает, что установка на экстраверсию также влияет на статус напрямую, без опосредования отраженной установкой на экстраверсию, а прямой вклад экстраверсии в статус был приравнен к нулю (рис. 4). Индексы пригодности свидетельствуют о преимуществе Модели 4 в сравнении с остальными моделями. Таким образом, установка на экстраверсию может напрямую влиять на социометрический статус. При этом отраженная установка в такой конфигурации не влияла значимо на статус: $b = 0,09$. Это свидетельствует об отсутствии самостоятельного вклада отраженной установки на экстраверсию в социометрический статус.

Рис. 2. Аспект оценки опосредует вклад экстраверсии в социометрический статус

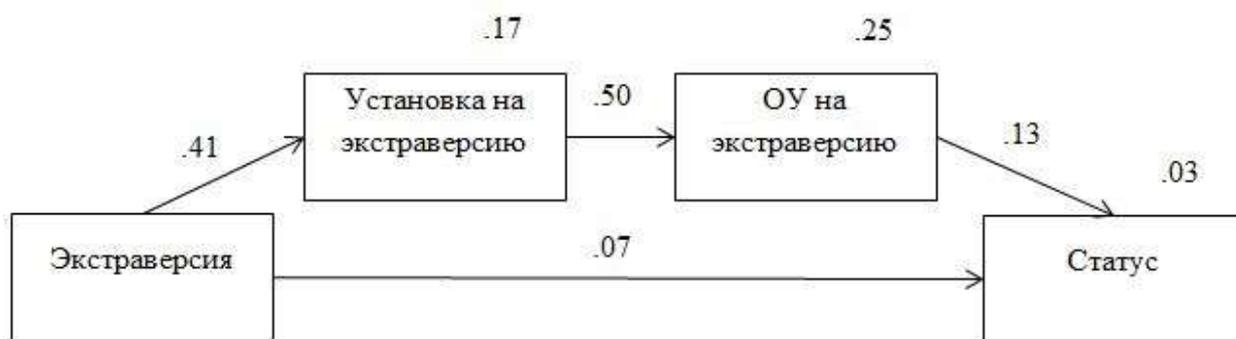

Рис. 3. Экстраверсии не влияет на социометрический статус — при учете установки на экстраверсию.

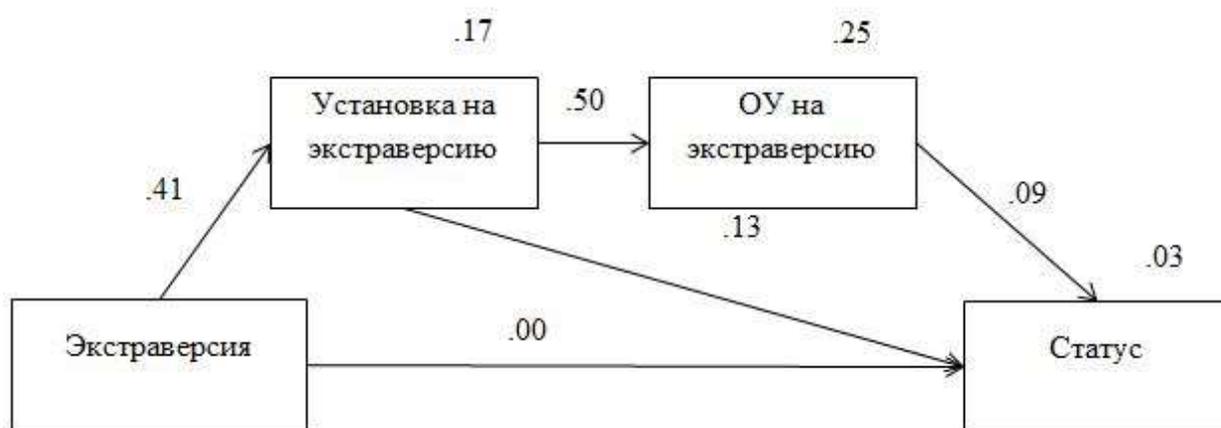

Рис. 4. Оценка прямого эффекта установки на социометрический статус

Таблица 2. Индексы пригодности моделей, тестирующих вклад экстраверсии в социометрический статус через рефлексивные адаптации характера

Модель	$\chi^2(df), p$	CFI	TLI	AGFI	RMSEA [90 % CI]	p (RMSEA < 0,05)
1	123,21 (9), < 0,001	0,737	0,561	0,755	0,206 [0,175; 0,239]	0,000
2	8,27 (3), < 0,05	0,987	0,929	0,956	0,077 [0,014; 0,141]	0,187
3	6,87 (2), < 0,05	0,989	0,902	0,943	0,090 [0,023; 0,168]	0,133
4	4,45 (2), < 0,011	0,993	0,951	0,963	0,064 [0,000; 0,146]	0,290

Примечание. CFI — сравнительный индекс пригодности; TLI — индекс Такера-Льюиса; AGFI — скорректированный индекс пригодности; RMSEA — среднеквадратическая ошибка аппроксимации; [90 % CI] — нижняя и верхняя границы 90 % доверительных интервалов RMSEA; p — тест нулевой гипотезы о том, что RMSEA на популяции не превышает 0,05.

В качестве заключительного шага мы протестировали медиацию связи экстраверсии со статусом за счет установки на экстраверсию. Действительно, установка на экстраверсию опосредовала эту связь, тест Собела $Z = 2,33, p = 0,021$, робастный непрямой эффект на 2000 бутстрэп-выборках b [95 % CI] = 0,017 [0,004; 0,031]. При этом прямой эффект экстраверсии на социометрический статус после контроля установки на экстраверсию был незначим: $b = 0,75, p = 0,453$, а прямой эффект установки на экстраверсию на социометрический статус после контроля экстраверсии, напротив, был значимым: $b = 2,46, p = 0,014$.

Обсуждение

В настоящем исследовании мы изучали вклад рефлексивных адаптаций характера в социометрический статус студента. Был проведен корреляционный анализ (по Пирсону), по результатам которого было установлено, что установка на черту (в частности экстраверсию) представляет собой устойчивый предиктор социометрического статуса. Влияние этого предиктора выходит за рамки как собственно черт личности, так и иных рефлексивных адаптаций характера (диспозициональной эффективности, отраженной черты и отраженной установки на черту).

Результаты структурного моделирования и анализа медиаций свидетельствуют, что установка на экстраверсию представляет собой более надежный предиктор высокого социометрического статуса, чем собственно экстраверсия. Так, прямой эффект экстраверсии на социометрический статус после контроля установки на экстраверсию статистически незначим, а прямой эффект

установки на экстраверсию после контроля экстраверсии оставался статистически значимым.

Мы предполагали, что рефлексивные адаптации характера будут вносить свой уникальный, независимый от черт личности вклад в рост социометрического статуса. Гипотеза подтвердилась лишь частично. Во-первых, тесное взаимодействие с социометрией продемонстрировали только установки на черты (табл. 2), но на три из пяти. Наряду с положительной установкой на экстраверсию высокий статус также предсказывали положительная установка на нейротизм и отрицательная — на добросовестность. Во-вторых, Модель 1, которая строилась на предположении, что экстраверсия (как «базовая тенденция») влияет на рост социометрического статуса (как «объективную биографию» индивида) через рефлексивные адаптации характера двумя путями — через аспекты знания (диспозициональная эффективность, отраженные черты) и оценки (установка на черту, отраженная установка на черту), — не подтвердилась. Было выявлено, что экстраверсия оказывает эффект на социометрический статус только через аспект оценки, а точнее — через установку на экстраверсию. Тем самым, в-третьих, было показано, что и отраженная установка на экстраверсию является лишним шагом в предсказании социометрического статуса и ее регрессионный эффект незначим (Модель 4).

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют, что высокий социометрический статус и его рост связаны не столько с индивидуальными различиями в базовых чертах личности, сколько с установками на черты — экстраверсию, добросовестность, нейротизм. Так, индивид, одобряющий экстраверсию, хотя и не обязательно ею обладающий, будет иметь более высокий со-

циометрический статус, нежели экстраверт, отрицательно оценивающий данную черту. Такой результат согласуется с пятифакторной теорией личности [27], подтверждает, что базовые тенденции воздействуют на «объективную биографию» индивида не напрямую, а опосредованно — рефлексивными адаптациями характера.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социально-психологические аспекты активизации человеческого фактора // Вопросы психологии. 1986. Вып. 3. С. 5–15.
2. Башаева Е.П. Развитие личностной рефлексии в процессе подготовки будущих бакалавров педагогики: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владивосток, 2010. 24 с.
3. Бухлина Л.Ю. Связь социальной позиции личности в группах членства с социометрическим статусом // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 1161–1166.
4. Киричук А.В. Положение детей в системе общения в классном коллективе // Проблемы общения и воспитание. Тарту, 1974. Ч. 2. С. 8–17.
5. Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности): учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2000. 432 с.
6. Макарова Н.Г. Теоретический аспект саморефлексии личности // Электронный научный журнал «Априори». Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 1. URL: <http://www.apriori-journal.ru/serial/1-2013/Makarova.pdf> (дата обращения: 18.02.2015).
7. Обозов Н.Н. Динамика межличностных отношений студентов и ее связь с экстраверсией и нейротизмом // Человек и общество / под ред. Б.Г. Ананьева и др. Л., 1973. Вып. 13. С. 149–154.
8. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М.: Аспект-Пресс, 2001. 607 с.
9. Петровский А.В., Абраменкова В.В. Социальная психология: учебное пособие для студентов пед. институтов. М.: Просвещение, 1987. 224 с.
10. Попович И.С. Социальные ожидания в теориях мотивации личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 53–63.
11. Пьянкова Г.В. Влияние разноуровневых индивидуальных свойств обучающегося на выбор им способов педагогического воздействия: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1985. 12 с.
12. Радько Т.Н., Гребнев Л.С. Обществознание: учеб. пособие. М.: Проспект, 2014. 520 с.
13. Репина Т.А. Анализ теорий полоролевой социализации в современной западной психологии // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 156–165.
14. Уманский Л.И. Личность. Организаторская деятельность. Коллектив: Избранные труды. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2001. 432 с.
15. Хархордин О.В. Градации близости в современной российской дружбе // Дружба: очерки теории практик. СПб.: Изд-во ЕУ СПб. 2009. С. 48–81.
16. Шибутани Т. Социальная психология. М.: АСТ; Ростов н/Д: Феникс, 1999. 539 с.
17. Щebetenko С.А. Рефлексивные адаптации характера в пятифакторной теории личности (в печати).
18. Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50(2). P. 179–211.
19. Anderson C., John O.P., Keltner D., Kring A.M. Who attains social status? Effects of personality traits and physical attractiveness in social groups // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81. P. 116–132.
20. Cervone D. The architecture of personality // Psychological Review. 2004. Vol. 111(1). P. 183–204.
21. Furnham A., Walker J. The influence of personality traits, previous experience of art, and demographic variables on artistic preference // Personality and Individual Differences. 2001. Vol. 31(6). P. 997–1017.
22. Izard C.E. Personality correlates of sociometric status // Journal of Applied Psychology. 1959. Vol. 43(2). P. 89–93.
23. Goldberg L.R. Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons // Review of personality and social psychology. Beverly Hills, CA: Sage, 1981. Vol. 2. P. 141–165.
24. John O.P., Donahue E.M., Kentle R.L. The Big Five Inventory – Versions 4a and 54. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991.
25. Tong S.T., Van Der Heide B., Langwell L., Walther J.B. Too much of a good thing? The relationship between number of friends and interpersonal impressions on Facebook // Journal of Computer-Mediated Communication. 2008. Vol. 13. P. 531–549.
26. McCrae R.R., Costa Jr.P.T. Toward a new generation of personality theories: Theoretical contexts for the five-factor model / J.S. Wiggins (Ed.). The Five-factor Model of Personality: Theoretical Perspectives. N.Y.: Guilford Press, 1996. P. 51–87.
27. McCrae R.R., Costa Jr.P.T. Personality in adulthood: A five-factor theory perspective (2nd ed.). N.Y.: Guilford Press, 2003. 271 p.

28. Shchebetenko S. "The best man in the world": Attitudes toward personality traits // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2014. Vol. 11(3). P. 129–148.
29. Swami V., Malpass F., Havard D., Benford K., Costescu A., Sofitiki A., Taylor D. Metalheads: The influence of personality and individual differences on preference for heavy metal // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2013. Vol. 7(4). P. 377–383.

Получено 01.05.2015

References

1. Andreeva G.M. [Social and psychological aspects of human factor activation]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology]. 1986, no 3, pp. 5–15. (In Russian).
2. Bashaeva V.P. *Razvitie lichnostnoj refleksii v protsesse podgotovki buduschih bakalavrov pedagogiki: avtoref. dis. ... kandid. ped. nauk* [Development of personal reflection in the course of future bachelors' in pedagogics preparation: Author's abstract for procuring of degree of candidate of pedagogical sciences]. Vladivostok, 2010, 24 p. (In Russian).
3. Buhlina L.Yu. [Personal social status connection in the reference groups with sociometric status]. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo* [Tidings of Penza State Peedagogical University named after V.G.Belinsky]. 2012, no 28, pp. 1161–1166. (In Russian).
4. Kirichuk A.V. [Children's status in communication system in the class]. *Problemy obscheniya i vospitaniya. Ch. 2* [Problems of communication and upbringing. Part 2]. Tartu, 1974, pp. 8–17. (In Russian).
5. Koloiny Ya.L. *Psikhologiya vzaimootnoshenij v malyh gruppah (obschie i vozrastnye osobennosti): Uchebnoe posobie* [Psychology of interrelations in small groups (general and age peculiarities): Study guide]. Minsk, TetraSistemas Publ., 2000, 432 p. (In Russian).
6. Makarova N.G. [Theoretical aspect of personality's self-reflection]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Apriori. Seriya: Gumanitarnye nauki»* [Online scientific journal «Apriori. Series: Humanities»]. 2013, no 1. Available at: <http://www.apriori-journal.ru/seria1/1-2013/Makarova.pdf> (accessed 18.02.2015). (In Russian).
7. Obozov N.N. [Interpersonal relations' among students dynamics and its connection with neuroticism and extraversion]. *Chelovek i obschestvo. Vyp. 13* [A man and society. Ed. 13]. Leningrad, 1973, pp. 149–154. (In Russian).
8. Pervin L., John O. *Psikhologiya lichnosti: teoriya i issledovaniya* [Psychology of personality: theory and research]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2001, 607 p. (In Russian).
9. Petrovskij A.V., Abramenkova V.V. *Sotsial'naya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov pedinstitutov* [Social psychology: Study guide for students of pedagogical universities]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1997, 224 p. (In Russian).
10. Popovich I.S. [Social expectations in the theories of motivation of personality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2014. Iss. 4(20). Pp. 53–63. (In Russian).
11. P'yankova G.V. *Vliyanie raznourovnevnyh individual'nyh svoystv obuchayushegosya na vybor im sposobov pedagogicheskogo vozdeystviya: avtoref. dis. ...kand. psichol. Nauk.* [Influence of split-level individual features of a student on his choice of pedagogic actions: Author's abstract for procuring of degree of candidate]. Leningrad, 1985, 12 p. (In Russian).
12. Rad'ko T.N., Grebnev L.S. *Obschestvoznaniye: Uchebnoe posobie* [Social science: Study guide]. Moscow, Prospekt Publ., 2014, 520 p. (In Russian).
13. Repina T.A. [Analysis of sex-role socialization theories in modern western psychology]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology]. 1987, no 3, pp. 156–165. (In Russian).
14. Umanskij L.I. *Lichnost'. Organizatorskaya deyatel'nost'. Kollektiv: Izbrannye trudy* [Personality. Managerial activity. Collective: Selected works]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2001, 432 p. (In Russian).
15. Harhordin O.V. [Intimacy gradations in modern Russian friendship]. *Druzhiba: ocherki teorii praktik* [Friendship: sketches of theory of praxis]. Saint Petersburg, EUS Pb Publ., 2009, pp. 48–81. (In Russian).
16. Shibusani T. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, AST Publ., Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1999, 539 p. (In Russian).
17. Shchebetenko S.A. (passed for printing) *Refleksivnye adaptatsii haraktera v pyatifaktornoj teorii lichnosti* [Reflexive characteristic adaptations in five-factor theory of personality]. (In Russian).
18. Ajzen I. The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. Vol. 50(2). P. 179–211.
19. Anderson C., John O. P., Keltner D., Kring A.M. Who attains social status? Effects of personality traits and physical attractiveness in social groups // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. Vol. 81.P. 116–132.
20. Cervone D. The architecture of personality // *Psychological Review*. 2004. Vol. 111(1). P. 183–204.

21. Furnham A., Walker J. The influence of personality traits, previous experience of art, and demographic variables on artistic preference // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 31(6). P. 997–1017.
22. Izard C.E. Personality correlates of sociometric status // *Journal of Applied Psychology*. 1959. Vol. 43(2). P. 89–93.
23. Goldberg L.R. Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons // *Review of personality and social psychology*. Beverly Hills, CA: Sage, 1981. Vol. 2. P. 141–165.
24. John O.P., Donahue E.M., Kentle R.L. The Big Five Inventory – Versions 4a and 54. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991.
25. Tong S.T., Van Der Heide B., Langwell L., Walther J.B. Too much of a good thing? The relationship between number of friends and interpersonal impressions on Facebook // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2008. Vol. 13. P. 531–549.
26. McCrae R.R., Costa Jr.P.T. Toward a new generation of personality theories: Theoretical contexts for the five-factor model / J.S. Wiggins (Ed.). *The Five-factor Model of Personality: Theoretical Perspectives*. N.Y.: Guilford Press, 1996. P. 51–87.
27. McCrae R.R., Costa Jr.P.T. *Personality in adulthood: A five-factor theory perspective* (2nd ed.). N.Y.: Guilford Press, 2003. 271 p.
28. Shchebetenko S. “The best man in the world”: Attitudes toward personality traits // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2014. Vol. 11(3). P. 129–148.
29. Swami V., Malpass F., Havard D., Benford K., Costescu A., Sofitiki A., Taylor D. Metalheads: The influence of personality and individual differences on preference for heavy metal // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2013. Vol. 7(4). P. 377–383.

The date of the manuscript receipt 01.05.2015

Об авторе

Балабина Арина Дмитриевна

магистрант кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева 15;
e-mail: balabina_ad@mail.ru

About the author

Balabina Arina Dmitrievna

Post-graduate student of Developmental Psychology Department

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: balabina_ad@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Балабина А.Д. Рефлективные адаптации характера и социометрический статус // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2015. Вып. 2(22). С. 55–64.

Please cite this article in English as:

Balabina A.D. Reflexive characteristic adaptations and sociometric status // *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»*. 2015. Iss. 2(22). P. 55–64.

УДК 159.9:316.6

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА

Пермякова Татьяна Михайловна, Шевелева Марина Сергеевна

Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики (Пермский филиал)

В статье систематизируются результаты отечественных исследований перфекционизма. Анализ публикаций российских авторов по проблеме перфекционизма приводит к выделению трех крупных групп исследований: систематизация зарубежных подходов и их критический анализ, адаптация зарубежных опросников для изучения перфекционизма и разработка собственных, изучение связи перфекционизма с другими психологическими феноменами и его влияния на жизнь человека. Результаты анализа показывают значительную динамику российского общества, влияющую на вектор исследований перфекционизма: с одной стороны, большая индивидуализация общества, значительная роль статуса и престижа для целеполагания личности, активно продвигаемые внешние стандарты благополучия, ориентация на достижения и успех в образовательной и профессиональной деятельности в глобальном масштабе; с другой стороны, амбивалентный характер перфекционизма, недостаточность проработки методологии его изучения. В статье обсуждается зависимость перфекционизма от культуры и необходимость его изучения в кросс-культурной перспективе, лакунарность кросс-культурного подхода к изучению перфекционизма в России. Результаты работы могут способствовать уточнению теоретического понятия перфекционизма, выработке соответствующих целей исследований многомерных методик анализа, постулированию выводов в кросс-культурных исследованиях, в частности, на российской выборке, а также выявлению факторов мотивации достижения в условиях глобального образования.

Ключевые слова: перфекционизм; культура; многомерная шкала; кросс-культурный подход; личность.

PERFECTIONISM STUDIES IN RUSSIA AND THEIR CROSS-CULTURAL PROSPECTS

Tatyana M. Permyakova, Marina S. Sheveleva

Perm branch of Higher School of Economics

The article deals with the range of perfectionism studies in Russia. The analysis of Russian publications on perfectionism draws up three major classes of research: foreign studies and their critique, adaptation of foreign questionnaires and the development of Russian instruments, the studies of perfectionism in association with other psychological phenomena and its influence on well-being. Results show that Russian social changes influence the directions in perfectionism research. On the one hand, the changes embrace higher social individuation, status and prestige in personal goal-setting, mass mediated external well-being standards and orientation toward achievement and success on a global scale. On the other hand, research dynamics underlines perfectionism ambivalence and methodological gaps in its investigations. Additionally, the article discusses cultural relevance of perfectionism, the rationale for cross-cultural approach and shortage of cross-cultural perfectionism studies regarding Russia. The results of present paper might be significant in terms of specifying perfectionism, developing multi-dimensional methodologies, drawing conclusions in cross-cultural research with Russian samples and identifying motivational factors in the context of globalized education.

Key words: perfectionism; culture; multi-dimensional scaling; cross-cultural research; Russian culture; personality.

При описании внешних факторов современной действительности можно отметить возрастание скорости жизни, повышение ее стоимости, интенсивный научно-технический прогресс, политическую и социальную напряженность. С другой стороны, мы наблюдаем в культуре абсолютизацию «успеха и достижений, силы и конкурентности, рациональности и сдержанности» [26]. Повышенное внимание исследователей к изучению перфекционизма, наблюдаемое в отечественной традиции начиная с последнего десятилетия прошлого столетия, может в значительной мере объясняться ростом этого явления среди населения, что, в свою очередь, является результатом предъявления высоких требований обществом, ориентированным преимущественно на успех и совершенство [4, 8, 9] и, несомненно, связано с национальной культурой [23, 29].

Перфекционизм определяется как широкая социально-психологическая и культурная проблема, вызвавшая пристальный интерес исследователей в последние десятилетия. Среди большой массы исследований, посвященных социальной жизни человека, оцениваемых с позиций общепринятых критериев позитивности, благополучия, успешности, особый интерес представляют случаи, когда субъективные переживания самой личности идут вразрез с достижениями — когда достигнутое либо обесценивается, либо ощущение радости от результатов деятельности откладывается на неопределенное время. В самом широком толковании перфекционизм — это стремление к безупречности и совершенству в поведении и деятельности, касающихся разных сфер жизни [15].

В задачи данной работы входит систематизировать подходы к изучению перфекционизма в отечественной психологической традиции и очертить специфику данного явления применительно к российской (русской) культуре с целью обоснования кросс-культурного исследования.

Систематизация публикаций российских авторов по проблеме перфекционизма приводит к выделению трех крупных групп исследований. Первая включает систематизацию зарубежных подходов и их критический анализ; вторая связана с методами изучения перфекционизма и направлена на адаптацию зарубежных опросников для измерения описываемого явления и разработку собственных, авторских опросников; третья группа ориентирована на изучение связи перфекциониз-

ма с другими психологическими феноменами и его влияния на жизнь человека.

Систематизация зарубежных подходов

Наиболее полный анализ зарубежных подходов проведен двумя группами исследователей. Н.Г. Гаранян [3, 4] совместно с коллективом авторов описывает развитие зарубежных исследований перфекционизма в исторической перспективе, существующие подходы к его изучению и структуру данного феномена, выявляет сильные и слабые стороны разных моделей перфекционизма, анализирует имеющиеся диагностические инструменты. Совместно с А.Б. Холмогоровой автор проводит дифференциацию понятий здорового и патологического перфекционизма и предлагает оригинальную структуру последнего [4]. Свою систематизацию зарубежных исследований предлагают также В.А. Ясная и С.Н. Еникополов [29]. Все авторы сходятся во мнении, что вопросы определения, выяснения теоретической основы и методов изучения перфекционизма остаются открытыми. Но наиболее актуальными остаются вопросы определения перфекционизма, его структуры и типов, развития и влияния на личность, а в дифференциально-типологическом подходе — вопросы методологической проработки проблемы позитивного и негативного типов перфекционизма.

Методы изучения перфекционизма

В качестве диагностического инструмента для измерения перфекционизма традиционно используются опросники. В настоящее время на русский язык переведен ряд опросников, которые можно отнести к группе классических. Так, И.И. Грачева адаптировала Многомерную шкалу перфекционизма (Multidimensional perfectionism scale) канадских исследователей П. Хьюитта и Г. Флетта [11]; А.А. Золотарева занималась адаптацией «Шкалы перфекционистской самопрезентации» П. Хьюитта (Perfectionistic Self-Presentation Scale PSPS) [13]; В.А. Ясная с коллегами провела апробацию методики американского ученого Р. Слейни «Почти совершенная шкала» (Almos tPerfec tScale) [30]. Авторы стандартизировали переведенные опросники, показали их надежность, валидность и прогностическую значимость для русской выборки.

Отечественными авторами также предложены и стандартизированы собственные опросники, измеряющие перфекционизм. Например,

Н.Г. Гаранян А.Б. Холмогорова и Т.Ю. Юдеева в 2001 г., основываясь на собственной модели структуры перфекционизма [9], предложили оригинальный опросник, который в дальнейшем использовался в исследованиях других авторов. А.А. Золотарева [14] разработала опросник, позволяющий дифференцировать нормальный и патологический перфекционизм, который получил название «Дифференциальный тест перфекционизма». Кроме того, С.В. Воликова стандартизировала «Опросник детского перфекционизма» [2], а А.Б. Холмогорова разработала «Шкалу физического перфекционизма».

Эмпирические исследования перфекционизма в отечественной традиции

В отечественных эмпирических исследованиях перфекционизма в подавляющем большинстве отмечается его деструктивный характер и негативное влияние на психологическое благополучие индивида. Так, найдены положительные корреляции перфекционизма с нарциссизмом [20], склонностью к суициду и суицидальным намерениям [20], искажением познавательных процессов [21], неблагоприятным течением депрессивных расстройств [7], уровнем стресса и враждебности [27], эмоциональной дезадаптацией и избегающим поведением у студентов [6], уровнем тревоги и депрессии [8, 10], мотивационным конфликтом [8]. Выборки данных исследований в основном включают либо субъектов образовательного процесса — школьников или студентов, либо пациентов, страдающих психическими расстройствами.

Так, в исследовании Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогоровой, Т.Ю. Юдеевой показано, что пациенты, страдающие депрессией и тревожными расстройствами, в целом характеризуются более высокими показателями перфекционизма, а именно зависят от оценок других людей, ориентированы на самые высокие стандарты, а также склонны абсолютизировать неудачи. Дальнейшие исследования этих авторов показали, что высокий уровень перфекционизма является прогностическим признаком склонности к депрессивным и тревожным расстройствам [10], а также длительности заболевания, резистентности к медикаментозному лечению, продолжительности ремиссии [7]. Исследователи полагают, что показатели перфекционизма могут снижаться по мере выздоровления пациентов. Более того, общий показатель перфекционизма коррелирует с гораздо бо-

лее широким спектром показателей эмоционального неблагополучия. Например, уровень перфекционизма связан с искажением познавательных процессов при решении задач, основанных на смысловой неопределённости, что может проявляться в снижении способности к пониманию переносного смысла пословиц [21].

Наиболее важные результаты исследования дисфункционального перфекционизма заключаются в следующем: пациенты с депрессивными и тревожными расстройствами характеризуются более высокими показателями всех параметров перфекционизма в сравнении со здоровыми испытуемыми; у пациентов с расстройствами сильнее выражены когнитивные параметры перфекционизма — «восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания (при постоянном сравнении себя с ними)» — и негативное селективное отношение, др. [28].

Исследования, проведенные на выборке студентов, убедительно доказывают, что перфекционизм положительно коррелирует с показателями эмоциональной дезадаптации [27]. Студенты, демонстрирующие высокий уровень перфекционизма, часто испытывают трудности с установлением доверительных и эмоционально насыщенных отношений со сверстниками, а также показывают высокий уровень повседневного стресса. Более того, эмпирические исследования демонстрируют, что уровень депрессии и тревоги возрастает по мере роста показателей перфекционизма [8]. Студенты с высоким уровнем перфекционизма демонстрируют выраженный конфликт достижения, а именно всеми силами стремятся к успеху, но при этом боятся неудачи, а это, в свою очередь, приводит к прокрастинации.

Применительно к российской аудитории был выявлен ряд закономерностей в возрастной динамике перфекционизма, а именно: постепенное снижение стремления человека к совершенству по мере его взросления; отражение специфики проявлений перфекционизма в сознании учащихся различных образовательных учреждений, выражающемся в снижении склонности студентов к изучаемому явлению по мере повышения профессиональной квалификации [22].

Исследование О.С. Виндекер и К.А. Иргашевой показало взаимосвязь мотивации достижения и перфекционизма: для лиц с высокой мотивацией достижения характерен высокий перфекционизм, причем сила этой взаимосвязи зависит от уровня субъективного страдания испытуемых; наличие

мотивационного конфликта не обязательно присутствует у перфекционистов, но в большей степени характерно для тех, у кого выражен социально предписанный перфекционизм; юноши и девушки не отличаются друг от друга по уровню мотивации достижения, но при этом у юношей выше уровень перфекционизма, ориентированного на себя, и социально предписанный перфекционизм; мотивация избегания неудач отрицательно связана с высокими требованиями к результатам работы окружающих людей и положительно — со стремлением соответствовать ожиданиям и требованиям значимых других [1].

Вместе с тем феномен перфекционизма является многомерным, поэтому в последнее десятилетие отечественные психологи изучают понятие так называемого нормального или здорового перфекционизма, который может быть связан с адекватной оценкой себя и ситуации, стремлением к достижениям, уверенностью в себе и другими положительными качествами личности [14, 30]. Исследователи структурируют и систематизируют различия между дезадаптивным и адаптивным перфекционизмом [30], выделяют критерии дифференциации здорового и патологического перфекционизма [5]. Вместе с тем понимание того, что именно составляет вариант «здорового перфекционизма», и определяет перспективу дальнейших исследований [7].

С нашей точки зрения, вышеизложенный анализ отечественных исследований перфекционизма позволяет определить наименее исследованные области. Так, можно отметить почти полное отсутствие кросс-культурных исследований перфекционизма в сравнении с выборкой русских респондентов. Кроме того, можно говорить о недостаточной проработанности темы зависимости перфекционизма и его особенностей от русской культуры. Исследования подобного рода могут быть необходимы, если учесть глобализацию высшего образования, процесс интернационализации студенческих кампусов, возрастающее количество межнациональных браков. Кроме того, результаты изучения перфекционизма в кросс-культурной перспективе могут представлять ценность для клинических психологов.

Перфекционизм в кросс-культурной перспективе

Переходя ко второй части работы, посвященной перспективам кросс-культурного исследования перфекционизма, необходимо отметить, что среди

широкого спектра задач кросс-культурной психологии в отношении данного феномена наиболее релевантными представляются: проверка психологических фактов, полученных в другой культуре с целью постулирования культурных универсалий и культурной специфики; лакуарность специфики явления в исследуемой культуре; интеграция данных разных исследований в разных культурах [16]. Вынуждены повторить, что исследования перфекционизма в российской среде немногочисленны по сравнению с западными, что затрудняет возможность представить четкую картину кросс-культурной вариации исследований.

Одна из немногочисленных работ, выявляющих особенности перфекционизма в современной России, — социологическое исследование М.В. Лисаускене, в котором отмечается, что постсоветская социально-экономическая трансформация вызвала «культурную травму» массового сознания россиян. В частности, в итоге качественного анализа ценностей, жизненных стереотипов и моделей поведения «для выражения кредо современного поколения учащейся молодежи можно использовать девиз, сформулированный самими студентами: “Добиться успеха в жизни, жить в кайф; получить все и сразу!”» [33]. Анализ мотивов получения профессионального образования свидетельствует об использовании этого кредо в качестве инструмента достижения жизненного кредо тех, которых можно назвать «молодыми перфекционистами» (состоявшимися), — успешной карьеры и материального благополучия. Отметим, что исследование непредвзятым образом свидетельствует о стремлении российской молодежи к достижению высшего образования, склонности к установлению стандартов именно в образовании для собственного успеха в жизни. При этом успешность понимается преимущественно как материально-потребительская, т.е. как совокупность высокой заработной платы, возможности работать за рубежом и приобретения желаемых благ как признаков престижа и т.п. (Примечание: аналогичные ценности постулируются в статье М. Новак [17].)

Весьма любопытна в свете адаптационной составляющей перфекционизма оценка успешности будущей работы по специальности за рубежом. Респонденты отмечают желание «жить в любой стране, лишь бы жить хорошо». Созвучны вышеприведенным данным и результаты исследования личности потребителя товаров роскоши, проведенного Х.Р. Кауфманном, Д. Вронтисом и

Ю. Манаковой: в России, как и во многих восточноевропейских странах переходного состояния, идентичность потребителя существенно влияет на характер приобретения роскоши; наблюдается устойчивая положительная взаимосвязь между характеристиками идентичности, статусного потребления, воспринимаемого качества, символического потребления [31].

В то же время для кросс-культурных исследований перфекционизма оказывается важным тот факт, что «число депрессивных нарушений выше в тех культурах, где особо значимы индивидуальные достижения, успех и соответствие самым высоким стандартам и образцам» [25]. Данное заключение логично, так как для так называемых «депрессивных» сообществ доказано, что «типичными оказались, прежде всего, настолько же высокие, насколько и жесткие стандарты и требования в процессе воспитания, малейшие отклонения от которых сопровождались критикой и наказаниями, а помимо этого — модель замкнутого существования в изоляции от остального мира, поддерживаемая концепцией окружения как враждебного, а жизни как трудной и опасной» [там же].

Еще одна возможная причина специфики перфекционизма в России приводится в анализируемой статье А.Б. Холмогровой и Н.Г. Гаранян, заключающаяся в культе рационального отношения к жизни, в негативной установке по отношению к эмоциям как явлению внутренней жизни человека. Исследователи отмечают, что «в бывшем СССР имитация эмоционального благополучия граждан превратилась еще и в государственную ценность, в результате чего причины эмоциональных расстройств в форме депрессий сводились к чисто биологическим факторам, а в учебниках по медицинской психологии отсутствовали главы, посвященные психологии эмоциональных расстройств. В качестве причин суицидальных действий также рассматривались биологические факторы, а социальные и психологические даже не упоминались» [25]. По мнению специалистов, советское наследие и, возможно, более раннее историко-культурное наследие традиционных христианских ценностей, ориентированных на терпение и мягкое уступчивое поведение, исключаящее проявления гнева, особенно у женщин, сформировало негативное отношение к определенным эмоциям. Данная особенность хорошо иллюстрируют половые различия, связанные с «полоролевым стереотипами сильного мужчины (у мужчин выше запрет на печаль и страх как в

норме, так и в патологии) и мягкой женщины (у женщин выше запрет на гнев, как в норме, так и в патологии)» [там же].

Собственно кросс-культурные исследования перфекционизма применительно к русским выборкам единичны; например, исследования проводились на группах, относящихся к одному этносу (т.е. имеющих общие биологические корни), но проживающих в условиях разных культурных традиций и норм [там же].

Нарциссизм, которому сопутствует перфекционизм, с социокультурной точки зрения применительно к русским характеризуется следующим образом: «Про русских говорят, [...] что они с легкостью ставят перед собой завышенные цели и столь же быстро демотивируются, когда мечты хоть в какой-то мере не сбываются. Для нас не существует “полуполных стаканов”, мы максималисты и перфекционисты. Отечественный нарцисс демонстрирует постоянную душевную борьбу между конформизмом и респектабельностью своего внутреннего “буржуа” и разрушительным негативизмом внутреннего “анархиста”: часть его душевных устремлений связана с неистовым желанием быть примерным социальным человеком, и он с готовностью впитывает в себя клише, предлагаемые масс- и поп- или глам-культурой; но другая ипостась нарцисса, напротив, направлена на разрушение всех и всяческих устоев, саботаж, трансгрессию и поиск любых способов проявления “инакости” и крайнего индивидуализма» [20].

В сферу кросс-культурной психологии входит также изучение инокультурной адаптации [12, 18, 19]. В отношении узкой диаспоры в США — русских евреев-беженцев было выявлено, что аккультурация протекает линейно: рост аккультурации к американской культуре протекает наряду со снижением аккультурации к русской культуре. Любопытно, однако, что молодое поколение в большей степени идентифицирует себя с русской культурой, чем поколение родителей, а успешная аккультурация имеет положительную взаимосвязь с адаптацией в школе (сфера образования), а, например, не с адаптацией в дружественной или семейной сферах [32].

Подводя итоги работы, во-первых, необходимо отметить, что предлагаемая нами систематизация накопленных данных об исследованиях перфекционизма хотя и является исчерпывающей, тем не менее представляет собой попытку очертить круг проблем, наиболее актуальных для кросс-культурных изучений феномена. Во-

вторых, результаты анализа показывают значительную динамику российского общества, влияющую на характер явления, а также на изменения в векторе исследований перфекционизма, а именно: с одной стороны, большая индивидуализация общества, значительная роль статуса и престижа для целеполагания личности, активно продвигаемые внешние стандарты благополучия, ориентация на достижения и успех в образовательной и профессиональной деятельности в глобальном масштабе, а с другой стороны, амбивалентный характер перфекционизма, недостаточность проработки методологии его изучения, лакуарность кросс-культурного подхода к его рассмотрению. В качестве перспектив исследования нами планируется провести сбор данных с целью изучения специфики перфекционизма на русской выборке и сравнения полученных данных с исследованиями перфекционизма на выборке жителей США. Исследование будет проведено с использованием русского варианта опросника Р. Слейни «Почти совершенная шкала» (Almost Perfect Scale), опросников Foreign Language Classroom Anxiety Scale и DASS (Depression, anxiety, stressscales) в русскоязычной версии.

Список литературы

1. Виндекер О.С., Иргашева К.А. Исследование взаимосвязи перфекционизма и мотивации достижения (на примере студенческой выборки) // Приволжский научный вестник. 2014. № 5(33). С. 151–157.
2. Воликова С.В. Современные исследования детского перфекционизма // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. № 2. С. 94–99.
3. Гаранян Н.Г. Перфекционизм и психические расстройства (обзор зарубежных эмпирических исследований) // Терапия психических расстройств. 2006. № 1. С. 31–40.
4. Гаранян Н.Г. Психологические модели перфекционизма // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 74–83.
5. Гаранян Н.Г. Типологический подход к изучению перфекционизма // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 36–45.
6. Гаранян Н.Г., Андрусенко Д.А., Хломов И.Д. Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // Психологическая наука и образование. 2009б. № 1. С. 72–81.
7. Гаранян Н.Г., Васильева М.Н. Перфекционизм как прогностический признак неблагоприятного течения депрессивных расстройств // Психологический журнал. 2014. № 5. С. 51–61.
8. Гаранян Н.Г., Низовцева А.А. Структура мотива достижения у студентов с разным уровнем перфекционизма // Психологическая наука и образование. 2012. № 1. С. 1–13.
9. Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю. Перфекционизм, депрессия и тревога // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 4. С. 18–49.
10. Гаранян Н.Г., Юдеева Т.Ю. Структура перфекционизма у пациентов с депрессивными и тревожными расстройствами // Психологический журнал. 2009. № 6. С. 93–102.
11. Грачева И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала П. Хэйтта и Г. Флетта» // Психологический журнал. 2006. № 6. С. 73–89.
12. Гришина Е.А. Динамика эмоциональных состояний личности в условиях кросс-культурной адаптации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 27 с.
13. Золотарева А.А. Адаптация методики «Шкала перфекционистской самопрезентации» П. Хьюитта // Психологический журнал. 2011. № 6. С. 59–66.
14. Золотарева А.А. Диагностика индивидуальных различий перфекционизма личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 26 с.
15. Карловская Н.Н., Сысоева А.С. Взаимосвязь переживания счастья и перфекционизма у студентов с разным уровнем академической успеваемости // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2009. № 2. С. 4–14.
16. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С, 1999. 224 с.
17. Новак М. Культурно-семиотический анализ идеологием общества потребления // Современный дискурс-анализ. 2013. Вып. 7. С. 53–50.
18. Смолина Т.Л. Методы исследования кросс-культурной адаптации (зарубежный опыт) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 162. С. 282–287.
19. Смолина Т.Л. Симптомы культурного шока: обзор и классификация // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2012_3_3_028.pdf (дата обращения: 26.03.2015).
20. Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 67–80.
21. Соколова Е.Т., Цыганкова П.В. Перфекционизм и когнитивный стиль личности у лиц, имевших попытку суицида // Вопросы психологии. 2011. № 2. С. 90–100.
22. Талаш Е.Ф. Динамика перфекционизма в молодежной среде // Человек. Сообщество. Управление.

ние: взгляд молодого исследователя. Психология: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2012. С. 158–165.

23. Талаш Е.Ф. Отражение феномена перфекционизма в российских научных публикациях // Вестник Балтийского федерального университета. 2012. № 11. С. 79–87.
24. Гарханова М.П., Холмогорова А.Б. Социальные и психологические факторы физического перфекционизма и неудовлетворенности своим телом // Психологическая наука и образование. 2011. № 5. С. 52–60.
25. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 61–75.
26. Холмогорова А., Гаранян Н. Эмоциональные расстройства и современная культура на примере соматоформных, депрессивных и тревожных расстройств // Московский психотерапевтический журнал. 1999. № 2. С. 61–90.
27. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Евдокимова Я.Г., Москова М.В. Психологические факторы эмоциональной дезадаптации у студентов // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 16–26.
28. Юдеева Т.Ю. Перфекционизм как личностный фактор депрессивных и тревожных расстройств: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 25 с.
29. Ясная В.А., Еникополов С.Н. Перфекционизм: история изучения и современное состояние проблемы // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 157–168.
30. Ясная В.А., Митина О.В., Еникополов С.Н., Зурабова А.М. Апробация методики измерения перфекционизма Р. Слейни «Почти совершенная шкала» // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. № 4. С. 30–45.
31. Kaufmann H., Vrontis D., Manakova Yu. Perception of luxury: idiosyncratic Russian consumer culture and identity // European Journal of Cross-Cultural Competence and Management. 2012. Vol. 2, no 3–4, January. P. 209–235.
32. Lakey P.N. Acculturation: a review of the literature // Intercultural communication studies. 2003. XII-2. P. 103–118.
33. Lissaukene M.V. The Next Generation: Pragmatic Perfectionists or Romantics of Consumption // Russian Education & Society. 2007. Vol. 49, iss. 4. P. 76–86.
- motivtion (by the example of students' sample)]. *Privolzhskiy nauchnyj vestnik* [Privolzhsky Scientific Herald]. 2014, May, no 5(33), pp. 151–157. (In Russian).
2. Volikova S.V. [Modern research on child's perfectionism]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psihiatriya* [Social and clinical psychiatry]. 2012, no 2, pp. 94–99. (In Russian).
3. Garanyan N.G. [Perfectionism and mental disorders (review of foreign empiric researches)]. *Terapiya psihicheskikh rasstrojstv* [Therapy of mental disorders]. 2006, no 1, pp. 31–40. (In Russian).
4. Garanyan N.G. [Psychological models of perfectionism]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 2009, no 5, pp. 74–83. (In Russian).
5. Garanyan N.G. [Typological approach to perfectionism study]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 2009v, no 5, pp. 36–45. (In Russian).
6. Garanyan N.G., Andrusenko D.A., Hlomov I.D. [Perfectionism as a factor of students' dysaptation]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education]. 2009b, no 1, pp. 72–81. (In Russian).
7. Garanyan N.G., Vasil'eva M.N. [Perfectionism as a diagnostic character of unfavourable course of depressive disorders]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2014, no 5, pp. 51–61. (In Russian).
8. Garanyan N.G., Nizovtseva A.A. [Structure of achievement motive of students' with different level of perfectionism]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education]. 2012, no 1, pp. 1–13. (In Russian).
9. Garanyan N.G., Holmogorova A.B., Yudeeva T.Yu. [Perfectionism, mental depression and anxiety]. *Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal* [Moscow psychotherapeutic journal]. 2001, no 4, pp. 18–49. (In Russian).
10. Garanyan N.G., Yudeeva T.Yu. [Structure of perfectionism of patients with depressive and anxious disorders]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2009, no 6, pp. 93–102. (In Russian).
11. Gracheva I.I. [Adaptation of Hewitt's and Flett's multidimensional scale methodology]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2006, no 6, pp. 73–89. (In Russian).
12. Grishina E.A. Dinamika emotsional'nyh sostoyanij lichnosti v usloviyah kross-kul'turnoj adaptatsii: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Personality's emotional states dynamics under conditions of cross-cultural adaptation: Author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 2010, 27 p. (In Russian).
13. Zolotareva A.A. [Adaptation of Hewitt's self-presentation scale methodology]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2011, no 6, pp. 59–66. (In Russian).

Получено 29.04.2015

References

1. Vinderker O.S., Irgasheva K.A. [Research on connection between perfectionism and achievement

14. Zolotareva A.A. Diagnostika individual'nyh razlichij perfektsionizma lichnosti: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Diagnostics of personal equations of personality's perfectionism: Author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 2012, 26 p. (In Russian).
15. Karlovskaya N.N., Sysoeva A.S. [Connection of happiness and perfectionism experience of students with different performance]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psihologiya»* [Omsk University Herald. Series «Psychology»]. 2009, no 2, pp. 4–14. (In Russian).
16. Lebedeva N.M. *Vvedenie v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psihologiyu* [Introduction into ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow, Klyuch-S Publ., 1999, 224 p. (In Russian).
17. Novak M. [Cultural and semiotic analysis of ideologemes of consumer society]. *Sovremennyj diskurs-analiz* [Modern discourse analysis]. 2013, no 7, pp. 53–60. (In Russian).
18. Smolina T.L. [Methods of cross-cultural adaptation research (foreign experience)]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [IZVESTIA: Herzen University journal of humanities and sciences]. 2013, no 162, pp. 282–287. (In Russian).
19. Smolina T.L. [Symptoms of a culture shock: review and classification]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education]. 2012, no 3. Available at: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2012_3_3_028.pdf (accessed 26.03.2015). (In Russian).
20. Sokolova E.T. [Narcissism as a clinical and social and cultural phenomenon]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 2009, no 1, pp. 67–80. (In Russian).
21. Sokolova E.T., Tsygankova P.V. [Perfectionism and personality's cognitive style of persons trying suicide]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 2011, no 2, pp. 90–100. (In Russian).
22. Talash E.F. [Perfectionism dynamics in youth community]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie: vzglyad molodogo issledovatelya. Psihologiya. Materialy XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Man. Society. Management: young researcher's view. Psychology: Proceedings of XII All-Russia research and practice conference]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2012, pp. 158–165. (In Russian).
23. Talash E.F. [Perfectionism phenomenon's reflection in Russian academic papers]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta* [Baltic Federal University Herald]. 2012, no 11, pp. 79–87. (In Russian).
24. Tarhanova M.P., Holmogorova A.B. [Social and psychological factors of physical perfectionism and dissatisfaction with one's body]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education]. 2012, no 3, pp. 52–60. (In Russian).
25. Holmogorova A.B., Garanyan N.G. [Culture, emotions and mental health]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 1999, no 2, pp. 61–75. (In Russian).
26. Holmogorova A., Garanyan N. [Emotional disorders and modern culture by the example of somatoform, depressive and anxious disorders]. *Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal* [Moscow psychotherapeutic journal]. 1999, no 2, pp. 61–90. (In Russian).
27. Holmogorova A.B., Garanyan N.G., Evdokimova Ya.G., Moskova M.V. [Psychological factors of students' emotional disadaptation]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 2009, no 3, pp. 16–26. (In Russian).
28. Yudeeva T.Yu. Perfectionism kak lichnostnyj faktor depressivnyh i trevozhnyh rasstrojstv: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Perfectionism as personality factor of depressive and anxious disorders: Author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 2007, 25 p. (In Russian).
29. Yasnaya V.A., Enikopolov S.N. [Perfectionism: history of study and issue's current state]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 2007, no 4, pp. 157–168. (In Russian).
30. Yasnaya V.A., Mitina O.V., Enikopolov S.N., Zurabova A.M. [Aprobation of perfectionism measuring technique Almost Perfect Scale by R. Slaney]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and experimental psychology]. 2011, no 4, pp. 30–45. (In Russian).
31. Kaufmann H., Vrontis D., Manakova Yu. Perception of luxury: idiosyncratic Russian consumer culture and identity // *European Journal of Cross-Cultural Competence and Management*. 2012. Vol. 2, no 3–4, January. P. 209–235.
32. Lakey P.N. Acculturation: a review of the literature // *Intercultural communication studies*. 2003. XII-2. P. 103–118.
33. Lisauskene M.V. The Next Generation: Pragmatic Perfectionists or Romantics of Consumption // *Russian Education & Society*. 2007. Vol. 49, iss. 4. P. 76–86.

The date of the manuscript receipt 29.04.2015

Об авторах

Пермякова Татьяна Михайловна

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков

Национальный исследовательский университет
Высшая Школа Экономики (Пермский филиал),
614070, Пермь, ул. Студенческая, 38;
e-mail: perm1@hotmail.com

Шевелева Марина Сергеевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Национальный исследовательский университет
Высшая Школа Экономики (Пермский филиал),
614070, Пермь, ул. Студенческая, 38;
e-mail: marineshevelevoy@yandex.ru

About the authors

Permyakova Tatyana Mikhailovna

D.Sc. (Habilitation), Professor
of Foreign Languages Department

Perm branch of Higher School of Economics,
38, Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia;
e-mail: perm1@hotmail.com

Sheveleva Marina Sergeevna

Ph.D., Associate professor
of Foreign Languages Department

Perm branch of Higher School of Economics,
38, Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia;
e-mail: marineshevelevoy@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пермякова Т.М., Шевелева М.С. Систематизация отечественных исследований и кросс-культурные перспективы изучения перфекционизма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 65–73.

Please cite this article in English as:

Permyakova T.M., Sheveleva M.S. Perfectionism studies in Russia and their cross-cultural prospects // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 65–73.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.7(4-011)

**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ:
ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ***Пинаев Павел Васильевич, Яцкевич Юлия Юрьевна**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

В статье анализируются истоки и современное содержание политики мультикультурализма, реализуемой в западноевропейских странах. Акцентируется внимание на смысловых различиях терминов «мультикультурализм» и «мультикультурность». Основываясь на предыдущих работах теоретиков в области мультикультурализма и национальной политики, а также на статистических данных, представленных в докладах международных конференций, авторы отмечают несостоятельность изучаемой политики. Вероятно, одними из главных причин малоуспешности внедрения идей мультикультурализма являются, во-первых, низкий уровень толерантности граждан европейских государств (как коренных, так и приезжих), во-вторых, культурные особенности стран третьего мира, которые и препятствуют быстрой интеграции мигрантов в европейское сообщество. В качестве примеров описаны наиболее показательные конфликты на этнокультурной почве, послужившие поводом для критики создаваемого мультиконструкта. Данная статья носит теоретический, а не прикладной, характер.

Ключевые слова: мультикультурализм; мультикультурность; миграция; Европа; интеграция; иммигрант; ассимиляция; глобализация.

MULTICULTURALISM IN WESTERN EUROPE: CAUSES OF FAILURE*Pavel V. Pinaev, Yulia Yu. Yatskevich**Perm State University*

In the article the origins and content of the current policy of multiculturalism implemented in Western European countries are analyzed. Attention is drawn to the semantic differences between the terms «multiculturalism» and «multiculturality». Research bases on the previous work of theorists in the field of multiculturalism and national policies in this sphere, as well as on statistical data presented in the reports of international conferences. As a result, we can note the failure of policy of multiculturalism. Probably one of the main reasons for little success of it are, firstly, the low level of tolerance of citizens in European countries (both indigenous and immigrants), and secondly, the cultural features of Third World countries, which create obstacle to the rapid integration of migrants into the European community. The article describes examples of the most significant ethno-cultural conflicts that creates reason for criticism of multicultural construct. The article has theoretical character.

Key words: multiculturalism; migration; Europe; integration; immigrant; assimilation; globalization.

Термин «мультикультурность», многокультурность, не имея идеологической нагрузки, позволяет фиксировать существование разнообразных культур во многих странах и обозначить ускоряющийся процесс взаимодействия разных культур, существование которых принимается как данность.

Страны со свойственной им культурной, политической и экономической спецификой, а также этнические группы, сексуальные и гендерные меньшинства — неотъемлемые составляющие современного поликультурного общества. В результате непрерывного развития общества европейские страны переходят грань постиндустриализации, создавая новое общество — информацион-

ное, в котором главным богатством становится качественная информация, высокий уровень знаний и технологий обмена ими. В процессе глобализации идет непрерывная стандартизация социального мира, подчас лишая индивидуальности этнокультурные общности и нации. Потребность в сохранении народами идентичности, демократической безопасности и мира при переходе на новый качественный уровень развития может быть достигнута благодаря отказу от фашистской идеологии, от любых признаков дискриминации, т.е. путем постоянного взаимодействия культур.

Политика, призванная сгладить «острые углы» монокультурной гегемонии получила название «мультикультурализм». Впервые ее начали проводить во второй половине XX в. Канада и Австралия, а позже Соединенные Штаты, т.е. страны, чья культура оформилась в результате непрерывной иммиграции. В данном случае возникновение мультикультуралистических идей и их поддержка были связаны с потребностью противостоять этнической ассимиляции, «плавильному котлу», под действием которого иммигрирующие народы теряли свою культурную идентичность [1, с. 6–7].

О возросшей «популярности» явления мультикультурализма свидетельствует интерес русских и зарубежных ученых, чьи исследования этого многоликого и противоречивого политического феномена начались с момента его открытия. Определяя сущность мультикультурализма, американский социолог С. Хантингтон в работах «Столкновение цивилизаций» [9] и «Кто мы?» [10] рассматривает неспособность определенных общностей к интеграции в государство-нацию и, как следствие, столкновение культур на этой почве. Он отмечает мультикультурализм как движение, которое противостоит монокультурной гегемонии Европы, приводя прочие культуры к маргинализации.

Проблемы применимости феномена к российской действительности рассмотрены в сборнике «Трансформации мультикультурализма в постсоветском пространстве», вышедшем под редакцией В.А. Тишкова и В.С. Малахова. Говоря о мультикультурализме, В.С. Малахов утверждает, что мультикультурное общество — это общество, в котором не существует господствующей культуры, а понятие культуры не связано с понятием этноса [4]. А.А. Борисов, посвятивший свою научно-исследовательскую деятельность проблемам мультикультурализма, подчеркивает два аспекта этого многогранного явления: во-первых, полити-

ческое, главной идеей которого выступает противопоставление этнических ценностей общенациональным; во-вторых, феномен этнокультурной фрагментации социума [1]. Пожалуй, лучшее доказательство многогранности мультикультурализма и степени озадаченности общественностью этим явлением привел американский социолог Н. Глейзер: «Термин мультикультурализм использовался так часто и в защите, и в нападениях, охватывая столь различные события, что представляется нелегкой задачей описать, что подразумевается под ним». В определенный период научной деятельности специализируясь на изучении американских этнических групп, Н. Глейзер изложил результаты исследований в книге «По поводу плавильного котла» (1963).

Таким образом, рассмотрев разнообразные определения мультикультурализма, можно сделать вывод, что мультикультурализм — это прежде всего политическая идеология и практика, направленная на поддержание условий существования культурного разнообразия на территории определенного государства и развитие толерантного отношения к существующим меньшинствам.

Одной из ключевых причин популяризации мультикультурализма является выступление студенческих и молодежных движений в США (1950–1970 гг.) Данный период времени связан с «политикой идентичности»; он характеризуется появлением так называемого «черного национализма». Среди основных требований образовавшихся антирасистских движений значились: введение обязательного изучения культуры и истории чернокожих народов, равноправие, полная политическая дееспособность. Среди студенческой молодежи особенно актуальной становится борьба за гражданские права, за комфортные условия жизни, которые способствовали бы получению образования и успешной конкуренции на рынке труда. Кроме того, в указанный промежуток времени все чаще заявляет о себе феминистское движение. В странах, сформированных в результате миграций (Канада, Австралия), меньшинства, подвергающиеся дискриминации по расовому, половому признакам и сексуальной ориентации, также ведут борьбу за права и сохранение культурной идентичности. Причиной роста протестных настроений послужили напряженная политическая, экономическая ситуация, стремительно увеличивающееся количество чернокожих студентов, ограничение социальных прав молодежи, сексуальная революция и пр.

Новые отношения между культурными, этническими группами стали складываться в результате деструктивных процессов, когда разрушению подверглись устоявшиеся нормы морали, общественные ценности, а именно гетеросексуальность, монокультурность, европоцентризм, патриархальность. Указанные процессы были направлены на признание существования игнорируемых маргинальных меньшинств, на создание определенного мультиконструкта, в котором каждая группа общества будет в одинаковой степени сохранена и наделена гражданскими правами.

В последнее время вследствие усиливающихся иммиграционных потоков политический вектор европейских стран стремительно смещается в сторону мультикультурализма. В результате процесса глобализации происходит уничтожение национальных экономик, что в конечном итоге способствует усилению миграционных процессов. В этих условиях развитые страны, нуждаясь в недорогостоящей рабочей силе, принимают все большее количество мигрантов. Сегодня международная миграция и вопросы интеграции иммигрантов в новую социокультурную среду стали одними из самых обсуждаемых общественностью тем. В 2013 г. проблемы миграционной политики и мультикультурализма обсуждались на сорок шестой сессии Комиссии ООН, посвященной народонаселению и развитию (Нью-Йорк, 22–26 апреля), а также в ходе диалога, происходившего на высоком уровне, посвященного вопросам международной миграции и развития (Нью-Йорк, 3–4 октября). Важнейшим результатом мероприятий стали доклады и статистические материалы, опубликованные по данным регистров, переписей населения специалистами ООН. Основным критерием международной миграции была названа перемена страны проживания.

Согласно публикуемым данным темп роста миграции стремительно нарастает. Количество международных мигрантов в 1990 г. было 154 млн., в 2013 г. оно достигло практически 232 млн. человек. Число мигрантов в развитых странах увеличилось на 53,3 млн., из них только 22 % (12 млн. чел.) прибыли из других развитых стран, остальные 78 % (42 млн. чел.) — выходцы из развивающихся стран, из стран третьего мира. Важно сопоставить количество переселенцев в развивающиеся страны: из 24 млн. чел. 99 % иммигрировали из других развивающихся стран, тогда как всего лишь 1 % составили мигранты из развитых стран. Данные цифры наталкивают на мысль о росте социальных, экономических и ду-

ховных потребностей, которые остаются неудовлетворенными в странах с низким уровнем жизни. В связи с тем что наибольшее количество международных мигрантов проживает именно в Европе (31,3 % от общей численности), европейские страны вынуждены наиболее активно заниматься вопросами интеграции мигрантов в общество [10]. Есть основания полагать, что именно Западная Европа наиболее болезненно переживает современное смешение культур, учитывая ее историческую монокультурность и религиозную замкнутость.

Вероятно, именно с радикальными различиями в уровне образования, отношении к религии и традициям связан тот факт, что «белые» мигранты принимаются странами охотнее, нежели выходцы из Северной Африки и Ближнего Востока. Например, современный западный человек в первую очередь руководствуется интересами личности, чаще обращается к правам человека, следует нормам морали, юридическим нормам и закону. Жизнь восточных народов во многом подчинена образу жизни клана, родственников, мировоззрение младших находится под влиянием традиций и устоявшегося мнения старших. В этих условиях мигрантам стран третьего мира интегрироваться в европейское общество становится намного труднее, поскольку многие каналы культурной коммуникации рассматриваются сквозь призму ксенофобии. Именно из-за неприятия, опасения, возникающих, на первый взгляд, из-за отсутствия знаний (часто основанных на распространенных мифах) сущности других культур, кроются причины многих этнических конфликтов.

В надежде поддержать культурное многообразие стран, не дать народам слиться в одну общую массу без рода, племени и культуры, воспитывая при этом уважение народов друг к другу, руководство европейских стран приняло решение использовать мультикультуралистскую практику в собственных странах. Однако применить политические принципы стран, которые сформировались в условиях непрерывной иммиграции, не так-то просто к государствам, культура которых сложилась задолго до столкновения с массовым иммиграционным потоком. Мультикультуралистские теории рождали в сознании ученых и политиков идеи о разнообразии внутри всеобщего единства, о терпимом отношении к «инакости». Появилась надежда «сгладить» острые углы прошлого, вызывающего в памяти горькие образы войн, стремления к монокультурной гегемонии некоторых

государств. Однако при столкновении с грубой реальностью мультикультурная практика дает трещины. Современные европейские исследователи обеспокоены фактом, что мультикультурализм и принцип равных возможностей — явления в общем-то антагонистические. Это связано в первую очередь с предоставляемыми многочисленным мигрантам привилегиями, льготами, пособиями, которые в конечном итоге приводят к появлению чувства дискриминации, возникающего у представителей коренного населения, и воспитанию иждивенческих настроений в среде представителей других национальностей. Вероятно, увлечение Европы идеей мультикультурализма изживает себя, поскольку его основной принцип является абсолютно параллельным фундаменту европейской монокультурности, национального чувства и общности истории [2].

О том, что общество с воспитываемой в нем толерантностью является спящим вулканом, пробудить который не составит труда, говорят многочисленные примеры. В Великобритании идеи мультикультурализма были приняты одними из первых в Европе и активно поддерживались, в частности Лейбористской партией, с 1980-х гг. отличавшейся этнической неоднородностью и присутствием представителей сексуальных меньшинств. По стечению обстоятельств, после беспорядков в городе Олдем, когда местные мигранты пытались создать области, недоступные для белого населения, в Великобритании впервые заговорили о несостоятельности мультикультурной политики. Уже в 2004 г. первым о провале мультикультурализма объявил один из членов Лейбористской партии Тревор Филлипс. Так, идея сохранения культурной идентичности в рамках одного государства послужила не сплочению культур, а лишь углублению пропасти между ними. По мнению Филлипса, в условиях увеличивающегося иммиграционного потока укрепить общество можно лишь созданием условий, которые направлены на интеграцию приезжих. В процессе создания британской идентичности имеют значение равенство граждан перед законом и общие ценности.

В сущности, речь шла о возвращении в период «плавления котла», когда в Соединенных Штатах прилагались усилия для «выплавления» новой нации из иммигрировавшего потока жителей бывших колониальных, развивающихся стран, т.е. для создания общей «американскости». Вероятно, на сделанное Тревором Филлипсом заявление помимо беспорядков в Олдеме повлияло и трагическое событие 2001 г., связанное с крушением

башен-близнецов в США в результате террористического акта, осуществленного, по официальной версии, исламскими экстремистами. Наблюдаемая радикализация представителей неевропейской культуры послужила одним из факторов дестабилизации отношений с мусульманским миром.

Спустя несколько лет (2005 г.) в результате нового акта терроризма, потрясшего Лондон, часть сторонников лейбористской партии начинает сближение с консерваторами, для которых идея укрепления национального единства является основополагающей. Несмотря на рост возмущенных волнений среди британцев, в погоне за голосами избирателей-мусульман, количество которых на тот момент достигало около 2,4 млн. человек, лидеры партии остались приверженцами уравнения прав коренных жителей Соединенного Королевства и иммигрантов [3]. Однако череда последовавших конфликтов на этнокультурной почве, которые развернулись впоследствии на территории европейских государств, послужили поводом для дальнейшей деструкции и критики создаваемого мультиконструкта.

К ранним примерам наиболее значимых и обсуждаемых событий можно отнести, во-первых, убийство в 2004 г. голландского режиссера Тео Ван Гога, выпустившего в свет картину «Смирение», повествовавшую о насилии над женщинами в мусульманских семьях. Свершившаяся расправа послужила катализатором экстремистской деятельности, основанной на религиозной почве: в благополучной ранее Гааге участились случаи поджога мечетей, в результате повлекшие поджоги христианских храмов. Далее, «карикатурный» скандал 2005–2006 гг., причиной которого стали опубликованные в одной из датских газет карикатуры на пророка Мохаммеда, повлекшие за собой волнения в мусульманском мире, охватившие затем Европу. Результатом беспорядков стали закрытие в Дании посольств некоторых исламских государств, а также бойкот датских товаров. Последствия провалившегося мультикультурализма можно было наблюдать в событиях весны 2005 г. в Париже, когда улицы города были разгромлены группировками мусульманских экстремистов, обвинявших местные власти и полицию в гибели двух подростков-иммигрантов.

На неудачах, сопровождавших попытки построить мультикультурное общество, концентрировали внимание не только британские политики. После публикации книги «Германия самоликвидируется», автором которой стал член совета ди-

ректоров Бундесбанка Тило Саррацин, многочисленные диспуты, в ходе которых был раскритикован мультiculturalный подход к управлению общественными системами (в особенности, образовательной), вспыхнули с новой силой. Образование мигрантами специфических районов, так называемых «гетто», создание для приезжих определенных национальных школ, «обездвиженные» социальные лифты — формируют среду, в которой приезжие «варятся в собственном соку». Получая пособия и льготы, мигранты тем не менее не имеют возможности и желания для успешной адаптации и интеграции в социокультурную среду другого государства. Несмотря на активно поддерживаемую иллюзию политкорректности, представленные в книге описания и анализ последствий миграционного потока, хлынувшего в Германию начиная еще с 1960-х гг., получили одобрение коренного населения. Не укрылось от внимания и заявление, сделанное Ангелой Меркель во время конференции молодежной организации Христианско-демократической партии в Потсдаме (октябрь, 2010 г.). Судя по выступлению, канцлер Германии признала ассимиляцию, или «плавильный котел», единственно возможным способом сосуществования коренного населения и мигрантов на рынке труда. «Наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга. Этот подход провалился, совершенно провалился», — сделала неутешительный вывод А. Меркель [6]. С момента указанного заявления прошло несколько лет, однако конфликты, возникающие на почвах культурной или религиозной нетерпимости, а также по разнообразным экономическим причинам, практически ежегодно происходят на территориях стран Европы. К ним можно отнести беспорядки в Лондоне 2011 г., охватившие затем другие английские города, волнения в Швеции 2013 г., пр. Главным последствием событий становится ужесточение миграционного законодательства некоторыми странами, среди европейских это, в первую очередь, Франция, Великобритания.

Одним из важнейших документов, определяющих принципы мультикультурализма, является Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, принятая Советом Европы в 1995 г. [7]. Конвенция закрепляет права национальных меньшинств на территории европейских государств (а также иных стран, которые желают участвовать в механизме реализации Конвенции) с целью развития подлинной демократии, в рам-

ках которой создаются условия для сохранения и развития самобытности каждой культурной, религиозной, этнической ячейки общества. Если сопоставить основные положения документа с действительностью, то приходится отметить, что несоблюдение единичных пунктов Конвенции приводит к вышеуказанным конфликтам, результаты которых в дальнейшем влияют на отношения между культурами. Так, раздел II ст. 6 Рамочной конвенции гласит: «Участники обязуются принимать все надлежащие меры для защиты лиц, которые могли бы стать жертвами угроз или актов дискриминации, враждебности или насилия по причине их этнической, культурной, языковой или религиозной принадлежности». Однако на примере «карикатурного» конфликта, случившегося в Дании, можно отметить нарушение данной статьи, которое состояло в отказе датского правительства принести извинения, что повлекло в дальнейшем осложнение политической и экономической ситуации.

К основным причинам, по которым в страны Европы привлекали мигрантов, относятся, во-первых, дефицит рабочей силы на рынке труда и, во-вторых, демографические проблемы государств. Конвенция гарантирует защиту от политических и практических действий, направленных на ассимиляцию национальных меньшинств, однако в действительности не происходит главного — интеграции этих меньшинств в культурное сообщество. «Ассимиляция» стала явлением, наводящим ужас не только на мигрантов, но и на коренное население. Может, и соблюдается принцип мультикультурной политики, подразумевающий сохранение множества культур, однако не соблюдены главные условия — развитие этих культур, их взаимодействие, воспитание толерантности.

Среди приезжих есть доля успешно адаптировавшихся — это политики, писатели, прочие успешные деятели культуры, науки и т.д. Однако их доля мала. Предположим, имеется пара ваз, у которых един только материал изготовления — фарфор. Если разбить обе, а затем, смешав осколки, попробовать склеить их, то вряд ли получится воссоздать прежний внешний вид, а тем более его улучшить. В результате получим две нефункциональные вещи, при этом еще и неэстетичные. Аналогичные процессы можно наблюдать и в обществе. При смешении культур не выходит цельного, гармоничного, слаженно функционирующего общественного организма.

Тот факт, что «организм» функционирует по правилам, отличным от заданных, продемонстри-

ривала смена настроений политической элиты и общественного отношения к мультикультурализму, произошедшая в начале 2000-х гг. в европейских странах. На данное явление повлияли увеличение миграционного потока и, как следствие, увеличившаяся нагрузка на бюджет, а также теракт 11 сентября 2001 г. в США, рост ультраправых настроений, трактовка СМИ феномена миграции как угрозы стабильности, сплоченности, безопасности и др. В результате мигранты оказались в числе маргинального слоя населения. Эта проблема была отражена в нежелании мигрантов интегрироваться. Даже если отказаться от развития политики мультикультурализма, мультикультурность как явление никуда не исчезнет. Миллионы мигрантов, их семьи остаются на территории стран Европы, осознавая себя полноправными членами этого общества. Рост сепаратизма, нетерпимость, образование замкнутых мини-государств в европейских странах оповещает сегодня о том, что призывов к толерантности и заявлений о плюрализме становится недостаточно.

Таким образом, с момента, когда политики признали недейственными принципы мультикультурализма, изменилось немного. Во-первых, обязательными стали курсы интеграции (языковые курсы, курсы гражданской интеграции); во-вторых, были приняты меры символического характера, в частности, запрет на ношение символов принадлежности к определенной религии; в-третьих, существенные изменения претерпели учебные программы, ориентированные теперь на поликультурную аудиторию. И, наконец, произошла либерализация законов о гражданстве. Это отразилось в «праве почвы» для детей мигрантов, сокращении срока проживания, необходимого для возможности получить гражданство, а также увеличении списка стран, допускающих двойное гражданство [4]. Несмотря на малое количество изменений, они все-таки являются показателями стремления к необходимому межкультурному диалогу.

Современное общество обратилось к мультикультурализму как к идеологически обусловленному механизму решения поставленной проблемы, однако позднее данный механизм заявил о себе, как о еще одной проблеме современности, породив новый вопрос: возможно ли справиться с ней, не возвращаясь к методам прошлого — «плавильному котлу»?

Список литературы

1. Борисов А.А. Мультикультурализм в США: тео-

рии и практики. М.; Пермь, 2007. 215 с.

2. Грановская Р.М. Кризис идеологии мультикультурализма и судьбы европейской цивилизации // *Международная жизнь*. 2012. № 5. С. 149–154.
3. Кондратьева Т.С. Великобритания в ловушке мультикультурализма // Сетевое издание центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/book/velikobritanija_v_lovushke_multikulturalizma_2011-10-07.htm (дата обращения: 21.09.2014).
4. Малахов В.А. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты. URL: <http://postnauka.ru/video/33791> (дата обращения: 16.10.2014).
5. Некрасов С.И., Некрасова Н.А., Платошина В.В. Американский мультикультурализм // Научная электронная библиотека. URL: <http://www.monographies.ru/127-4133> (дата обращения: 16.07.2014).
6. Орлова И.Б. Полный провал концепции мультикультурализма // *Российская Федерация сегодня*. 2001. № 4. С. 38–39.
7. *Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств*. URL: <http://conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/157.htm> (дата обращения: 11.08.2014).
8. Терборн Г. Мультикультурные общества // *Социологическое обозрение*. 2001. № 1. Т. 1. URL: <http://sociologica.hse.ru/2001-1-1/28121845.html> (дата обращения: 18.09.2014).
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ-МОСКВА, 2006. 571 с.
10. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Транзиткнига, 2004. 635 с.
11. Щербакова Е.М. Международная миграция и миграционная политика // Сетевое издание центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/srez/val/mezhdunarodnaja_migracija_i_migracionnaja_politika_2014-07-03.htm (дата обращения: 22.09.2014).

Получено 01.05.2015

References

1. Borisov A.A. *Mul'tikul'turalizm v SShA: teorii i praktiki* [Multiculturalism in the USA: theories and praxis]. Moscow, Perm, 2007. 215 p. (In Russian).
2. Granovskaya R.M. [Crisis of multiculturalism ideology and European civilization's fate]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International life]. 2012, no 5, pp. 149–154. (In Russian).
3. Kondrat'yeva T.S. [Great Britain in a trap of multi-

- culturalism]. *Setevoe izdanie tsentra issledovanij i analitiki Fonda istoricheskoy perspektivy* [Online media of Centre of research and analytics of the Fund of historical perspective]. Available at: http://www.perspektivy.info/book/velikobritanija_v_lovushke_multikulturalizma_2011-10-07.htm (accessed 21.09.2014). (In Russian).
4. Malakhov V.A. *Posle mul'tikul'turalizma: Evropa i ee immigranty* [After multiculturalism: Europe and its immigrants]. Available at: <http://postnauka.ru/video/33791> (accessed 16.10.2014). (In Russian).
 5. Nekrasov S.I., Nekrasova N.A., Platoshina V.V. [American multiculturalism]. *Nauchnaya elektron-naya biblioteka* [Scientific digital library]. Available at: <http://www.monographies.ru/127-4133> (accessed 16.07.2014). (In Russian).
 6. Orlova I.B. [Total failure of multiculturalism concept]. *Rossijskaya federatsiya segodnya* [Russian Federation today]. 2001, no 4, pp. 38–39. (In Russian).
 7. *Ramochnaya konventsiya o zaschite natsional'nyh men'shinstv* [The Framework convention for the protection of national minorities]. Available at: <http://conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/157.htm> (accessed 11.08.2014). (In Russian).
 8. Therborn G. [Multicultural societies]. *Sotsiologicheskoe obozrenie: Tom 1* [Sociological review: Vol. 1]. 2001, no 1. Available at: <http://sociologica.hse.ru/2001-1-1/28121845.html> (accessed 18.09.2014). (In Russian).
 9. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsij* [Clash of civilizations]. Moscow: AST-MOSKVA Publ., 2006. 571 p. (In Russian).
 10. Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noj identichnosti* [Who are we? The challenges to America's national identity]. Moscow: Tranzitkniga Publ., 2004, 635 p. (In Russian).
 11. Scherbakova E.M. [International migration and migration policy]. *Setevoe izdanie tsentra issledovanij i analitiki Fonda istoricheskoy perspektivy* [Online media of Centre of research and analytics of the Fund of historical perspective]. Available at: http://www.perspektivy.info/srez/val/mezhdunarodnaja_migracija_i_migracionnaja_politika_2014-07-03.htm (accessed 22.09.2014). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.05.2015

Об авторах

Пинаев Павел Васильевич

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15;
e-mail: pvp7777@yandex.ru

Яцкевич Юлия Юрьевна

студентка направления «Организация работы с молодежью», кафедра философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15;
e-mail: Cheshire1865@yandex.ru

About the authors

Pinaev Pavel Vasilievich

Senior lecturer of Sociology Department

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: pvp7777@yandex.ru

Yatskevich Yulia Yurievna

Student of «Youth Work» program, Philosophy Department

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: Cheshire1865@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пинаев П.В., Яцкевич Ю.Ю. Мультикультурализм в странах Западной Европы: причины неудачи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 74–80.

Please cite this article in English as:

Pinaev P.V., Yatskevich Yu.Yu. Multiculturalism in Western Europe: causes of failure // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 74–80.

УДК 316.356.2

СЕМЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА**Филипова Александра Геннадьевна**Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет*

В статье представлен анализ повседневных родительских действий по защите детства, обозначенных как практики. Эффективность процесса защиты детства рассматривается как результат соотношения двух разнонаправленных процессов — институционализации и фамелизации детства. На локальном уровне данное противостояние выражается в борьбе за ресурсы и влияние на ребенка учреждений (образования, здравоохранения, правовой защиты и социальной поддержки) и семьи. Процесс автономизации детства в контексте его защиты представлен как выработка самосохранительных практик при поддержке семейных и институциональных ресурсов. Эмпирической основой исследования служат данные глубинных интервью с родителями (N = 24).

Идеальным вариантом интеракций «семья – учреждения» обозначено социальное партнерство как сочетание активности родителей с поддержкой институциональных ресурсов. В основе другой линии интеракций («семья – ребенок») соотношение двух составляющих — родительской поддержки и самостоятельности ребенка. Стиль «адаптация» представлен как оптимальный вариант постепенного сужения сферы родительского вмешательства и контроля за счет обучения ребенка практикам безопасного поведения и самозащиты.

Ключевые слова: защита детства; семейные (родительские) практики; институциональные практики; безопасная среда; риски; ресурсы; самозащита.

FAMILY PRACTICES OF CHILDHOOD'S PROTECTION*Alexandra G. Filipova**Komsomolsk-on-Amur State Technical University*

The analysis of daily parental actions in the field of childhood protection, marked as practices, is presented in the article. Efficiency of process of childhood protection is considered as a result of two different directed processes — an institutionalization and a familization. At the local level this opposition is expressed by the struggle between education, health care, legal protection and social support's organization and family for resources and influence on the child. By the context of protection childhood's autonomisation is presented as development of self-protection practitioners with the help of family and institutional resources. Data of deep interviews with parents (N=24) form an empirical basis of research.

The ideal option of interaction «Family – Institution» is social partnership as a combination of parents' activity and institutional resources' support. As the base of other line of interaction («Family – Child») is defined two components — parental support and independence of the child. Style «Adaptation» is presented as optimum option of gradual parental intervention and control's narrowing due to the child's training in practitioners of safe behavior and self-defense.

Key words: childhood's protection; family (parental) practices; institutional practices; safe environment; risks; resources; self-defense.

Семейные практики защиты детства мы определяем как ежедневные типичные действия семьи по созданию поддерживающего окружения для ребенка, формированию у него навыков самосохранительного поведения, а также осуществле-

нию контроля за соблюдением норм безопасного поведения [9, с. 22]. Границы реализации семейных практик определяют формальные нормы («родители обязаны заботиться о воспитании, содержании и развитии своих детей»), однако в процессе выполнения они подкрепляются многообразными неформальными правилами.

Эмпирической основой исследования служат данные глубинных интервью с родителями

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект № МД-3569.2015.6).

(N = 24). Характеристика информантов-родителей следующие: (P1) Жен., 34 года, в разводе, дочери 5 лет (P2) Жен., 30 лет, замужем, сыну 2,5 года. (P3) Жен., 23 года, замужем, дочери 2 года. (P4) Жен., 34 года, не замужем, сыну 4 года. (P5) Жен., 35 лет, замужем, сыну 8 лет. (P6) Жен., 34 года, замужем, сыну 9 лет. (P7) Жен., 33 года, в разводе, двум сыновьям по 10 лет. (P8) Жен., 31 года, замужем, сыну 2 года. (P9) Муж., 38 лет, женат, сыну 9 лет.

В отечественной социологии сложилось два противоположных подхода к осмыслению современного состояния института семьи — кризисный и эволюционистский. Они являются теоретической базой противоположных концепций семейной политики. Согласно исследовательской позиции А.И. Антонова, В.Н. Архангельского, В.А. Борисова, В.М. Медкова и других, институт семьи в современной России переживает глубокий кризис. Он проявляется, главным образом, в неспособности российской семьи к качественно-му выполнению базовых функций — воспроизводственной, социализационной, интегративной, посреднической. Представители другой точки зрения (А.Г. Вишневецкий, А.Г. Волков и др.) интерпретируют наблюдаемые дисфункции российской семьи как свидетельства модернизационной трансформации института семьи. По их мнению, это явление следует расценивать как преходящее.

Институционализация vs. фамелизация детства

Кризисное и адаптирующееся состояния современной семьи лежат в основе двух разнонаправленных процессов защиты детства — его институционализации и фамелизации. Детство становится центром борьбы за влияние и ресурсы. *Институционализация* означает сосредоточение ресурсов в учреждениях образования, здравоохранения, социальной поддержки и правовой защиты. Соответственно институциональные практики определяются нами как формализованные процедуры предоставления услуг в области образования, медицинского обслуживания, социальной поддержки, а также защиты прав детей и семей, осуществляемые специалистами вышеозначенных учреждений. «Институционализация» — это процесс, развивающийся вследствие сокращения времени пребывания родителей с детьми, снижения их влияния на собственных детей. Вместо своих взрослые начинают воспитывать чужих детей в детских садах, школах, учреждениях социальной реабилитации. А.И. Антонов назвал эту ситуацию «современным алатычеством» [1, с. 295–296].

Фамелизация же означает перенос ответственности за жизнеобеспечение и развитие ребенка с государственных учреждений на его семью, который должен сопровождаться необходимой ресурсной поддержкой со стороны институций.

На практике мы можем нередко наблюдать противоборство институциональных и семейных защитных действий в отношении детства. Граница допустимости государственного вмешательства во внутренние дела семьи очень зыбка и совпадает с границей социального благополучия семьи. Как справедливо заметила З.Х. Саралиева, «...гарантом и катализатором сбережения, накопления сильного ресурсного потенциала служит максимальное соответствие социальных норм, определенных для семьи как социального института, с ценностями и интересами самой семьи» [5, с. 81]. Для согласования норм на государственном уровне задается рамка осуществления родительских прав и обязанностей, жизнеобеспечения детства в семье.

Семейные практики защиты детства подразделяются нами на родительские (отцовские и материнские) и родственные (в заботу включаются сиблинги, прародители). Родительские практики защиты ребенка формируются на противоречивом фоне российской реальности; с одной стороны, социальные «заболевания» российского общества (преступность, наркомания, алкоголизм, вовлечение в занятия сексом несовершеннолетних, похищение детей), создающие опасности для ребенка, а с другой — государственная идея усиления родительской ответственности. Родительство номинируется органами власти как позитивное, социально активное и ответственное. Нормативная модель родительства включает такие характеристики, как социальную зрелость родителей (готовность к выполнению родительских функций), ориентированность родительских прав на развитие ребенка, родительские компетенции (понимание того, что нужно ребенку в данной ситуации, на данном возрастном этапе) и др. [6, с. 24; 2, с. 19].

В качестве средства преодоления неблагополучия детства (уличной социализации, роста насилия в обществе в отношении детей, появления группы педагогически несостоятельных родителей, ущемления прав детей со стороны институций и пр.) предлагается профессионализация родительства. Культура ответственного родительства предполагает овладение специальными знаниями, поэтому в России появляются школы подготовки будущих родителей, разрабатываются

специальные программы, издается литература, создаются сайты для родителей. Исследования И. Забаева, Ж. Черновой, Л. Шпаковской демонстрируют родительство как проект, когда еще до рождения ребенка создается материальная, психобиологическая, профессиональная и личностно-компетентностная семейная база [3, 10]

В основе противостояния государственной интервенции и семейной автономности лежат общественный и индивидуальный смыслы детства [7, с. 4–5]. В первом случае речь идет о воспроизводстве социальной структуры общества, поэтому оправдывается вмешательство государства в дела семьи, принимающее в отдельных случаях форму изъятия ребенка из семьи. Осознание индивидуально-личностного смысла детства (усвоение социальных норм, ролей, вхождение в общество, самоидентификация индивида) объясняет стремление семьи эмансипироваться от государства: «родительство... не выполнение социального заказа, а совместная жизнь и сопереживание детей и родителей» [12, с. 334]. Противостояние государства и семьи трансформируется, таким образом, в официальном дискурсе в противостояние безопасности ребенка и автономности семьи.

Интеракции «семья – учреждения»

Для повышения эффективности социозащитных мер отношения «семья – учреждения» нуждаются в установлении диалога. Мы выделяем четыре типа взаимодействия семьи с государственными организациями, которые условно названы «бегство» (искейп), «мятеж», «ритуализм», «партнерство» (частично использована терминология Р. Мертона). В основе этой классификации два критерия — степень активности членов семьи, сформированности навыков самозащиты и отношение семьи к институциональным нормам (их принятие или отвержение).

Социальная пассивность родителей в сочетании с неприятием институциональных норм приводит к «бегству». В результате государственные учреждения (органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и др.) вынужденно принимают на себя защитные функции в отношении детей из таких семей.

«Ритуализм» по Р. Мертону — тип адаптации, когда индивид отвергает господствующие в данной культуре цели, которых он не может достичь, но одобряет и использует необходимые институциональные средства (порядок, система и т.д.) [4, с. 267]. Данный тип взаимодействия семей с государственными учреждениями развивается в тех

случаях, когда члены семьи не владеют навыками самопомощи и потому вынужденно прибегают к институциональной поддержке.

Одним из вариантов продвижения типа взаимодействия «мятеж» (социальная активность родителей сочетается с неприятием институциональных норм) стало развитие родительских сообществ как в реальном, так и в виртуальном пространствах. Ж. Чернова и Л. Шпаковская замечают: «Интернет стал площадкой или публичной ареной, которая позволяет представителям разных слоев и групп общаться, знакомиться, выражать свою позицию по тем или иным вопросам, участвовать в выработке коллективного мнения и договариваться о возможных совместных действиях» [11].

Идеальным вариантом развития отношений государства и семьи является «социальное партнерство» как взаимовыгодное сотрудничество. Родители и специалисты социозащитных учреждений предпринимают совместные действия по созданию комфортной, безопасной и развивающей среды для детей (обмениваются ресурсами, минимизируют риски).

Реплики информантов-родителей проиллюстрировали наиболее распространенные типы взаимодействия с учреждениями социальной защиты — «мятеж» (ситуации отказа от прививок ребенку, подача жалобы в отдел образования на классного руководителя, обращения к методисту детского сада при клеймлении ребенка воспитателем детского сада как неуспевающего) и «квазипартнерство». В имитации «партнерства» родительская активность сочетается с частичным (формальным) признанием институциональных норм:

...Приходишь [в детскую поликлинику], сам лечишь ...мы уже знаем как лечить-то ... [врач] со всем соглашается... (P1).

Я в продленке оставляю, вот, опять же, исходя из того, чтобы ребенок был под присмотром... на самом деле уроки он практически там не делал, мы делали всё дома (P5).

Ну, все равно в саду программа такая, еще по которой нас воспитывали, учили ... они сразу сказали... Ну, где сад занимается, но в основном, конечно, больше дома ... сам на себя больше надеешься... (P4).

Значимость институциональной поддержки возрастает в переходные моменты детства, требующие от родителей смены конфигурации практик. Во-первых, это появление ребенка, вызывающее реконструкцию внутрисемейных отноше-

ний, создание безопасной домашней среды, формирование кругов поддержки ребенка. Обращение к учреждениям в этом случае связано с несформированностью родительских компетенций. Институциональная поддержка родителей принимает формы занятий на базе женских консультаций, информационного сопровождения семьи (выпуск специальной литературы, проведение специальных программ).

Во-вторых, это переходы от раннего детства к дошкольному и от дошкольного к школьному детству, когда происходит расширение пространства детства (в него включаются школа, двор, секции), возникает проблема родительского противостояния асоциальному влиянию сверстников, как правило, детей из «неблагополучных» семей. Учреждения образования обеспечивают родителей дополнительным информационным ресурсом (консультации психолога, дефектолога, логопеда, других специалистов), помогают в выработке у детей необходимых социальных навыков, направленности на самосохранительное поведение и пр.

В-третьих, это переход от младшего школьного детства к подростковому возрасту. Для него характерны обострение потребности ребенка в личном пространстве, интимно-личностных отношениях, стремление вырваться из-под родительской опеки, стать взрослым. К институциональной помощи родителей толкает мультипликация рисков социальной среды отрочества. Однако к подростковому возрасту учреждения перестают заниматься формированием родительских компетенций и переключаются на формы социального контроля за поддержанием семейного благополучия.

Как показывает настоящее исследование, в области развития родительских компетенций ощущается явный дефицит институциональных практик, вызванный минимальным набором специалистов в социозащитных учреждениях, отсутствием служб психолого-педагогической помощи семье, поточным характером работы:

«Нет, ни психолога, ни логопеда ... Логопеды раньше платные были... по садам. А сейчас вообще никаких нет...» (P4).

«...Школа молодой матери — два занятия — это не в счет» (P2).

Интеракции «семья – ребенок»

Забота о здоровье ребенка, его безопасности, развитии находит отражение в разных родительских практиках, меняющихся по мере взросления ре-

бенка и постепенно замещающихся практиками самозащиты.

Анализ родительских практик защиты детства на разных его возрастных этапах позволил сконструировать четыре стили родительского поведения. Эти стили представляют крайние варианты соотношения родительской поддержки и самостоятельности ребенка. Условно мы обозначили их, используя высказывания информантов, как «тепличка», «школа жизни», «адаптация», «самоустранение».

Стиль родительской защиты «тепличка» направлен на изоляцию ребенка от рисков. В этом случае, особенно если позволяет финансовый ресурс семьи, вокруг ребенка создаются слои защиты. Характерной особенностью этого стиля защиты выступает одомашнивание детства, замещение общения со сверстниками пребыванием со взрослыми:

«Не с кем гулять во дворе <...> Он только с нами <...> Да. У него нет друзей ни с класса, ни со школы. Они тоже, вот, все живут по разным районам ...там практически нет детей, которые, вот, рядом живут» (P6).

«В основном он со мной и в моем окружении, взрослом... На работу к себе — в спортзале он занимается ...Таскаю за собой, и кроме детского сада пока ничего не посещает» (P4).

«Тепличка» предполагает избыток ресурсов при минимальных рисках, т.е., с одной стороны, между ребенком и опасной средой возводятся защитные барьеры, а с другой — сам ребенок перенасыщается ресурсами:

«У меня бабуля очень любит перестраховываться. То есть, когда я сама маленькая была...надо и одеть меня потеплее, и накормить меня побольше, и смотреть, чтобы я никуда не пошла» (P3).

Стиль «школа жизни» основывается на том, что ребенок сам учится защищаться, постепенно осваивая пространство взрослых. Родители не стремятся оградить ребенка от трудностей жизни, они считают, что он должен пройти через это все сам:

«Не надо бояться за них, они сами растут...растут и растут, ничего сложного в принципе» (P9).

Одна мама сравнивает этот стиль защиты с воспитанием дворняжек:

«...Мы не сюсюкались, когда воспитываешь, как дворняжек, они и не болеют» (P7).

Выталкивание детей из домашнего пространства сопровождается незначительным расхода-

нием семейных ресурсов на формирование у них навыков самосохранительного поведения. Механизмы контроля минимизированы по причине занятости родителей, ограниченности финансовых и социально-культурных ресурсов семей. Учреждения (детские сады, школы, загородные лагеря) рассматриваются как места «выживания» детей, где вырабатываются навыки коммуницирования, умения постоять за себя.

Стиль «адаптация» предполагает постепенное сужение сферы родительского вмешательства и контроля за счет обучения ребенка практикам безопасного поведения и самозащиты:

«... Ну, и дело не в том, чтобы его там оградить от чего-то, дело в том, чтоб научить, что, вот, нужно воспринимать, что хорошо, что плохо» (P5).

Ребенок воспринимается как «открытый миру», т.е. родитель не стремится его оградить, обезопасить. Этот мир ребенок сам, постепенно, при поддержке взрослого осваивает:

[про детский уголок в квартире] *«У него там есть свое пространство. Он подбирает то, что ему на данный момент больше всего нравится, я предоставляю ему возможность выбора позаниматься, я поддерживаю его инициативу» (P8).*

Взрослый прислушивается к ребенку, стремится «мягко» направлять, как высказался один родитель, использовать «подсказки», выстраивать отношения на доверии, проговаривать проблемы и т.д. Институциональные ресурсы включены в заботу о ребенке, но не избыточны, а достаточны. Родительская компетентность позволяет гасить тревожность и разрешать проблемные ситуации.

Сущность родительского стиля «самоустранения» или «искейпа» состоит в сведении семейных функций исключительно к удовлетворению физиологических потребностей ребенка. Все остальные функции возлагаются на учреждения либо на других участников кругов заботы:

«Мне ж на больничном сидеть не хочется. Я его привела [в детский сад] больного, быстренько стихнула» (P4).

«Бабушка, конечно, интересней, бабушка с ними и в кино, и в парки, и везде... в музеи. Мама — лентяйка в этом плане, бабушка с ними» (P7).

Подобная позиция родителей связана с педагогической некомпетентностью, инфантилизмом, нежеланием заниматься воспитанием и развитием собственных детей:

«... Она не хочет заниматься, и я её не заставляю. Дома книг навалом — и азбука, чего я только ни купила... Писать — мы не пишем, читать —

мы не читаем... Сейчас сядет возле телевизора...» (P1).

Стиль «искейп» часто проявляется при нарушении структуры семьи, например, в ситуации развода.

Главную роль в обеспечении защищенности ребенка, как показывают данные нашего исследования, играет мать. Материалы интервью иллюстрируют случайность, несистематичность отцовской заботы, включение которой обеспечивает мать или внешние обстоятельства (потеря работы, одинокое отцовство):

«Да на нем сейчас весь дом и на нем ребенок... ну он, будучи домохозяином, немножечко занимается и ребенком» (P2).

«Это я уже железно заявила — вот у тебя есть час после работы, посиди с ней, смотри или книжки, или мультики...» (P3).

Поддержка прародителей заключается не только в предоставлении жилья и материальной помощи семье, но также в осуществлении ухода за маленьким ребенком, в участии в воспитании и присмотре за детьми-дошкольниками, в обучении и развитии детей-школьников. В условиях дефицита специалистов-психологов в образовательных учреждениях, утраты функции социального воспитания школами и производственными коллективами происходит частичное восполнение возникших лакун за счет ресурсов прародителей:

«Мама — педагог по образованию и по первой профессии... а во-вторых, то, что у нее все-таки больше времени, больше терпения... и больше, наверное, мудрости, опыта, вот, работы с детьми. Мы-то, нам кажется, что это всё — конец света — ребенок закорючку не научился писать, она-то уже эти процессы пережила. Уже знает, что это не конец света» (P5).

Заключение

Анализ семейных (родительских) практик защиты детства позволил выделить две ведущие линии взаимодействий — «родители – ребенок» и «родители-учреждения». В первой подсистеме критериями оценки эффективности родительских практик выступают стиль родительского защитного поведения, а также признание и поддержка самостоятельности ребенка. Во второй подсистеме критерий активности делит родительские практики на активные и пассивные, а включение/невключение в родительские практики институциональных ресурсов превращает их в формальные или неформальные.

Семейные (родительские) практики защиты детей являются первичными, институциональные — комплементарными, обращение семей к ним чаще всего происходит в ситуациях дефицита финансового и (или) социально-культурного ресурсов.

Финансовый ресурс, дифференцирующий родителей на обеспеченных и малообеспеченных, позволяет обеспеченным уходить от рисков (покупать качественные детские товары, создавать безопасную среду). Однако при дефиците социально-культурного ресурса обеспеченные родители создают «защитный кокон», демонстрируя следование институциональным нормам («ритуализм»), но не вырабатывают у детей навыков противостояния опасным влияниям. В то время как малообеспеченные родители при наличии социально-культурного ресурса могут формировать у детей навыки самосохранительного поведения, подключать к защите учреждения образования, социальной поддержки (стили взаимодействия «партнерство», «мятеж»). При сочетании финансовых возможностей с социально-культурным потенциалом родителей защита осуществляется на разных уровнях — ребенок, семья, школа, досуговые учреждения и пр. — с подключением ресурсов этих уровней.

Защита детства приобретает три вектора развития — «фамилизацию», «институционализацию», «автономизацию», которые задаются статусом семьи, социозащитных учреждений и статусом ребенка. Консенсус между семейным и институциональным влиянием на детство может быть найден в социальном партнерстве семьи и государства. На государственном уровне защищенность детства обеспечивается развитием социальной инфраструктуры детства и государственным контролем за соблюдением законодательства в области защиты прав детей, на семейном — привитием навыков безопасного поведения, формированием поддерживающего окружения.

Список литературы

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи: учебник. М.: ИНФРА-М, 2005. 368 с.
2. Дементьева И.Ф. Социализация детей в семье: теории, факторы, модели. М.: ИС РАН: Генезис, 2004. 231 с.
3. Забаев И. Образ ребенка у жителей российских мегаполисов. По материалам биографических интервью с россиянами репродуктивного возраста // *INTER*. 2009. № 5. С. 40–55.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная

структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

5. Саралиева З.Х. Семья — клиент социальной работы: учеб. пособие. Н.Новгород: ННГУ, 2003. 286 с.
6. Семья и родительство в современной России / Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. URL: <http://www.fond-detyam.ru> (дата обращения: 10.05.2013).
7. Филипова А.Г. Институт образования как субъект защиты детства // *Человек и образование*. 2010. № 4. С. 4–9.
8. Филипова А.Г. Культурно-информационное пространство детства: риски и ресурсы социальной защиты // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2013. Вып. 4. С. 188–197.
9. Филипова А.Г. Социальная защита детства в современной России: институциональный анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Хабаровск, 2013. 44 с.
10. Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 19–43.
11. Чернова Ж., Шпаковская Л. Родительство-2010: гражданский активизм и новые солидарности // *Cogita!ru*. 2010. № 28. URL: <http://www.cogita.ru/analitka/issledovaniya/roditeltvo-2010-grazhdanskii-aktivizm-i-novye-solidarnosti> (дата обращения: 14.02.2015).
12. Шмидт В. Что приводит защиту детей к успеху или провалу? Как история обуславливает современные проблемы обеспечения прав детей в Чехии и России // *Журнал исследований социальной политики*. 2010. № 3. С. 331–352.

Получено 20.03.2015

References

1. Antonov A.I. *Mikrosotsiologiya sem'i: Uchebnik* [Microsociology of family: Textbook]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005, 368 p. (In Russian).
2. Dement'yeva I.F. *Sotsializatsiya detej v sem'e: teorii, faktory, modeli* [Children's socialization in family: theories, factors, models]. Moscow, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences Publ., Genезis Publ., 2004, 231 p. (In Russian).
3. Zabaev I. [Image of child by Russian metropolises' citizens. Following biographic interviews with the Russians of reproductive age]. *INTER* [INTER]. 2009, no 5, pp. 40–55. (In Russian).
4. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow, AST Publ., 2006, 873 p. (In Russian).
5. Saralievа Z.H. *Sem'ya — klient sotsial'noj raboty:*

- Uchebnoe posobie* [Family as a social work client: Study guide]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University Publ., 2003, 286 p. (In Russian).
6. [Family and parenthood in modern Russia]. *Fond podderzhki detej, nahodyaschihsya v trudnoj zhiznennoj situatsii* [Supporting fund for children in hardship]. Available at: <http://www.fond-detyam.ru>. (Accessed 10.05.2013). (In Russian).
 7. Filipova A.G. [Educational institute as a subject of childhood's protection]. *Chelovek i obrazovanie* [A man and education]. 2010, no 4, pp. 4–9. (In Russian).
 8. Filipova A.G. [Cultural-informative space of childhood: risks and resources of social protection]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2013. No 4 (16), pp. 188-197. (In Russian).
 9. Filipova A.G. Sotsial'naya zaschita detstva v sovremennoj Rossii: institutsional'nyj analiz: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk [Social childhood's protection in modern Russia: institutional analysis: Author's abstract for procuring of degree of doctor of sociological sciences]. Khabarovsk, 2013, 44 p. (In Russian).
 10. Chernova Zh., Shpakovskaya L. [Young adults: matrimony, partnership, parenthood. Discursive precepts and practices in modern Russia]. *Laboratorium* [Laboratorium]. 2010, no 3, pp. 19–43. (In Russian).
 11. Chernova Zh., Shpakovskaya L. [Parenthood-2010: civil activism and new solidarities]. *Cogita!ru* [Cogita!ru]. 2010, no 28. Available at: <http://www.cogita.ru/analitka/issledovaniya/roditels tvo-2010-grazhdanskii-aktivizm-i-novye-solidarnosti> (Accessed 14.02.2015). (In Russian).
 12. Shmidt V. [What leads childhood's protection to success or to failure? How history determines contemporary problems of children's rights securing in Czech Republic and Russia]. *Zhurnal issledovaniij sotsial'noj politiki* [The journal of social policy studies]. 2010, no 3, pp. 331–352. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 20.03.2015

Об авторе

Филипова Александра Геннадьевна
доктор социологических наук, профессор
кафедры философии и социологии

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет,
681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27;
e-mail: alexgen77@list.ru

About the author

Filipova Alexandra Gennadjevna
D.Sc. (Habilitation), Professor of Philosophy
and Sociology Department

Komsomolsk-on-Amur State Technical University,
27, Lenin av., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia;
e-mail: alexgen77@list.ru

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Филипова А.Г. Семейные практики защиты детства // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 81–87.

Please cite this article in English as:

Filipova A.G. Family practices of childhood's protection // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 81–87.

УДК 002:159.922

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ СТЕРЕОТИПОВ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Попова Валерия Олеговна, Балезина Екатерина Андреевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Средства массовой информации являются одним из главных механизмов влияния на массовое сознание. В то же время стереотипы выступают инструментами, с помощью которых СМИ манипулируют и управляют массовым сознанием. В статье рассматривается процесс формирования стереотипов в массовом сознании посредством СМИ.

Стереотип по своей природе никогда не является нейтральным, он предполагает позитивную или негативную оценку. Стереотип нельзя отождествлять с понятием индивидуального жизненного опыта. Кроме того, интересен тот факт, что менее образованные городские жители чаще не являются «критически мыслящими», поэтому в большей степени подвержены манипуляциям в СМИ.

Выделяют различные виды стереотипов. Политические стереотипы формируют отношение к странам или лидерам этих стран. Этнические стереотипы отражают эмоциональное и оценочное отношение к представителям этнических групп, а также распространяют и знание об этой группе. Гендерные стереотипы формируют представления о мужских и женских социальных ролях.

Стереотипы динамичны и являются неотъемлемой частью массового сознания. В связи с тем что стереотип тесно связан как с жизнью всего общества, так и с отдельными группами людей, манипулировать массовым сознанием легче. Таким образом, СМИ представляют собой инструмент манипулирования и навязывания определенного отношения к различным событиям и социальным реалиям, и часто это навязанное отношение является трансляцией стереотипов.

Ключевые слова: массовое сознание; средства массовой информации; стереотип, воздействие на массовое сознание.

ROLE OF MASS MEDIA IN FORMATION OF STEREOTYPES OF MASS CONSCIOUSNESS

Valeria O. Popova, Ekaterina A. Balezina

Perm State University

Mass media are one of the main mechanisms of influence on mass consciousness. At the same time mass media manipulate and operate mass consciousness by stereotypes. The process of formation of stereotypes in mass consciousness is considered in this article.

Stereotype system is not neutral, it is bad or good thing about something or somebody. Stereotype is not the same as individual life experience. Furthermore less educated and urban people are not critical persons. They are subject to manipulation in the media.

There are different types of stereotypes. Political stereotypes shape attitudes to the countries or to the leaders of the country. Ethnic stereotypes reflect both the emotional and evaluative attitude towards representatives of ethnic groups and the knowledge itself of this group. Gender stereotypes form notions of feminine and masculine social roles. Stereotypes contend the traditional family model with a patriarchal division of roles, where the husband - breadwinner and the wife — housewife. Nowadays gender stereotypes like this are thing of the past.

Stereotypes are an integral part of the mass consciousness. Due to the fact that the stereotype is closely connected with the life of society, and separately with different groups of people to manipulate the mass consciousness becomes easier. Therefore, the information broadcast media, has turned into a kind of instrument of manipulation and the imposition of a certain relationship to the different events and social activities, as well as broadcasting stereotypical attitudes.

Key words: mass consciousness; mass media; stereotype; influence on mass consciousness.

За последние десятилетия можно проследить значительное увеличение влияния средств массовой информации на массовое сознание. Рассматривая информационно-психологическое воздействие на массовое сознание, надо понимать, что подобного рода воздействия направлены прежде всего на психику индивидов и масс с целью некритического восприятия информации, которая поступает со стороны средств массовой коммуникации, информации и пропаганды информации, а также с целью навязывания определенных стереотипов в сознании. Средства массовой информации выступают здесь в качестве основных манипуляторов сознания, так как именно СМИ притупляют сознание масс через передачу стереотипной информации, подаваемую таким образом, чтобы сформировать в индивиде невозможность критического отношения к действительности [1].

Чтобы лучше понять природу стереотипов, следует определить, что же такое «массовое сознание». Словосочетание «массовое сознание» стали использовать в научной литературе начиная с середины XIX в., и оно считалось скорее описательным, носило образный характер. В качестве научного термина массовое сознание начали употреблять лишь в 20–30-е гг. XX в. [7]. Сейчас под массовым сознанием в широком смысле понимают сознание больших масс людей, а в более узком значении это особая форма обыденного сознания, которая появляется под влиянием определенных средств, прежде всего СМИ.

В научной литературе можно выделить несколько подходов в определении массового сознания. Г.Ю. Чернов предлагает особо различать как минимум пять подходов в изучении массового сознания и понятия «массы»: 1) социологический (выявляющий место социально-массовых явлений в структуре общества и системе социальных взаимодействий и анализирующий массу как социальную общность); 2) политологический (выявляющий роль массы и массового сознания как компонентов политической жизни общества, сопоставляющий массы с политической элитой и политическими институтами, а массовое сознание и его эволюцию с идеологиями и политической динамикой); 3) социально-психологический (концентрирующийся на исследовании общности массовых психических процессов и возникающего на этой основе специфического массового поведения); 4) культурологический (выявляющий место и роль социально-массовых явлений в процессах культурного воспроизводства и сосредотачивающий внимание на проблеме «массовой культуры»);

5) социально-философский (интегрирующий, синтетический, системно осмысливающий место и роль массовых реалий и встраивающий полученные выводы в философскую картину мира) [13].

Из-за разброса мнений среди ученых в ответе на вопрос, чем же является массовое сознание, сложно определить его точные границы. Выстраивается вертикальная ось: общественное сознание – массовое сознание – общественное мнение, где общественное сознание выступает широким явлением, включающим в себя все общество, не только какого-то отдельного государства, но и мирового глобального сообщества [10].

В формировании массового сознания участвует множество разных механизмов — от средств массовой коммуникации до религии [3, с. 52–71]. Основой массового сознания является экономическая, политическая, культурная деятельность людей [2, с. 25–36]. Формирование и функционирование массового сознания рассматривается с разных сторон: во-первых, как подчиняющийся собственным законам возникновения и развития феномен; во-вторых, как явление контролируемое и управляемое извне, прежде всего идеологическими средствами.

Говоря об информационно-психологическом воздействии на массы, мы должны понимать, что подобного рода воздействия направлены прежде всего на психику индивида и масс с целью некритического восприятия поступающей со стороны средств массовой коммуникации, информации и пропаганды информации, а также с целью навязывания определенных стереотипов в сознании.

СМИ выступают в роли основных манипуляторов сознания. Они притупляют сознание индивидов посредством информации с целью сформировать необходимое мнение или отношение к определенному явлению. Важно, что при наличии информации по какому-либо вопросу первая информация, которая освещает данный вопрос, будет весьма позитивно воспринята массами. Поэтому так важна роль соблюдения принципа первоочередности в подаче того или иного материала. Следует обратить внимание и на тот факт, что повторяемость одной и той же информации приводит к ее бессознательному запоминанию, что также становится весьма важным в вопросах информационно-психологического воздействия на психику масс с целью моделирования их последующего поведения. И не обязательно охватывать все массы в целом. Достаточно воздействия на какую-либо ее часть, чтобы другие, зараженные действиями этой части массы, подхватили позыв.

Следует помнить и о том, что информационно-психологическое воздействие на психику масс направлено на формирование в массах определенных идеологических установок.

Сегодня активно используются различные методы и механизмы манипулирования массовым сознанием. При использовании механизмов психологического воздействия на человека (или группу людей) следует учитывать различного рода ресурсы; наличие властных, финансовых и материальных возможностей, участие большого числа активистов и сторонников, известных личностей: ученых, деятелей культуры и искусства, уровень образования и воспитания, доступ к электронным и печатным СМИ и другие факторы.

К методам манипуляции относят следующие: 1. Метод сдвига от реалистического сознания к аутистическому. Целью реалистического мышления является создание правильных представлений о действительности, тогда как цель аутистического мышления — создание приятных представлений и вытеснение неприятных. 2. Метод переноса частного факта в сферу общего, в систему. Данный метод манипулирования массовым сознанием основан на использовании единичного эпизода в жизни общества в качестве целой сложившейся системы. 3. Метод привлечения внимания к определенным проблемам. Основными рычагами манипулирования массовым сознанием при реализации этого метода являются телевидение, Интернет и другие СМИ. 4. Метод «переключения» внимания — часто используется при необходимости отвлечения населения от острых социально-экономических проблем. 5. Метод «страшилок» — заключается в необходимости выбора меньшего из двух зол. 6. Метод внушения — предполагает введение массового сознания в так называемое «суггестивное состояние». В этом случае слушатель (читатель, зритель) принимает всё на веру, не требуя доказательств. Такое реактивное поведение публики в научной литературе иногда именуется «поведением озадаченного стада» [8].

Задача во всех этих случаях одна — формирование и постоянное поддержание в массовом сознании искаженной картины действительности. В этом напрямую заинтересованы и активно участвуют власть, все элитные группировки, все институты общества, причем вне зависимости от времени, политических и экономических изменений и множества иных факторов.

Кроме того, влияние СМИ на формирование стереотипов связано с понятием доверия к средствам массовой информации. По результатам исследования общественного мнения, в котором

приняли участие 1500 респондентов старше 18 лет из 43 субъектов РФ, 62 % участников больше доверяют государственным, 16 % — негосударственным СМИ. 54 % считают, что существуют проблемы и темы, информацию о которых допустимо искажать в государственных интересах, 72 % полагают, что есть проблемы, при освещении которых допустимо умалчивать информацию в интересах государства. Такие оценки и мнения во многом связаны с тем, что сегодняшняя информационная повестка попадает в резонанс с установками и ожиданиями большинства россиян [6].

Средства массовой информации активно внедряют в сознание людей стереотипы — стандарты поведения, социальные мифы, политические иллюзии. Впервые понятие «социальный стереотип» использовал У. Липпман в своей книге «Общественное мнение». Его концепция в дальнейшем была развита и доработана и стала теоретической основой пропагандистского метода стереотипизации массового сознания. У. Липпман проанализировал массовое сознание, а также роль прессы в формировании общественного мнения и массового сознания и пришел к выводу, что всем процессом восприятия управляют стереотипы — предвзятые мнения. Поэтому можно сделать предположение, что средства массовой информации активно влияют на формирование стереотипов. При этом наблюдается несоответствие между стереотипными образами и действительностью. Индивид уже не может объективно оценивать и анализировать ту или иную ситуацию. При помощи СМИ данные противоречия активно используются различными организациями или государствами при формировании определенного общественного настроения.

Стоит учесть то, что стереотип наряду с социальной установкой является основным способом манипулирования массовым сознанием. Сегодня в обществе прочное положение занимают гендерные, духовно-нравственные и этнические стереотипы. Будучи инструментом манипулирования массовым сознанием, стереотипы могут играть как позитивную, так и негативную роль в формировании жизненных ценностей современного человека.

Под влиянием информации о событиях в сознании человека складываются упрощенные образы, стандартизированные представления об окружающем мире — «картинки в наших головах», или стереотипы. Но поскольку стереотипы могут быть основаны на внешнем, поверхностном знании о явлениях или предметах, они могут быть ложными [4].

Стоит отметить, что объективно описать события не могут даже непосредственные свидетели.

Очевидцы неизбежно привносят в их описание что-то от себя. Поэтому то, что выдается за объяснение события, в действительности является его видоизменением. Лишь немногие факты целиком приходят в наше сознание извне, они зависят от того, где мы находимся и с чем мы привыкли сталкиваться.

Самые распространенные механизмы воздействия — те, что создают и поддерживают стереотипы. Познание этого мира начинается еще до того, как мы его видим. Представление о большинстве вещей складывается еще до столкновения с ними. И если полученное образование не помогает осознать существование этих предубеждений, то именно они управляют процессом восприятия. Они маркируют объекты либо как знакомые, либо как странные и необычные.

Одной из причин, почему люди доверяют стереотипам, в то время как могли бы придерживаться более объективных взглядов, является то, что стереотипы могут служить ядром наших традиций, способом защиты нашего положения в обществе. Они представляют собой упорядоченную, более или менее непротиворечивую картину мира. В ней удобно разместились наши привычки, вкусы, способности, удовольствия и надежды. Стереотипная картина мира может быть неполной, но это картина возможного мира, к которому мы приспособились. В этом мире люди и предметы занимают предназначенные им места и действуют ожидаемым образом.

Поэтому не удивительно, что любое изменение стереотипов воспринимается агрессивно — как атака на основу нашего мира. И когда речь идет о серьезных вещах, то нам на самом деле не так просто допустить, что существует какое-то несоответствие между нашим личным миром и миром вообще.

Система стереотипов не является нейтральной. Стереотипы служат гарантией нашего самоуважения; проецируют во внешний мир осознание нами собственной значимости; защищают наше положение в обществе и наши права. Следовательно, стереотипы наполнены чувствами, которые с ними ассоциируются [5].

Таким образом, стереотипы — это устойчивые, мало зависимые от эмпирического познания образы окружающих предметов или явлений. Строго говоря, формирование в нашем сознании образа предмета всегда включает элемент стереотипизации, т.е. определенную степень упрощения, выделения значимых и вытеснение не важных для субъекта сторон и характеристик предмета.

Устойчивость образам, определяемым как стереотипы, придают особенности их формирования.

Во-первых, стереотип всегда далек от собственного опыта человека. В современном обществе основным источником стереотипов чаще становятся соответствующим образом подобранные сообщения СМИ.

Во-вторых, устойчивость стереотипу придает его непосредственная связь с установкой, которая определенным образом защищает стереотип от возможной трансформации или разрушения. Наиболее удаленными от непосредственного эмпирического опыта человека и потому наиболее устойчивыми являются политические стереотипы. Обычный человек видит только внешнее проявление происходящих политических процессов. Так, Уинстон Черчилль называл российскую (советскую) политику «битвой бульдогов под ковром» (это определение можно отнести к политике любого другого государства). Обычный человек может видеть только шевеление «ковра». Наше понимание того, что происходит «под ковром», во многом зависит от людей, которые своей профессией сделали формирование политических стереотипов. То, что мы принимаем за знание политики, может оказаться всего лишь продуктом специфической деятельности политических технологов.

Результаты опросов, проведенных социологическими институтами России, показывают, что в массовом сознании преобладают сложившиеся ранее стереотипы на проблемы распределения, обеспечения, благосостояния. Новые стандарты в оценках и подходах складывающихся ситуаций, противоречий в различных слоях общества закрепляются по-разному. Менее образованные и урбанизированные слои населения проявляют меньшую критичность к новым событиям и информации. Напротив, наблюдаются признаки радикализации, политизации, активизации сознания более образованных людей. Старшее поколение является приверженцем «твердой руки», которая наведет порядок в стране. У него сохраняются стереотипы «оборонного сознания» — отказ от ориентации на чужой опыт.

Стереотип, несмотря на «живучесть», не вечен. Он формируется под воздействием двух факторов: во-первых, бессознательной коллективной переработки и индивидуально-социокультурной среды, во-вторых, при целенаправленном идеологическом воздействии с помощью СМИ. Среди условий первого порядка выделяют уровень образования, интеллект, личный опыт, а также нормы, привычки, социальные роли и среду обитания [6].

Результаты разных социологических исследований свидетельствуют, что под влиянием средств массовой информации происходят изменения разных ценностных ориентаций: культурных, политических, гендерных, социальных и др. Так, трансформация традиционных представлений о феминных и маскулинных социальных ролях состоялась в том числе под влиянием СМИ. Гендерный стереотип, утверждающий традиционную модель семьи с патриархальным распределением ролей, где муж кормилец, а жена домохозяйка, ушел в прошлое. В современных средствах массовой информации женщина предстает активной, современной и целеустремленной личностью, внимательной к своему внешнему облику [1]. В литературе принято различать две группы гендерных стереотипов, которые отражены в средствах массовой информации. Первая группа представляет реальное положение вещей (например, приниженное положение женщины в обществе или в семье, предписанные женщине обществом такие формы деятельности, как воспитание детей, ведение домашнего хозяйства и т.п.). Вторая группа гендерных стереотипов отражает не соответствующие действительности или устаревшие стереотипные представления, часто используемые как способ манипулирования (например, представление о том, что молодость и красота — залог успеха и богатства и т.п.) [11, с. 777]. Так, например, Е.А. Соколова предлагает три типа гендерных стереотипов в СМИ, связанных с деятельностью женщины [11]. Эти стереотипные представления связаны с тем, что должна и что не должна делать женщина, а также с неким идеальным образом многофункциональной роли, в которой увязаны успешные действия во всех сферах жизни женщины (семья, карьера, внешний вид и др.). Эти группы устойчивых упрощенных представлений порождают в средствах массовой информации такую систему женских образов, которые, с одной стороны, отражают имеющиеся в обществе стереотипные представления о женщине, а с другой — формируют эти самые стереотипы. Тем самым можно утверждать, что СМИ влияют на создание новых гендерных стереотипов и в то же время отражают существующие стереотипные установки общества.

Другой вариант стереотипов, связанный с политической сферой, также можно проследить в СМИ. Феномен политических стереотипов рассматривается с двух ракурсов, во-первых, по отношению к различным политическим деятелям, во-вторых, как сформировавшееся мнение о стране. Например, при упоминании о России, наиболее популярными стереотипами у ино-

странцев являются следующие: Россия всегда завалена снегом, здесь можно встретить медведей посреди улицы, а приоритетный головной убор русских — шапка-ушанка. Существование политических стереотипов образа страны естественным образом определяется не только особенностями человеческого мышления, но и, несомненно, ценностными различиями России и Запада, что является результатом естественного пути развития всех наций. Мы не можем знать, каким образом устроена жизнь в другой стране, и старательно пытаемся заполнить эти пробелы выдуманными вещами. Впоследствии это приживается и становится частью нашего мышления. Политический образ той или иной страны формируется как результат некоторых различий ее возникновения, эволюции и организации экономики, исторического развития, а также ценностных установок. Важную роль в формировании стереотипов политического образа страны, конечно, играют СМИ: именно через поток СМИ люди получают первоначальные представления о всех политических событиях, каждое из которых приобретает определенный окрас, который необязательно является правдивым. Именно через средства массовой информации мы получаем информацию и часто не задумываемся, насколько ей можно доверять. Говоря о политических стереотипах, стоит отметить, что в мирное время они в целом не меняются, но стоит произойти какому-либо конфликту, так отношение к стране меняется. То же происходит и с самими стереотипами. СМИ предпочитают изображать политическую ситуацию с той позиции, которая выгодна одной из сторон конфликта [9].

Что касается экономических стереотипов, то к ним, например, относят такие: «смена собственника — это положительные изменения», а «банкротство является стимулятором для экономических процессов». Внедряя стереотипы из области экономики, СМИ способствуют появлению чувства опасности и дискомфорта. Тем самым люди становятся заложниками политических и экономических решений, официальная пресса по-прежнему реализует функцию поддержания социальных структур с помощью стереотипов [5].

Этнические стереотипы отражают как эмоционально-оценочное отношение к представителям этнической группы, так и знания об этой группе. Одной из типичных форм трансляции негативных этнических стереотипов и предвзятых обыденных типизаций является публикация таких моментов, которые содержат обобщения о чертах национального характера, менталитета или о культурных особенностях образа жизни и поведения

представителей различных этнографических групп. Созданию негативных этнических образов (таких как образ чужого или образ врага) способствуют также утверждения журналистов о физической, интеллектуальной, духовной, моральной неполноценности той или иной этнической группы или ее отдельных представителей, а также упоминание о них в уничижительном или оскорбительном контексте (в том числе в «этнических» анекдотах) [12].

Как свидетельствует анализ публикаций, тиражирование установок ксенофобии часто является следствием не столько позиции редакции того или иного СМИ, сколько некомпетентности и профессиональной некорректности журналистов. Вследствие этого конфликтогенный эффект производят не только статьи, содержащие прямо изложенные интолерантные позиции и суждения (каковых зафиксировано не так много), но и вполне нейтральные по содержанию тексты, в которых определенный способ подачи материала или отдельные формулировки способствуют формированию негативных этнических стереотипов.

Анализ центральных и региональных российских газет свидетельствует о большом разнообразии этнических стереотипов, которые используют современные журналисты. В частности, это стереотипы, связанные с внешностью представителей разных этнических групп, их поведением, с психологическими характеристиками и другими особенностями их жизни, а также образы стран и регионов, где они живут, их историческое прошлое и многие другие этнонациональные ценности и символы, почитаемые в данной этнической общности.

Поэтому можно говорить о формировании совершенно разных стереотипов в средствах массовой информации, которые зачастую трудно разделить на какие-либо виды (экономические, политические, этнические, гендерные и т.д.), т.к. в действительности они смешаны и неотделимы друг от друга.

Таким образом, следует подчеркнуть, что стереотипы являются неотъемлемой частью массового сознания. Из-за того, что стереотипы тесно связаны с жизнедеятельностью общества в целом и в отдельности с различными группами людей, манипулировать массовым сознанием становится легче. Поэтому информация, которую транслируют СМИ, превратилась в своеобразный инструмент манипулирования и навязывания определенного отношения к тем или иным событиям и социальным действиям, а также транслирования стереотипного отношения к ним.

Список литературы

1. *Акопян Н.А.* СМИ как фактор формирования стереотипов в молодежной среде: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2010. 24 с.
2. *Васильев В.В.* Мифологизация массового сознания — к вопросу о философии и методологии исследования проблемы // Историческая социально-образовательная мысль. 2009. № 1. С. 25–36.
3. *Кузнецов Д.В.* Роль современных коммуникаций в формировании массового сознания // Философия и общество. 2004. № 3. С. 52–71.
4. *Липман У.* Общественное мнение. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
5. *Мельник Г.С.* Mass-Media: Психологические процессы и эффекты. СПб., 1996. 160 с.
6. *О средствах массовой информации.* URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11427> (дата обращения: 24.02.2015).
7. *Ольшанский Д.В.* Психология масс. СПб.: Питер, 2001. 368 с.
8. *Ореховская Н.А.* Эволюция массового сознания россиян: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д, 2011. 29 с.
9. *Русских Л.В., Фомина С.В.* Формирование политических стереотипов в СМИ // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15, № 1. С. 116–117.
10. *Современные социально-политические процессы и динамика массового сознания: учеб. пособие / под ред. М.А. Фроловой.* М.: МГТУ, 1992. 143 с.
11. *Соколова Е.А.* Комплекс гендерных стереотипов в медийном портрете женщины в местной прессе // Фундаментальные исследования. 2013. № 1, ч. 3. С. 775–779.
12. *Хабенская Е.О.* Этнические стереотипы и ксенофобия в СМИ (по материалам мониторинга прессы столичного региона) // Дневник АШПИ. 2005. № 1. С. 171–174.
13. *Чернов Г.Ю.* Социально-массовые явления: Исследовательские подходы. Дубна: Феникс+, 2005. 208 с.

Получено 01.05.2015

References

1. *Akopyan N.A.* *SMI kak faktor formirovaniya stereotipov v molodezhnoj srede: avtoref. dis... kand. sociol. nauk* [Mass media as a factor of formation of stereotypes in youth community: Author's abstract for procuring of degree of candidate of sociological sciences]. Maikop, 2010, 24 p. (In Russian).
2. *Vasil'ev V.V.* [Mythologization of mass consciousness — on philosophy and methodology of a problem research]. *Istoricheskaya sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical social and educational thought]. 2009, no 1, pp. 25–36. (In Russian).
3. *Kuznetsov D.V.* [Modern communications' role in

- mass consciousness formation]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society]. 2004, no 3, pp. 52–71. (In Russian).
4. Lippmann W. *Obschestvennoe mnenie* [Public opinion]. Moscow, Institute of Public Opinion Fund Publ., 2004, 384 p. (In Russian).
 5. Mel'nik G.S. *Mass-Media: psihologicheskie protsessy i efekty* [Mass media: psychological processes and effects]. Saint Petersburg, 1996, p. 20. (In Russian).
 6. *O sredstvakh massovoj informatsii* [Concerning mass media]. Available at: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11427> (Accessed 24.02.2015). (In Russian).
 7. Ol'shanskij D.V. *Psihologiya mass* [Psychology of the masses]. Saint Petersburg, Piter, 2001, 368 p. (In Russian).
 8. Orehovskaya N.A. *Evoljutsiya massovogo soznaniya rossijan: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk.* [Evolution of mass consciousness of the Russians: Author's abstract for procuring of degree of doctor of philosophical sciences]. Rostov-on-Don, 2011, 29 p. (In Russian).
 9. Russkih L.V., Fomina S.V. [Formation of political stereotypes in mass media]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [South Ural State University Herald. Series: Social and humane sciences]. 2015, vol. 15, no 1, pp. 116–117. (In Russian).
 10. *Sovremennye sotsial'no-politicheskie protsessy i dinamika massovogo soznaniya: Uchebnoe posobie* [Modern social and political processes and mass consciousness's dynamics: Study guide]. Moscow Moscow State Technical University Publ., 1992, 143 p. (In Russian).
 11. Sokolova E.A. [Gender stereotypes complex in a media portrait of a woman in local press]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research]. 2013, no 1, part 3, pp. 775–779. (In Russian).
 12. Habenskaya E.O. [Ethnic stereotypes and xenophobia in mass media (following monitoring of capital area press)]. *Dnevnik ASHPI* [Altai School of Political Studies Daybook]. 2005, no 1, pp. 171–174. (In Russian).
 13. Chernov G.Yu. *Sotsial'no-massovye yavleniya: Issledovatel'skie podhody* [Social and mass phenomena: research approaches]. Dubna, Feniks+ Publ., 2005, 208 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.05.2015

Об авторах

Попова Валерия Олеговна

студентка направления «Социология», кафедра социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15;
e-mail: relevany96@gmail.com

Балезина Екатерина Андреевна

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15;
e-mail: balezina-ekaterina@rambler.ru

About the authors

Popova Valeria Olegovna

Student of «Sociology» program, Sociology Department

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: relevany96@gmail.com

Balezina Ekaterina Andreevna

Senior Lecturer of Sociology Department

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: balezina-ekaterina@rambler.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Попова В.О., Балезина Е.А. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 88–94.

Please cite this article in English as:

Popova V.O., Balezina E.A. Role of mass media in formation of stereotypes of mass consciousness // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 88–94.

УДК 81'27

ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИСКУРСЕ ИННОВАЦИЙ

Шилина Марина Григорьевна

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Социально-экономический дискурс в XXI в. существенно трансформируется. Основным драйвером изменений в развитых странах являются глобальные экоэкономические, т.е. экологически, экономически, социально ответственные стратегии деятельности человек, которые основаны на современных концепциях интеллектуальной, инновационной экономики. Подобные реалии отражают глобальные тенденции развитых экономик, при этом национальные инновационные системы (НИС) различаются существенно. В России имеются предпосылки, в том числе декларации государства, для развития инноваций, однако комплексные теоретические исследования в данной сфере пока не предложены. Исследование актуальных особенностей дискурса инноваций в качестве объекта и характеристик социальной коммуникации, в первую очередь профессиональной коммуникации связей с общественностью, в качестве предмета актуально и представляет научную новизну.

В статье дан анализ базовых характеристик дискурса инноваций в XXI в. Автор выявляет системно-функциональные изменения дискурса вследствие трансформации классических моделей инновационной экономики и производства. Новыми интегрирующими элементами современной неклассической модели становятся активная аудитория и профессиональные коммуниканты; интегрирующие функции обретает Интернет. Типологическая линейка профессиональной социальной коммуникации в дискурсе инноваций демонстрирует появление широкого спектра новых направлений, что подтверждает необходимость данного интегрирующего элемента в модели инноваций как обязательного. Представленные в статье положения позволяют формировать теоретические и практические концепции и стратегии в сфере инноваций, что особенно значимо для российской национальной инновационной системы, которая находится на стадии становления.

Ключевые слова: инновация; коммуникация; экоэкономический дискурс; интеграция; связи с общественностью; коллаборация; Интернет; онтологический статус.

INTEGRATION OF A SOCIAL COMMUNICATION IN INNOVATIVE DISCOURSE

Marina G. Shilina

National Research University — Higher School of Economics

Social-economic discourse in the XXI century is essentially transformed. The main driver of change in the developed world are global eco-economic that is environmentally, economically, socially responsible business strategies, which are based on modern concepts of intellectual, innovative economy. These realities reflect global economic trends, and the national innovation system (NIS) differ considerably.

In Russia, there are preconditions, including the declaration of state for innovation, but complex theoretical research in this field has not yet offered. A study of actual features of the discourse of innovation as the object, and the characteristics of social communication, especially professional communication of public relations, as the subject has relevance and scientific novelty.

The paper analyzes the basic characteristics of the discourse of innovation in the 21st century. The author reveals the systemic and functional changes due to the transformation of the discourse of classical models of the innovation economy and production. New integrating elements of nonclassical models become active audience and professional communicants, and the Internet. Typological range of professional social communication in the discourse of innovation demonstrates the emergence of a wide range of new directions, confirming the need of the integrating element in the model innovation as mandatory.

Theoretical positions, presented in the article, allow to form the theoretical and practical concepts and strategies in the field of innovation, which are particularly important for the Russian national innovation system.

Key words: innovation; communication; eco-economic discourse; PR; media; collaboration; the Internet; ontological status.

1. Введение

Социоэкономический дискурс в XXI в. находится в переходной стадии [2] и существенно трансформируется. Основным драйвером изменений в развитых странах являются глобальные экоэкономические, т.е. экологически, экономически, социально ответственные стратегии деятельности человека.

Экоэкономические стратегии основаны на современных концепциях интеллектуальной, инновационной экономики. Понятия не являются полными синонимами, однако онтологические основания их во многом совпадают, в данной статье используем их в одном синонимическом ряду. «Общим знаменателем» можно считать концепцию общества, основанного на знаниях, производстве знаниеемкого /наукоемкого / инновационного продукта (англ. knowledge-intensive). Отметим, что понятия «интеллектуальная экономика», «общество знаний», «инновации» до сего дня не имеют общепринятых дефиниций из-за отсутствия четких характеристик данных виртуальных объектов и их перманентных изменений; также отсутствует общая теория интеллектуальной / инновационной экономики. Тем не менее, в рамках неклассической научной парадигмы существенным является понимание инноваций как результата и как процесса деятельности. В частности, возможны трактовки инновации как внедренного эффективного новшества, творческого процесса и как результата инвестирования в разработку получения нового знания, идеи и последующий процесс внедрения (производства), с получением дополнительной ценности (прибыль, коренное улучшение и т.д.). В типологической линейке инноваций выделим инновации в экономике, технологиях, социальной сфере (по предмету); глобальные, национальные, отраслевые, корпоративные (по масштабу).

Исследования инноваций, начатые Йозефом Алоизом Шумпетером (Joseph Alois Schumpeter) еще в начале прошлого века [9, 11], демонстрируют сегодня изменение их вектора: от экономического к социологическому [14]. Онтологией экономики в XXI в. является качество человеческого капитала и креативного труда как фактора производства. Антропоцентризм дискурса изме-

няет и классическую модель инноваций (так называемый «треугольник знаний»: государство – бизнес – наука), интегрирующим фактором которой ранее являлось государство или бизнес, в актуальном дискурсе — индивид, активная аудитория, общественность.

Инновация создает «новые ценности и существенные социальные изменения путем ведения новых концептов и систем, которые полностью отличаются от имеющихся. По этой причине простое расширение обычных идей или систем является недостаточным, наиболее важным является создание общества, где возможности людей, а они лежат в основе всего, могут быть использованы по максимуму» [10]. Формируется новое понятие «инновация в инновации», суть которого состоит в реструктуризации и оптимизации инновационного процесса и создании среды, стимулирующей его продвижение [3, 5], что также определяет значимость социальной коммуникации в формировании коммуникативного пространства, дискурса инноваций.

Существенным инструментом реализации инновационных моделей является Интернет, особенно в условиях викиномики [12, 13]. Новейшие реалии развития технико-технологической и антропоцентрической ипостасей Всемирной паутины, например, расширение сети акторов в формате Интернета вещей, формирование «всеобъемлющего Интернета» определяют дальнейшие интеграционные процессы в дискурсе инноваций, опосредованные технологиями.

Многоуровневое усложнение и антропоцентризм дискурса обуславливают необходимость обеспечения интеграции всех процессов, т.е. стратегического коммуникационного сопровождения инноваций профессионалами.

Подобные реалии отражают глобальные тенденции развитых экономик, при этом национальные инновационные системы (НИС) различаются существенно. В России имеются предпосылки, в том числе декларации государства, для развития инноваций, однако комплексные теоретические исследования в данной сфере пока не предложены.

Таким образом, исследование актуальных особенностей дискурса инноваций в качестве объекта и характеристик социальной коммуникации, в первую очередь профессиональной коммуникации

связей с общественностью, в качестве предмета актуально и представляет научную новизну.

2. Инновационный дискурс: сущность, характеристики, модели

Исследование процесса производства инновационных продуктов / услуг демонстрирует появление особого вида и новой модели коммуникации (англ. innovative model, I-model) [7, 8]. Производитель в данной модели оказывается в принципиально новых для себя условиях не монопольного, а равноправного с потребителем инноваций субъекта, причем именно успешная коллаборация с другими акторами на всех этапах (выработки идеи продукта, его создания, продвижения, потребления) является ключевым условием эффективности. Для реализации инновационной модели производства необходимы высокая лояльность и активность всех участников процесса, в первую очередь потребителей. Достижение лояльности, как и описанное выше партнерство субъекта и объекта коммуникации при сопроизводстве услуги или продукта, возможно исключительно благодаря стратегическому институциональному формированию информационно-коммуникационных потоков, т.е. за счет включения в процесс специалистов по коммуникации, гуманитарных технологов, специалистов по связям с общественностью, медиа. То есть экономическую эффективность инноваций определяет профессионально выстроенная стратегия производственного взаимодействия на всех ее этапах; интеграцию процесса обеспечивает социальная профессиональная коммуникация, которая становится обязательным элементом модели.

С коммуникационной точки зрения возникает комплекс проблем, обусловленных особенностями индивида (субъекта и объекта), вступающего в экономическую коммуникацию нового типа: ментальными, психологическими и т.д. Так, априори будут превалировать не формально-логическое, а ассоциативное мышление, спонтанность, непредсказуемость, что усложнит процессы коммуникации и также потребует профессиональной коммуникативной поддержки.

Ключевым в модели инновационного производства является индивид, который становится целью, средством и условием экономики новейшего периода. Индивид оказывается в центре разнообразных форматов интеракций, включается в новые для себя матрицы внешних отношений и при этом должен все больше внимания уделять собственному развитию как главному условию

обеспечения жизнедеятельности. Представляя необходимость стратегического экоэкономического подхода ко всем процессам в глобальном масштабе, он должен быть все более социально ответственным и активно проявлять свои убеждения. Таким образом, формируются предпосылки и условия многократного увеличения количественных и принципиального изменения качественных показателей социальной коммуникации.

На основе приведенных выше характеристик базовых элементов модели инновационного производства определим понятие «инновационная экономика» в рамках статьи: способ общественного воспроизводства человека как креативной личности, производства товаров, работ, услуг на основе совершенствования системы инновационных производственных отношений и производительных сил в глобальном экоэкономическом пространстве.

Выявленные реалии дают основания употребить для характеристики актуальных экономических отношений, которые все более социализируются, термин «дискурс», как наиболее адекватный, характеризующий современные многосторонние диалоговые открытые коммуникации. Под термином «дискурс» (фр. discours, англ. discourse) в данной работе имеем в виду специфический способ или специфические правила организации коммуникации определенного вида (синоним — дискурсивные практики). Термин «экономический дискурс» используется достаточно широко в научных и публицистических работах для обозначения современных экономических отношений, однако пока не имеет четкой дефиниции. Определим его в рамках данной работы: экономический дискурс в инновационном обществе есть специфический способ организации социально ответственной антропоцентрической коммуникации в сфере производства товаров и услуг, условием эффективной реализации которого является повышение качества человеческого капитала и труда за счет развития креативной составляющей.

Итак, модель инновационного производства является антропоцентрической горизонтальной гетерархической; экономика и общество инноваций становятся дискурсивными; необходимым условием производственного процесса и интегрирующим элементом модели инновационного производства является профессиональная социальная коммуникация.

3. Профессиональная социальная коммуникация в обществе инноваций: к вопросу классификации

Реалии дискурса инноваций диктуют новое содержательное наполнение классической социальной профессиональной коммуникации, в частности связей с общественностью как управленческой деятельности, которая реализуется по вертикальной иерархической модели. В инновационном дискурсе целью профессионалов становится управление как стратегическая функция гармонизации, поощрения и повышения креативности индивида как производителя и потребителя коммуникации, при этом задействованы не столько вертикальная иерархическая субъект-объектная коммуникация, сколько горизонтальная субъект-субъектная гетерархическая, определяющим условием эффективности становится коллаборация.

В системе связей с общественностью изменяется содержание всех понятий. Так, трансформируется базовое понятие «целевая общественность / целевая аудитория» (в условиях реализации инновационных стратегий — «население»), которое традиционно трактуется как элемент широкой общественности, интересы и ценности которой связаны с рыночной, социально-политической или иной имеющей публичный статус деятельностью субъектов. В инновационном дискурсе производство и потребление являются совместной деятельностью, следовательно, каждый индивид потенциально является частью целевой аудитории и активным ее элементом, т.е. целевой аудиторией априори становится вся общественность, что происходит впервые. Активная аудитория просьюмеров (Э. Тоффлер) оказывается уже не объектом, но равноправным субъектом коммуникации. Формируется и становится приоритетной коллаборативная модель коммуникации.

Таким образом, социальная коммуникация в сфере инноваций — это специфическая форма открытого экоэкономического гетерархического взаимодействия социальных акторов (индивидов и организаций, представляющих государственные, научные, бизнес-структуры, а также обществности), которая поддерживается профессиональными коммуникантами (связи с общественностью) с целью создания и реализации инновационного продукта / услуги.

Коммуникация в сфере инноваций (англ. Innovation Communication, «инновационная коммуникация, коммуникация в сфере инноваций»; сокращенно InCo) как направление профессиональной социальной коммуникативной деятельности жур-

налистов описана Д. Норфордсом (Центр инноваций и коммуникаций Стэнфордского университета. URL: <http://www.injo.stanford.edu/>) в конце первого десятилетия XXI в.

Отечественные специалисты по связям с общественностью Е.Б. Кузнецов и А.Б. Лапшов одними из первых определили коммуникацию в сфере инноваций как направление комплексной коммуникационной деятельности, специализированный подход и инструментарий, реализуемый с целью объединения участников инновационной деятельности, стимулирования их открытого диалога и сотрудничества для совместного производства инноваций [4]. Эксперты выделили три направления развития коммуникации в сфере инноваций, включающие четырнадцать основных практик:

– коммуникации между наукой, бизнесом и образованием, объединенными в «треугольнике знаний»: InCoUniv (англ. Innovation Communication for Universities — «коммуникации в сфере инноваций для университетов») — практика, нацеленная на то, чтобы вузы стали центрами инновационных коммуникаций, и чтобы возросло понимание важности инноваций и коммуникаций на университетском уровне; InCoSci (англ. Innovation Communication for the Scientific Society — «коммуникации в сфере инноваций для научного сообщества») — практика, нацеленная на содействие коммуникациям в сфере инноваций в научно-исследовательских учреждениях;

– InCoCorp (англ. Corporate Innovation Communication — «корпоративные коммуникации в сфере инноваций») — поощрение и реализация стратегии коммуникаций в сфере инноваций в частных компаниях, в том числе через институты развития; InCoEd (англ. Innovation Communication in Education — «инновационные коммуникации в сфере образования») — практика, нацеленная на рост понимания важности творческого потенциала и инноваций в системе просвещения и общего и профессионального образования;

– коммуникации в сфере инноваций в обществе и государстве: InCoGov (англ. Innovation Communication in Governmental Structures — «коммуникации в сфере инноваций в государственных структурах») — поощрение инноваций и коммуникаций в сфере инноваций во взаимоотношениях с государственными учреждениями всех уровней власти; InCoNGO (Innovation Communication for Nongovernmental Organizations — «коммуникации в сфере инноваций в неправительственных организациях») — практика, нацеленная на поощрение инноваций и коммуникаций в сфере инноваций

через неправительственные организации для формирования общественного мнения, развития творческого потенциала людей и их интеграции; InLoCom (англ. Innovation Communication for the Local Community — «коммуникации в сфере инноваций для местного сообщества») — развитие инновационного местного сообщества, создание открытых, прогрессивных регионов, основанных на инновациях и устойчивом развитии; InGloCom (англ. Innovation Communication for the Global Community — «коммуникации в сфере инноваций для глобального сообщества») — практика, нацеленная на интеграцию в глобальное InCo сообщество.

Инструментами коммуникаций названы: InJo (англ. Innovation Journalism — «инновационная журналистика») — поощрение инновационной журналистики и рост понимания инноваций среди журналистов, редакторов и специалистов СМИ; InCoArt (англ. Innovation Communication through Art — «коммуникации в сфере инноваций посредством искусства») — практика, нацеленная на поощрение коммуникаций в сфере инноваций среди и через представителей творческого мира; InCoWeb (англ. Innovation Communication on the Web — «коммуникации в сфере инноваций в Интернете») — использование Интернета, ресурсов веб 2.0 для стимулирования инноваций; InCoVisual (англ. Visual Innovation Communication — «визуальные коммуникации в сфере инноваций») — развитие комплексной визуальной коммуникации в сфере инноваций.

Е.Б. Кузнецов и А.Б. Лапшов относят к практикам и так называемые «актуальные темы повестки дня: HumInCo (англ. Human Innovation Communication — «психологический аспект коммуникаций в сфере инноваций») — практика, нацеленная на отражение инновационной деятельности в психологии человека, на развитие творческого потенциала; InCoEco (англ. Innovation Communication for Ecological Issues — «коммуникации в сфере инноваций в вопросах экологии») — развитие инноваций в сфере экологии».

Поскольку методологические основания предложенной выше классификации не вполне четки, предложим типологию коммуникации в сфере инноваций по объекту / предмету и аудитории: на коммуникации непосредственно экономические и их сопровождение средствами связей с общественностью, СМИ внешние и внутренние. В прогностической модели инновационного дискурса в качестве новых объектов коммуникации определим развивающие инновации учреждения науки, образования, корпорации, госучреждения всех уровней, негосударственные учреждения.

Итак, типологическая линейка профессиональной социальной коммуникации в дискурсе инноваций демонстрирует появление широкого спектра новых направлений, что подтверждает необходимость данного интегрирующего элемента в модели инноваций как обязательного.

4. Инновационные системы: русская модель

Исторически модель взаимодействия акторов в сфере инноваций описывалась линейно: «государство – бизнес – наука» (так называемый «треугольник знаний», «спираль инноваций»); интегрирующая роль отводилась либо государству (административно-командная модель), либо бизнесу (рыночная модель).

По мере развития многомерности модели инновационной коммуникации (увеличения количества источников зарождения инициативы, включения субъектов различных уровней в процесс генерирования инициативы) формируются новые характеристики общества инноваций наиболее эффективной модели, интегрирующими элементами которой становятся аудитория и профессиональные коммуниканты. Данную модель определим как гражданскую.

Гражданская модель инновационного дискурса, в отличие от административно-командной и рыночной, включает множество различных источников инициативы создания инновационных компаний в разных формах — как устойчивых компаний, так и временных коллективов: вертикальных, горизонтальных, диагональных, сущность деятельности которых заключается в коллаборации, т.е. появляются новые форматы гетерархической модели. Развитие происходит благодаря возможности коммуникационного взаимодействия, которое обеспечивают во многом профессиональные коммуниканты, оптимальными для их реализации становятся интернет-каналы.

В конце 1980-х гг. получает развитие концепция национальных инновационных систем (НИС). Ученые разрабатывали идеи Й. Шумпетера с позиций главенства конкуренции на основе инноваций и научных исследований в корпорациях как главных факторов экономической динамики; анализировали институциональный контекст инновационной деятельности; доказывали особую роль знания в экономическом развитии. К их числу могут быть отнесены: А.Б. Лундвалл, профессор университета г. Упсала, Швеция; К. Фримен, Центр изучения научной политики при Сассекском университете, Великобритания; Р. Нельсон, профессор Колумбийского университета, США. Первое систематическое изложение

этой концепции обычно относят к 1988 г., времени публикации коллективной монографии «Технический прогресс и экономическая теория».

Понятие «национальная инновационная система» впервые определено Кристофером Фримэном (Christopher Freeman) в 1987 г. как «сеть частных и государственных институтов и организаций, деятельность и взаимодействие которых приводят к возникновению, импорту, модификации и распространению новых технологий» [15, с. 155].

Национальная специфика отражает различия в распределении функций в модели инновационного производства, в «треугольнике инноваций». Например, в США функционирует так называемая калифорнийская модель, в которой ключевая роль отводится бизнесу.

Современные НИС включают в модель активную аудиторию, гражданское общество, как, например, в Финляндии, других странах Европейского союза. Так, в одном из базовых документов ЕС — «Стратегия “Европа 2020”» — выделены три приоритета: развитие экономики, основанной на знаниях и инновациях (англ. smart — «умная»); продвижение более ресурсоэффективной, более экологичной и более конкурентной экономики (англ. sustainable — «устойчивая»); создание экономики высокой занятости, обеспечивающей социальное и территориальное единство (англ. inclusive — «интегрирующая»). Сформированы многочисленные институты инновационного развития, такие как Организация экономической кооперации и развития (англ. Organization for Economic Cooperation and Development, OECD), Европейский институт инноваций и технологий (англ. European Institute of Innovation & Technology, EIT) и другие. Отметим рамочную программу исследований и инноваций «Горизонт – 2020», фиксирующую параметры взаимодействия всех участников инновационного процесса, начиная с Европарламента и заканчивая региональными властями. В 2005 г. принята так называемая «Дорожная карта ЕС — Россия» по созданию общего пространства в области исследований и образования, включая аспекты культуры.

Российская Федерация на государственном уровне заявила о создании независимой самовоспроизводящейся системы, основанной на новых технологиях, национальной инновационной экосистеме. Приняты «Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года» (2005 г.); «Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года» (2006 г.), где впервые была сформулирована стратегиче-

ская цель «конвейера инноваций», в частности, создание системы коммерциализации научных разработок, т.е. системы эффективного коммуницирования между всеми участниками процесса. Инновационные идеи нашли отражение в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» (2008 г.); Федеральный закон от 21 июля 2011 г. N 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”» (ст. 2 ч. 8–12 вводит определение «инновации» и др.; глава IV.1. Государственная поддержка инновационной деятельности); Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 N 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». Для нашей страны это первый опыт перехода к инновационной модели (однако у страны есть исторический опыт многочисленных модернизаций, которые заканчивались неудачно, поскольку население не было включено в процессы модернизации). Зафиксируем ряд уже существующих элементов формирующейся национальной экономической системы в России. По мнению экспертов Нью-Йоркского института экономики (2010 г.), это, во-первых, кадровый потенциал: Российская академия наук, вузы, отраслевые и ведомственные научно-исследовательские институты (НИИ), научно-исследовательские институты и опытно-конструкторские бюро предприятий; во-вторых, государственные органы, направляющие инновационную политику: комиссия при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России, Правительственная комиссия по высоким технологиям и инновациям, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию информационного общества, Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство экономического развития, в том числе Департамент особых экономических зон и проектного финансирования, Министерство связи и массовых коммуникаций (однако, подчеркнем, ответственность за инновационную экосистему никто персонально не несет); в-третьих, формирующаяся инфраструктура поддержки инноваций: инкубаторы, особые экономические зоны (ОЭЗ), технопарки; аналог ведущих мировых инновационных центров — технополис Сколково (учебные заведения, исследовательские учреждения, инкубаторы малого бизнеса и центры НИОКР международных и российских компаний). В ходе реализации программ было начато формирование в рамках национальной инновационной системы институтов разви-

тия. В настоящее время к их числу можно отнести: фонды предпосевного (Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере — Фонд Бортника, 1994 г.) и посевного финансирования, венчурные фонды с государственным участием (Российская венчурная компания, 2006 г.; госкорпорация, теперь ОАО, «Роснано», 2007 г.), Фонд «Сколково» (2010 г.).

Государственная политика в области инноваций во многом оставалась на уровне деклараций на начальном этапе. К такому заключению пришли аналитики РА «Эксперт» в исследовании «Государственные инициативы в области инноваций» в 2011 г.

На этом же этапе развитие отечественного инновационного бизнеса также оценивалось невысоко: Россия согласно интегральному рейтингу Doing Business была в 2010 г. на 130-м месте из 183, в Индексе глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума в том же году на 63-м месте из 133. Невысокие показатели поддержки бизнесом сферы инноваций показало второе исследование инновационной активности крупного российского бизнеса «Инновационное развитие России», проведенного «Экспертом РА» (2011): почти 90 % крупнейших российских компаний оказались не готовы детально представить результаты своей инновационной деятельности. Активность госкорпораций по итогам рейтинга признана достаточно высокой. Состояние инновационного бизнеса и инновационного сообщества, по мнению экспертов, дает реальные основания для оптимизма. Позиции страны в сфере инноваций укрепляются: так, по итогам 2014 г. в рейтинге The Global Innovation Index (ГИИ) Россия заняла 49-е место и поднялась на 13 строчек по сравнению с предыдущим годом. По версии журнала Bloomberg в 2015 г. Россия заняла 14-е место (по результатам 2014 г. была на 18-м).

Аналитики «Эксперта» отмечают, что современному российскому бизнесу изначально было свойственно краткосрочное мышление, так что хотя в России появился класс предпринимателей, такое предпринимательство практически не имело отношения к долгосрочному ведению инновационного процесса, свойственному другим странам. В результате количество успешных предпринимателей и практик невелико. Выход России на мировые высокотехнологические рынки из-за неотработанных механизмов коммерциализации изобретений также проблематичен. В России достаточное количество талантливых и предприимчивых людей, однако не хватает развитой культуры предпринимательства, структур, способных оказать

поддержку и придать предпринимательству статус важной общественной функции. Одну из причин отсутствия предпринимательской культуры исследователи в итоге изучения исторических особенностей экономических институтов в России находят в том, что из-за иерархической структуры общества в экономической деятельности преобладали неэкономические мотивы, а традиции экономической свободы отсутствовали.

В прогностической матрице коммуникации в обществе инноваций ключевым элементом является активная аудитория, формирующая спрос на инновации и их потребляющая. Уровень включенности аудитории в инновационные процессы, зрелость гражданского общества позволяют говорить о формировании предпосылок для реализации стратегий инновационного развития. Эффективность модернизационных процессов, независимо от времени, когда они проходили, была обусловлена именно тем, «в какой степени в модернизационный проект были добровольно и сознательно привлечены основные социально активные группы граждан: предприниматели, научная или технократическая элита, средний класс» [1, с. 18], что выявлено в итоге исследования основных принципов модернизации в разных странах в рамках проекта «Всемирная история модернизации» журнала «Эксперт».

В настоящее время в России население как основа модернизации не задействовано, апелляция элит к широким слоям населения не реализуется. «В России пока граждане рассматриваются как потребители модернизации, а не ее участники (Такой подход плох тем, что не хватает энергии для ведения проектов, существенно то, что он не заставляет поддерживать естественно складывающиеся в стране экономические и технологические силы и тренды.) То есть план модернизации, спущенный “сверху”, означает и поддержку западных, а не отечественных моделей российского бизнеса и даже российской технократической элиты» [1, с. 27]. Еще один существенный момент для национальной модели коммуникации в инновационной сфере: активное участие индивида, личности в инновационных процессах проблематично в силу ряда национальных исторических реалий, например, в России этап модерны, где в центре общества находится человек, не был реализован, т.е. человекоориентированные концепции не были апробированы.

Специалисты Российской венчурной компании выявили ряд аспектов, значимых для быстрого развития НИС в России [4]. Основным условием развития инновационных инфраструктур является переход от использования уже имеющихся технологий и знаний к созданию системы их вос-

производства. Именно информационные инфраструктуры могут и должны создавать основу для интенсификации непосредственно процесса производства адекватных инноваций, которые могут быть воплощены в жизнь институтами развития в рамках инновационных систем.

Итак, российская инновационная система находится на стадии становления: государственная политика в области инноваций во многом остается на уровне деклараций, отечественный инновационный бизнес формируется, население как основа модернизации пока не задействовано. Условием дальнейшего развития российской НИС является стратегическое коммуникационное сопровождение процессов. Таким образом, интегрирующая функция профессионалов оказывается определяющей.

Каковы инструменты реализации инновационных коммуникативных стратегий? Наиболее адекватным может стать Интернет, продуцирующий открытые неиерархические модели коммуникации при условии его широкой доступности [8]. Базовым форматом реализации подобных стратегий может стать нетворкинг — создание и постоянная оптимизация сетевой структуры взаимодействия, например идеатора как площадка коммуникаций викиномики [12].

Европейская инновационная стратегия предполагает следующую эволюцию уровней развития интернет-коммуникации в дискурсе инноваций: по версии 1.0 это продолжение политики общего рынка, сосредоточение на образовании и развитии навыков, импульсные (англ. jump starting) возникающие отрасли промышленности, финансирование R&D (англ. research and development — букв. «исследование и разработка»), снижение нагрузки на бизнес без снижения стандартов; по версии 2.0 это поддержка открытых стандартов для развития инноваций, создание новых цифровых общественных благ для экономики знания, ревизия устаревших параметров высшего образования, поощрение социальных инноваций в общественном секторе.

Насколько реально использование Интернета на данном этапе в России? Аудитория национального сегмента Рунета растет достаточно интенсивно (70 млн пользователей, 2014 г.). Однако, по мнению иностранных экспертов, воздействие Интернета на гражданское общество в России пока нельзя назвать существенным.

Применение Интернета означает дальнейшее усиление интеграции онлайн- и офлайн-коммуникации индивидов и в целом интегративной роли Сети в дискурсе инноваций. В частности, одной из тенденций технического развития

Всемирной паутины, который, несомненно, оказывает влияние на социальную коммуникацию, становится глобальная оцифровка неодушевленных предметов, что переводит на новый уровень возможности сбора, анализа и распределения данных, которые человек может превратить в информацию и знания, и делает включение всех акторов в информационное интернет-пространство необратимым процессом (так называемый Интернет вещей, англ. The Internet of Things, IoT). Следующий этап — так называемый всеобъемлющий Интернет (англ. Internet of Everything) — означает интеллектуальное подключение в мировом масштабе людей, процессов, данных и вещей к единой сети, т.е. формирование единого интегрированного информационного пространства, что фактически является базовым условием реализации модели дискурса инноваций. (Отметим, что по расчетам консалтингового подразделения Cisco в 2015 г. количество подключенных в Сети устройств достигнет 15 млрд., к 2020 г. — 40 млрд.)

Таким образом, российская инновационная система находится на стадии становления: государственная политика в области инноваций во многом остается на уровне деклараций, отечественный инновационный бизнес формируется, население как основа модернизации не задействовано. Условием дальнейшего развития российской НИС является стратегическое коммуникационное сопровождение процессов, т.е. интегрирующая функция профессиональной социальной коммуникации оказывается определяющей. Базовой технологией реализации коммуникационных стратегий в дискурсе инноваций является Интернет, новейшие параметры его развития обеспечивают интеграцию мировых НИС, однако в Рунете пока качественный уровень взаимодействия невысок.

5. Заключение

Социоэкономический дискурс инновационной модели определяет необходимость интегрированного взаимодействия всех акторов, которые априори становятся равноправными субъектами коммуникации. Новые функции индивида, активной аудитории обуславливают системно-функциональные изменения классической матрицы взаимодействия (государство — бизнес — наука), которая становится эффективной только при условии участия населения в инновационных процессах. Для функционирования модели необходимо формирование общедоступного коммуникационного пространства, экоэкономического дискурса инноваций.

Модель коммуникации инновационного дискурса является открытой коллаборативной гетерархической. Подобную коммуникацию обеспечивает Интернет. Расширение использования интернет-коммуникации является условием реализации матриц социоэкономической коммуникации в сфере инноваций. Новейшие тенденции интегрированного использования интернет-технологий позволяют зафиксировать необратимость процессов интеграции онлайн и офлайн коммуникации.

Уровни и форматы интеграции социальной коммуникации как необходимого элемента новейшей модели дискурса инноваций, выявленные в работе, могут быть реализованы только благодаря профессиональному коммуникационному сопровождению, в первую очередь специалистами по связям с общественностью. Поскольку профессиональная социальная коммуникация в модели дискурса инноваций становится обязательным элементом во всех сферах, следовательно, связи с общественностью обретают потенциал трансформации онтологического статуса, из вида деятельности в сферу деятельности, равнозначную экономике, политике, культуре.

Российская НИС находится на стадии становления, однако имеются практические предпосылки ее развития. Расширение ареала интегрированного использования социальной коммуникации ведет к формированию инновационных практик, суть которых на данном этапе заключается в общественной коллаборации в открытом коммуникативном пространстве.

Таким образом, развитие дискурса инноваций в России имеет технические, социальные, а теперь и некоторые методологические предпосылки.

Список литературы

1. Гурова Т. Нация-предприниматель // Эксперт. 2010. № 36 (720). URL: http://expert.ru/expert/2010/36/naciya_predprimate/ (дата обращения: 18.03.2015).
2. Зубкевич Л.А. Глобализация как способ перехода к новому качеству в общественном развитии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 1(21). 2015. С. 5–15.
3. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновация в действии // пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем управл. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
4. Кузнецов Е., Лапшов А. Коммуникация в сфере инноваций // Медиаскоп. 2011. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения:

- 18.03.2015).
5. Россия XXI века: образ желаемого завтра: доклад ИНСОР. М., 2010. 66 с.
6. Федеральный закон от 21 июля 2011 г. N 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”» (ст. 2 ч. 8–12; гл. IV.1. Государственная поддержка инновационной деятельности).
7. Шилина М.Г. Интеллектуальная экономика и формирование новой предметной сферы в теории и практике общественных связей: Academic Public Relations и Scientific Public Relations // Медиаскоп. 2010. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения: 18.03.2015).
8. Шилина М.Г. Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета: монография. М.: РИЦ «Северо-Восток»: НИУ ВШЭ, 2012. 748 с.
9. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В.С. Автономова. М.: ЭКСМО, 2007. 864 с. (Антология экономической мысли).
10. Long-term strategic guidelines “Innovation 25” (unofficial translation) // Government of Japan. 2007. June 1. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/innovation/innovation_final.pdf (дата обращения: 18.03.2015).
11. Schumpeter J.A. The Analysis of Economic Change. 1935; REStat.; Introduction to Economics with Emphasis on Innovation. Carroll, 2006.
12. Tapscott D., Williams A.D. Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything. Portfolio Trade, 2006.
13. Tapscott D., Williams A.D. Macrowikinomics: Rebooting Business and the World. 2010.
14. The OECD Oslo Manual. OECD, 1995.
15. Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan. L.: Pinter Pub Ltd, 1987.

Получено 22.04.2015

References

1. Gurova T. [Nation-entrepreneur] *Expert* [Expert]. 2010, no 36(720). Available at: http://expert.ru/expert/2010/36/naciya_predprimate/ (Accessed 18.03.2015). (In Russian).
2. Zubkevich L.A. [Globalization as a way of transition to a new quality of social development]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”]. 2015, iss. 1(21), pp. 5–15. (In Russian).
3. Etkowitz H. *Trojnaya spiral’*. *Universitety-predpriyatiya-gosudarstvo. Innovatsiya v dejstvii*

- [The triple helix: university-industry-government. Innovation in action]. Tomsk, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics Publ., 2010, 238 p. (In Russian).
4. Kuznetsov E., Lapshov A. [Communication in the field of innovations]. *Mediascope* [Mediascope]. Moscow, Moscow State University Faculty of Journalism Publ., 2011, no 1. Available at: <http://www.mediascope.ru> (Accessed 18.03.2015). (In Russian).
 5. *Rossiya XXI veka: obraz zhelaemogo zavtra: doklad INSOR* [The XXIst century Russia: image of a desired tomorrow: report of Institute of Contemporary development]. Moscow, 2010, 66 p. (In Russian).
 6. Federal'nyj zakon ot 21 iyulya 2011 goda № 254-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politike"» (stat'ya 2, chasti 8-12, glava IV.1. Gosudarstvennaya podderzhka innovatsionnoj deyatel'nosti [Federal law of July 21, 2011, No 254-FZ «On amending the Federal law "On science and state policy in science and technics"»]. Article 2, parts 8-12, chapter IV.1 State support of innovative activity]. (In Russian).
 7. Shilina M.G. [Intellectual economics and formation of a new subject sphere in theory and praxis of social ties: Academic Public Relations and Scientific Public Relations]. *Mediascope* [Mediascope]. Moscow, Moscow State University Faculty of Journalism Publ., 2010, no 3. Available at: <http://www.mediascope.ru> (Accessed 18.03.2015). (In Russian).
 8. Shilina M.G. *Tekstogennye transformatsii infosfery. Metodologicheskij eskiz stanovleniya Interneta: Monografiya* [Textogeneous transformations of infosphere. Methodological sketch of the Internet foration: Monograph]. Moscow, Severo-Vostok Publ, National Research University Higher School of Economics Publ., 2012, 748 p. (In Russian).
 9. Schumpeter J. [The theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy]. *Antologiya ekonomicheskoy mysli* [Anthology of economic thoughts]. Moscow, EKSMO Publ., 2007, 864 p. (In Russian).
 10. Long-term strategic guidelines "Innovation 25" (unofficial translation) // Government of Japan. 2007. June 1. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/innovation/innovation_final.pdf (Accessed 18.03.2015).
 11. Schumpeter J.A. *The Analysis of Economic Change. 1935; REStat.; Introduction to Economics with Emphasis on Innovation.* Carroll, 2006.
 12. Tapscott D., Williams A.D. *Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything.* Portfolio Trade, 2006.
 13. Tapscott D., Williams A.D. *Macrowikinomics: Rebooting Business and the World.* 2010.
 14. *The OECD Oslo Manual.* OECD, 1995.
 15. *Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan.* L.: Pinter Pub Ltd, 1987.

The date of the manuscript receipt 22.04.2015

Об авторе

Шилина Марина Григорьевна

доктор филологических наук, доцент департамента интегрированных коммуникаций

Национальный исследовательский университет
Высшая Школа Экономики,
109028, Москва, Малый Трехсвятительский пер.,
8/2;
e-mail: marina.shilina@gmail.com

About the author

Shilina Marina Grigorievna

D.Sc. (Habilitation), Associate Professor of Integrated Communication Department

National Research University — Higher School of Economics,
8/2, Maliy Trehsvyatitelsk al., Moscow, 109028,
Russia;
e-mail: marina.shilina@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шилина М.Г. Интеграция социальной коммуникации в дискурсе инноваций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 95–104.

Please cite this article in English as:

Shilina M.G. Integration of a social communication in innovative discourse // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 95–104.

УДК 316.334.2(470.12)

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Дементьева Ирина Николаевна

*Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук*

В современной рыночной экономике потребители играют чрезвычайно важную роль, поскольку осуществляемые ими расходы составляют свыше половины валового внутреннего продукта страны. Важным инструментом измерения настроений потребителей является Индекс потребительских настроений — уникальный макроэкономический индикатор, который рассчитывается на основе социологической информации (опросных данных).

Цель настоящей статьи заключается в изучении особенностей потребительских настроений жителей Вологодской области в условиях кризисных процессов в экономике. Исследование основывается на данных мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, который проводится ИСЭРТ РАН на территории региона с 1995 г.

Результаты социологических опросов показали, что за последний год в условиях кризисных явлений в экономике отмечалось негативное изменение потребительских настроений жителей Вологодской области. Это затронуло все основные социально-демографические группы населения. Такие изменения отмечены и в динамике частных индексов, входящих в структуру ИПН и формирующих потребительское поведение населения. Динамика потребительских настроений обусловлена действием совокупности факторов: уменьшение доходов населения, сокращение покупательной способности, ухудшение инфляционных ожиданий. Изменение потребительских настроений в условиях кризисных процессов в экономике сказалось и на социальном самочувствии населения в целом, на оценке деятельности федеральных и региональных структур исполнительной власти.

Исследования показали, что ИПН как комплексный индикатор социально-экономических перемен чутко зафиксировал экономическую ситуацию в регионе, отреагировал на её возможные изменения, что важно для прогнозирования дальнейшего развития.

Ключевые слова: индекс потребительских настроений; индекс текущего состояния; индекс перспективных ожиданий; реальные располагаемые денежные доходы; доходные группы; общественное мнение.

CONSUMER SENTIMENT IN VOLOGDA REGION IN TERMS OF SOCIO-ECONOMIC CHANGES

Irina N. Dementieva

Institute socio-economic development territories of Russian Academy of Sciences

In the modern market economy, consumers play a crucial role, as they carried costs account for over half of gross domestic product.

An important tool for measuring consumer sentiment is the index of consumer sentiment - a unique macroeconomic indicator, which is calculated on the basis of sociological data.

The purpose of this article is to examine the characteristics of consumer sentiment inhabitants of Vologda region in the conditions of crisis processes in the economy. The study is based on data from monitoring of public opinion in the Vologda region, which ISEDT RAS carries out in the region since 1995.

As the results of opinion polls during the last year in terms of economic crisis marked deterioration in consumer sentiment inhabitants of Vologda region. The deterioration of consumer sentiment affected all the main so-

cio-demographic groups. The negative changes occurred in the dynamics of the partial indices, forming consumer behavior of the population.

Consumer sentiment is due to the influence of a combination of factors: reduction of incomes of the population, reducing the purchasing power, worsening inflation expectations.

The deterioration of consumer sentiment in the conditions of crisis processes in the economy negatively affected the social well-being of the population as a whole. Consumer sentiment is reflected in the assessment of the activities of federal and regional bodies of executive power.

Studies have shown that the index of consumer sentiment as a comprehensive indicator of social and economic change sensitively recorded the economic situation in the region, as well as respond to its possible changes, that is certain ability to forecast future development.

Key words: consumer sentiment index; the index of the current state; future expectations index; real disposable income; income groups; public opinion.

В современной рыночной экономике потребители играют чрезвычайно важную роль, поскольку их расходы составляют свыше половины валового внутреннего продукта страны. По данным статистики в 2014 г. расходы домашних хозяйств на конечное потребление составляли 54 % ВВП [4]. Расходы потребителей играют определяющую роль в динамике внутреннего спроса и, соответственно, в ускорении или замедлении темпов экономического роста.

Принятие потребителями решений о покупках (особенно крупных) или сбережениях зависит не только от объективных причин, каковыми являются уровень личных доходов и цен на потребительском рынке. Поведение людей в современной экономике неизбежно опосредуется их субъективными воззрениями, т.е. представлениями, оценками и ожиданиями относительно своего материального положения, занятости, динамики цен, общеэкономических перспектив развития страны в целом [1].

Учитывать эти психологические факторы позволяет **Индекс потребительских настроений (ИПН)**, который является уникальным макроэкономическим индикатором, рассчитанным на основе социологической информации (опросных данных).

Основное предназначение ИПН — исследование социально-экономической ситуации и её возможных перспектив. Оно проводится в рамках теоретической концепции, обозначаемой как психологическая экономика. Это означает, что главным с точки зрения прогнозирования и выработки решений, разработки перспективных программ социально-экономического развития является анализ влияния населения на развитие экономики [2, 3].

В статье рассматриваются особенности индекса потребительских настроений жителей Вологодской области как индикатора социально-

экономических изменений в условиях кризисных процессов в экономике.

Индекс потребительских настроений (Index of Consumer Sentiment, ICS или The consumer sentiment index, MCSI) был разработан в 1950-е гг. группой исследователей Мичиганского университета США. Этот индекс с определёнными изменениями рассчитывается во многих странах [16].

В России первые измерения ИПН были проведены в 1993 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения [9]. В настоящее время в Левада-центре проводятся расчёты ИПН по методике Мичиганского университета США [10].

С конца 1990-х гг. Институт социально-экономического развития территорий РАН проводит исследование динамики ИПН в рамках регулярного мониторинга общественного мнения на территории Вологодской области. Методика мониторинга такова. Раз в два месяца опрашивается 1500 человек в возрасте 18 лет и старше в г. Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекнинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорции между городским и сельским населением; пропорции между жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); половозрастная структура взрослого населения области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3 %. ИПН рассчитывается на основе методики, разработанной в Мичиганском университете (США), которая применяется в России Левада-центром [6].

Как показали результаты наших социологических опросов, за последний год (с февраля

2014 по февраль 2015 г.) в экономике отмечалось дальнейшее ухудшение потребительских настроений (рис. 1). Наиболее существенный спад отмечен с июня 2014 г., темпы этой тенденции растут. В декабре 2014 — феврале 2015 г. ИПН снизился на 6 пунктов (с 82 до 76 п.). Для сравнения: в течение последних 6 опросов он не снижался более чем на 4 пункта (это произошло в июне–августе 2014 г., с 91 до 87 п.).

Аналогичная динамика ИПН наблюдалась и в России в целом. При этом за представленный

период потребительские настроения жителей Вологодской области были более благоприятны, чем в среднем по стране [8].

(Для справки: индекс потребительских настроений Мичиганского университета (Michigan Consumer Sentiment Index — MCSI), отражающий степень доверия домохозяйств к экономике США, в феврале 2015 г. составлял 95,4 пункта (в феврале 2014 г. — 81,6 п.; в декабре 2014 г. — 93,6 п. [11]).

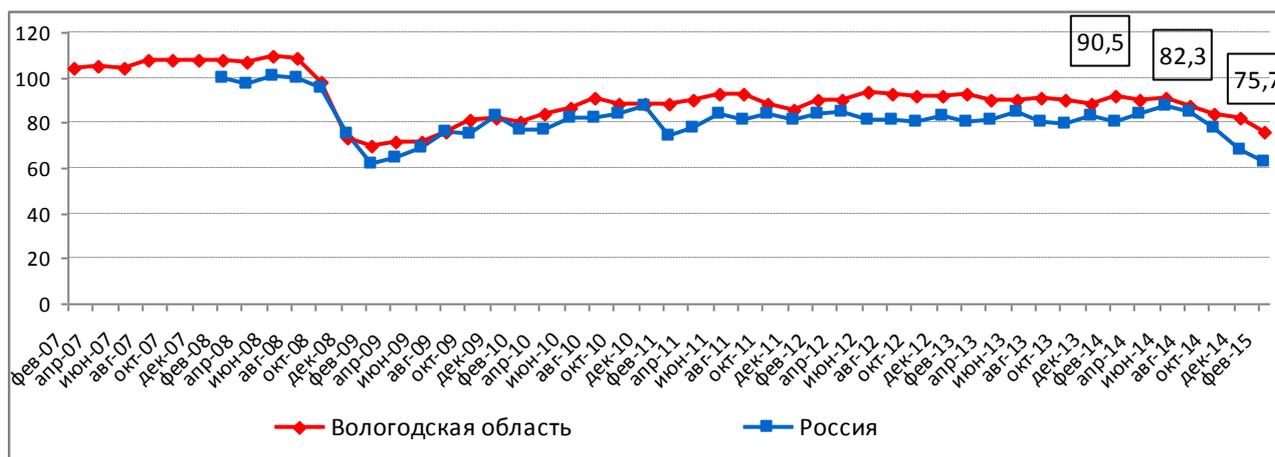

Рис. 1. Динамика индекса потребительских настроений в Вологодской области и России

Большую значимость имеет динамика индекса потребительских настроений по различным территориальным образованиям, социально-демографическим и экономическим группам населения. Расчёт ИПН в разрезе различных социально-демографических категорий может углубить анализ социальной ситуации в регионе, так как позволяет выявить уровень социального неблагополучия, напряжённости, а следовательно, степень социального благоприятствования (потенциала) экономических изменений. Это важно в контексте планирования и оценки вариантов экономической политики для различных социальных групп [13].

Ухудшение потребительских настроений затронуло все основные социально-демографические группы (таблица). Наиболее значительное снижение показателя в феврале 2015 г. было отмечено среди лиц, имеющих незаконченное высшее и высшее образование (на 10 п.), в 20 %-ной категории наиболее обеспеченных (на 9 п.), в Вологде (на 10 п.), Череповце (на 7 п.). Аналогичные изменения произошли и по сравнению с соответствующим периодом 2014 г. То есть в наибольшей степени кризисные

процессы отразились на тех категориях, которые традиционно отличаются высоким экономическим и социальным статусом.

Негативные изменения произошли и в динамике частных индексов, входящих в структуру ИПН и формирующих потребительское поведение населения.

1. **Индекс текущего личного материально-го положения населения** в течение года (с февраля 2014 г. по февраль 2015 г.) снизился на 15 пунктов (с 90,5 до 75,8 п.; рис. 2). Наиболее существенный спад наблюдался в феврале-апреле 2014 г. (на 6 п.). Снижение индекса объясняется прежде всего увеличением доли жителей области, полагающих, что их материальное положение за последний год ухудшилось (с 22 % в феврале 2014 г. до 34 % в феврале 2015 г.; рис. 3).

Динамика индекса потребительских настроений
в различных социальных группах населения (в пункты)

Категория населения	2014 г.						2015 г.	Изменение (+/-)	
	Фев.	Апр.	Июнь	Авг.	Окт.	Дек.	Февр.	февраль 2015 г. к	
								Дек. 2014 г.	Февр. 2014 г.
Возраст									
До 30 лет	94,6	97,4	93,4	94,7	89,3	87,8	82,7	-5	-12
30-55 лет	93,1	90,1	92,2	86,3	83,1	80,1	73,0	-7	-20
Старше 55 лет	87,0	85,5	86,1	82,9	81,8	81,6	74,9	-7	-12
Образование									
Н/среднее и среднее	83,5	84,4	82,5	79,0	78,8	75,0	69,6	-5	-14
Среднее специальное	92,4	89,5	89,5	86,5	82,2	82,0	76,9	-5	-16
Н/высшее и высшее	98,9	98,4	100,2	96,9	92,1	91,0	80,7	-10	-18
Доходные группы									
20% наименее обеспеченных	74,7	72,3	73,2	66,5	67,8	64,2	58,6	-6	-16
60% средне-обеспеченных	92,1	88,9	88,5	87,0	83,6	81,9	76,5	-5	-16
20% наиболее обеспеченных	110,9	112,4	111,3	105,7	103,7	101,2	92,5	-9	-18
Территории									
Вологда	93,7	93,6	94,9	90,8	87,8	84,3	74,7	-10	-19
Череповец	102,6	99,0	96,8	93,6	90,1	90,0	82,7	-7	-20
Районы	84,2	83,8	84,6	81,5	78,7	76,9	72,4	-5	-12

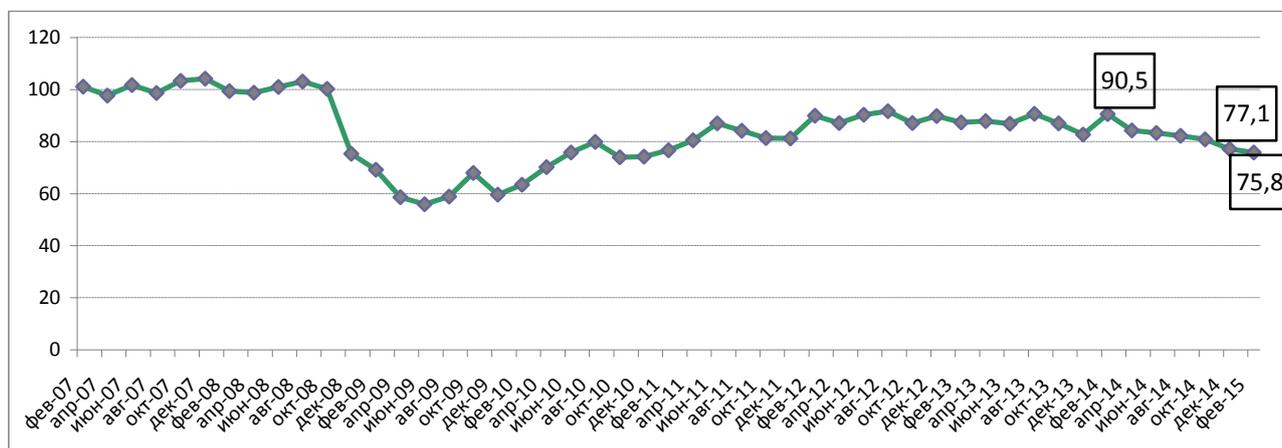

Рис. 2. Индекс текущего личного материального положения (оценка изменений за последний год; пункты)

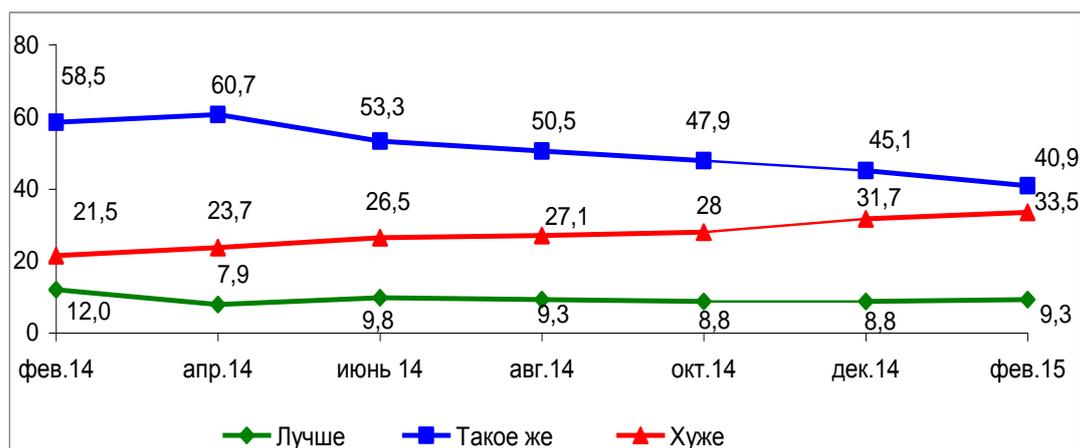

Рис. 3. Как Вы оцениваете своё материальное положение: оно лучше или хуже, чем было год назад? (% от числа опрошенных)

2. Индекс целесообразности приобретения товаров длительного пользования в феврале 2015 г. по сравнению с февралём 2014 г. снизился на 18 пунктов (с 96,6 до 78,7 п.; рис. 4). Наиболее существенные темпы снижения отмечены с августа 2014 г. (август–октябрь: снижение на 5 п.; октябрь–декабрь: на 9 п.; декабрь 2014 г. — февраль 2015 г.: на 4 п.).

Уменьшение индекса целесообразности крупных покупок было обусловлено увеличением доли населения, считающего, что текущий период является «плохим временем для совершения крупных покупок» (с 20 % в феврале 2014 до 28 % в феврале 2015 г.). Сократился удельный вес

жителей области, высказавших положительные мнения (с 16 до 7 % соответственно; рис. 5).

Снижение индекса целесообразности приобретения товаров длительного пользования подтверждают и **данные статистики**. С августа 2014 г. отмечается резкое снижение оборота розничной торговли непродовольственными товарами: если в июле по отношению к предыдущему месяцу данный показатель составлял 107,3%, то в августе — уже 101,3 %, в сентябре — 97,2 %. (в 2014 г. по отношению к 2013 г. — 99,6 %; в 4-м квартале 2014 г. по отношению к 4-му кварталу 2013 г. — 95,2 %) [19, с. 47].

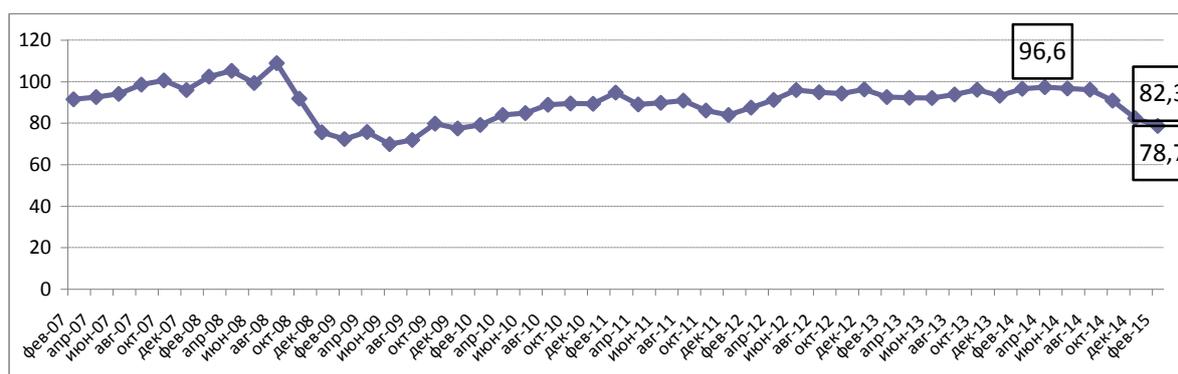

Рис. 4. Индекс целесообразности совершения крупных покупок (пункты)

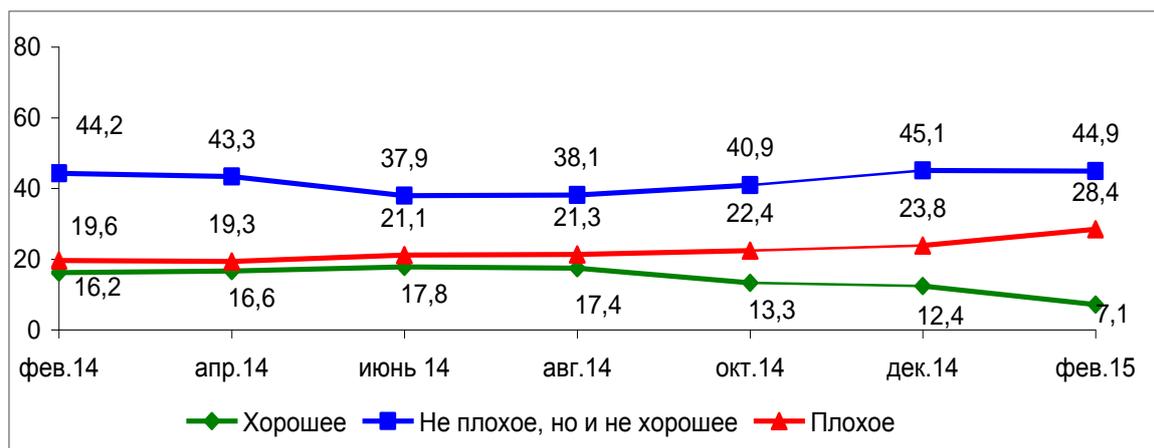

Рис. 5. Как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для крупных покупок для дома? (% от числа опрошенных)

Население региона предполагает, что в ближайшее время материальное благополучие семей ухудшится (рис. 6).

3. В течение года (с февраля 2014 г. по февраль 2015 г.) индекс ожиданий изменения личного материального положения уменьшился на 18 пунктов (с 90,1 до 72,4 п.). Спад начался с июня 2014 г., наиболее существенное снижение характерно для периода декабрь 2014 г. — февраль 2015 г. (на 7 п.).

Снижение индекса перспектив личного материального положения явилось следствием увели-

чения удельного веса тех, кто опасается возможного ухудшения своего благосостояния через год (с 19 % в феврале 2014 г. до 33 % в феврале 2015 г.; рис. 7).

Важным показателем потребительского самочувствия жителей региона является отношение населения к перспективам развития социально-экономической ситуации в стране, по динамике которого можно судить об общей уверенности людей в сохранении стабильных условий жизни [17].

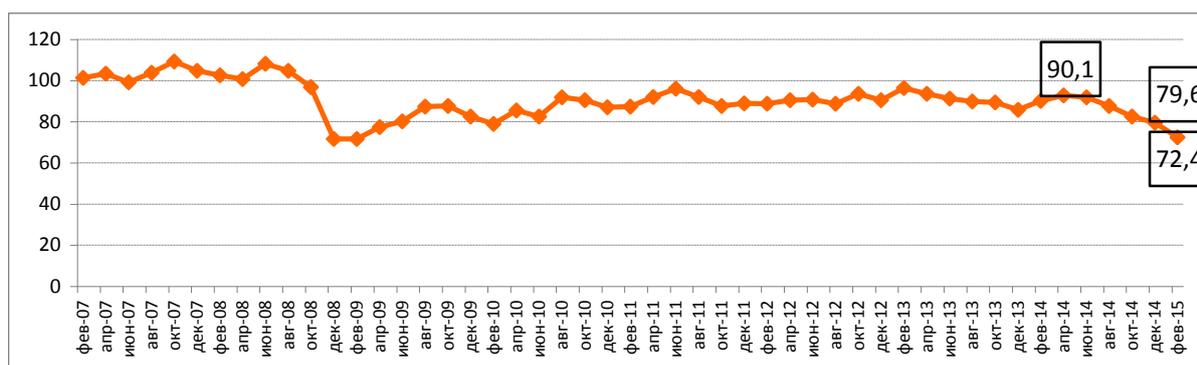

Рис. 6. Индекс перспектив личного материального положения (1 год; пункты)

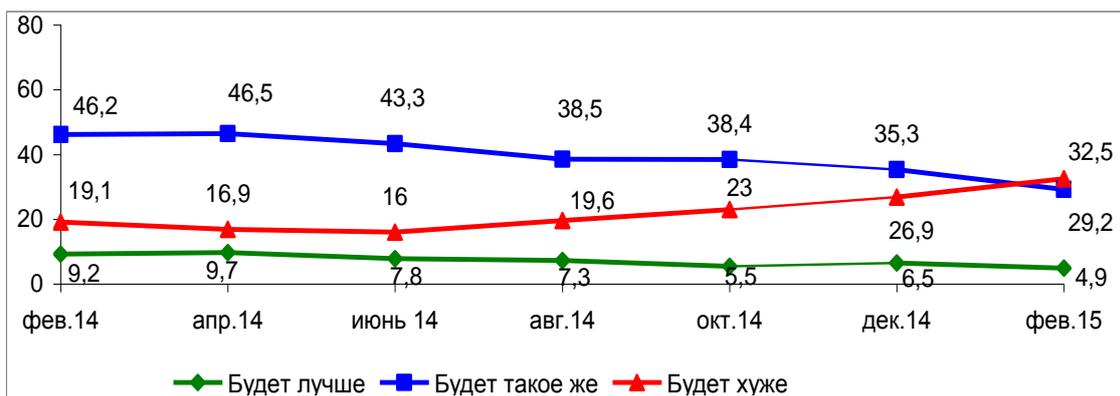

Рис. 7. Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше, или хуже, или примерно останется таким же, как сейчас? (% от числа опрошенных)

4. По результатам социологических измерений **индекс краткосрочных перспектив развития экономики страны (на 1 год)** в период с февраля 2014 г. по февраль 2015 г. уменьшился на 18 пунктов (с 91,1 до 72,7 п.; рис. 8). Наиболее заметное падение наблюдалось в период с декабря 2014 г. по февраль 2015 г. (на 10 п.).

Ухудшение оценки населением ближайших перспектив развития экономики страны было обусловлено увеличением доли тех, кто полагает, что следующие 12 месяцев будут для экономики «плохим» временем: 37 % в феврале 2015 г. против 26 % в феврале 2014 г. (рис. 9).

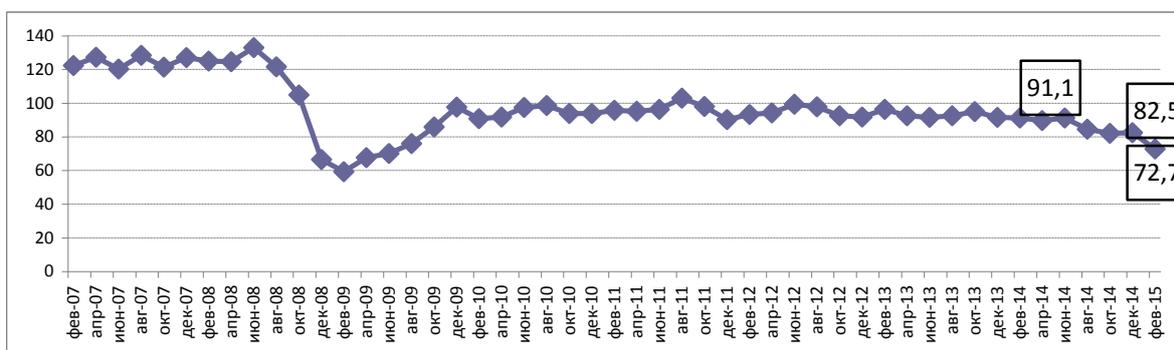

Рис. 8. Индекс краткосрочных перспектив развития экономики страны (1 год)

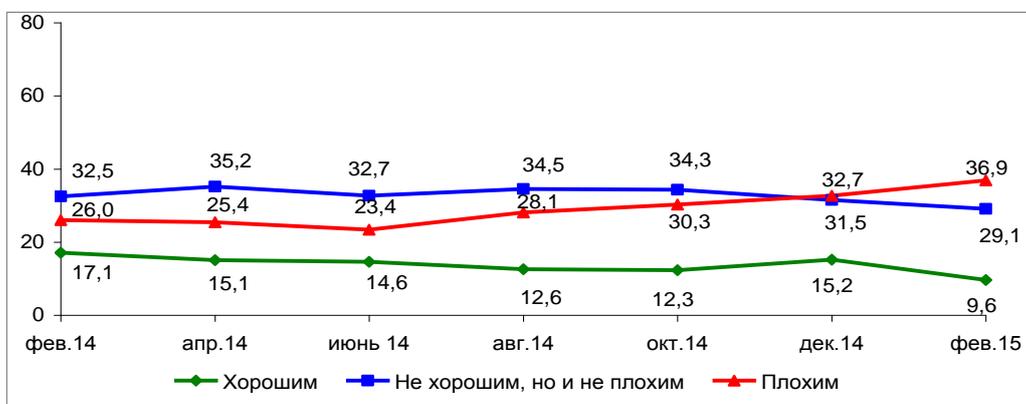

Рис. 9. Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут временем, хорошим или плохим, или каким-либо ещё для экономики России? (% от числа опрошенных)

5. Индекс долгосрочных перспектив развития экономики России в период с февраля 2014 г. по февраль 2015 г. уменьшился на 11 пунктов (с 89,2 до 78,7 п.). Наиболее существенное снижение произошло в декабре 2014 г. — феврале 2015 г. (на 5 п.; рис. 10).

Оценки долгосрочных перспектив социально-экономического развития страны ухудшились из-за увеличения доли жителей области, прогнозирующих, что предстоящие 5 лет будут плохим временем для экономики страны (с 16 % в феврале 2014 г. до 24 % в феврале 2015 г.; рис. 11).

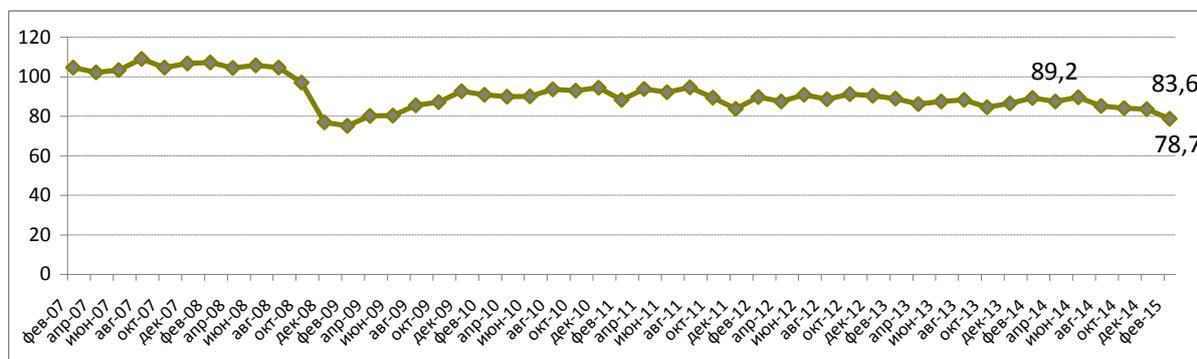

Рис. 10. Индекс долгосрочных перспектив развития экономики страны (5 лет; пункты)

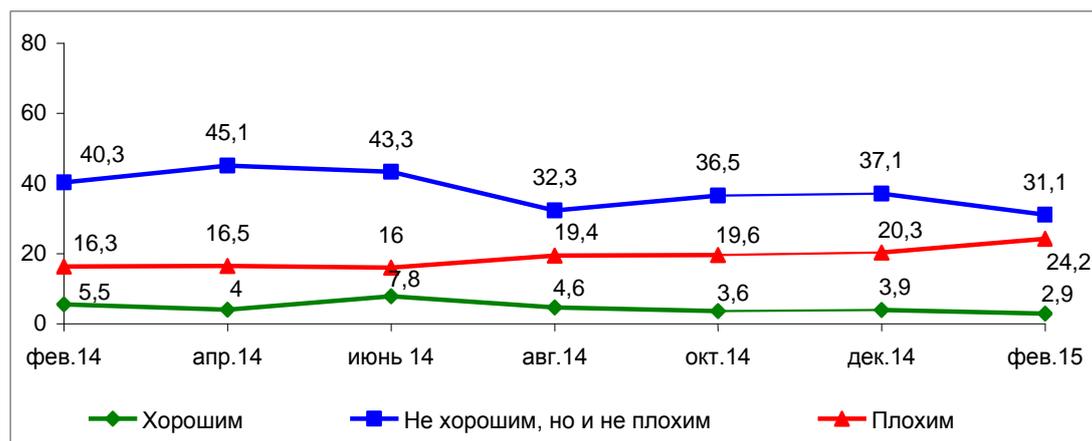

Рис. 11. Если говорить о следующих пяти годах, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем? (% от числа опрошенных)

Таким образом, основные тенденции динамики индекса потребительских настроений и составляющих его частных индексов в регионе в условиях кризисных процессов в экономике в 2014 – начале 2015 г. свидетельствуют о сходной динамике представленных показателей и позволяют говорить о взаимосвязи восприятия текущего состояния и перспективных ожиданий.

Интересно выявить, какие факторы оказывают определяющее влияние на изменение потребительских настроений.

Очевидно, что настроение человека как потребителя формируется прежде всего под влиянием

экономических индикаторов, точнее, тех, которые прямо или косвенно сказываются на его бюджете, покупательной способности, материальном потреблении.

Можно отметить, что в целом ИПН отражает общую направленность динамики денежных доходов населения (рис. 12). Среднемесячный фактический доход, по самооценкам населения, имеет нисходящую динамику. Наиболее заметное снижение наблюдалось в период с апреля по июнь 2014 г., после чего, как было отмечено выше (с июня 2014 г.), отмечался наиболее существенный спад ИПН.

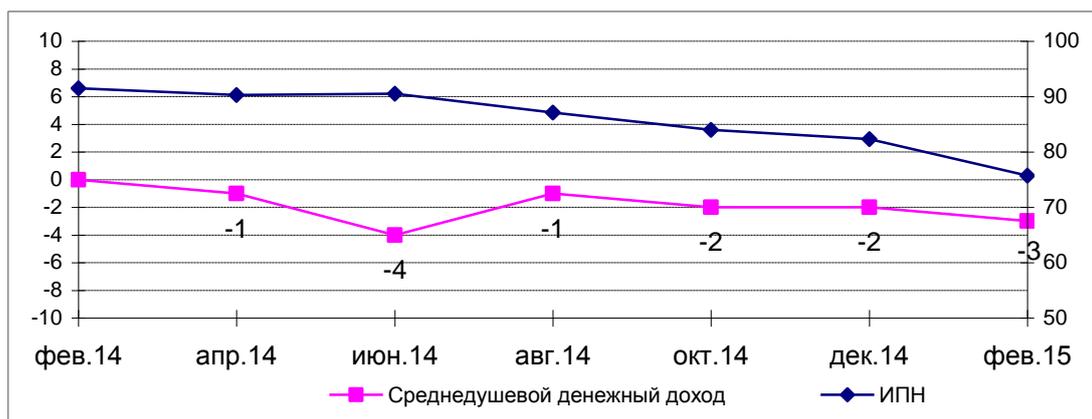

Рис. 12. Динамика ИПН и среднедушевого денежного дохода (согласно ответам респондентов на вопрос: «Каков был среднемесячный доход на одного члена Вашей семьи в прошедшем месяце?»), % прироста (снижения) с февраля 2014 г.

Тесная взаимосвязь обнаруживается при сравнении динамики ИПН с динамикой покупательной способности доходов населения, которая отражает реальный вес денежных доходов (рис. 13). Индекс покупательной способности строится на основе ответов респондентов на вопрос: «Какая из оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?». Ответу «денег не хватает даже на приобретение продуктов питания» присвоено значение 0; «денег хватает только на приобретение продуктов питания» — значение 50; «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды» — значение 100; «покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей» — 150; «денег вполне достаточно, чтобы ни в чём себе не отказывать» — 200. Полученная сумма значений делится на количество респондентов, ответивших на вопрос. Индекс покупательной способности доходов населения зафиксировал снижение в период с февраля 2014 г. по февраль 2015 г. (с 91 до 84 п.). Причём сокращение покупательной способности доходов началось с февраля 2014 г., т.е. на несколько месяцев раньше, чем снижение ИПН, и, соответственно, оказало непосредственное влияние на ухудшение потребительских настроений жителей региона.

Негативное влияние на возможности потребительского спроса оказывали и инфляционные ожидания населения. Индекс инфляционных ожиданий рассчитывается как разность между долей ответивших «доходы будут расти быстрее, чем цены» и долей ответивших «цены будут расти быстрее, чем доходы» на вопрос: «Как Вы

предполагаете, в течение ближайшего года Ваши доходы (доходы Вашей семьи) будут расти быстрее, чем цены, примерно теми же темпами, что и цены, или медленнее, чем цены?». К полученному результату прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Индекс инфляционных ожиданий в феврале 2015 г. снизился до отметки 26 пунктов против 34 двумя месяцами ранее и 44 в феврале 2014 г. (рис. 14). Это обусловлено тем, что доля жителей области, которые считали, что в перспективе цены будут расти быстрее, чем их доходы, увеличилась до 75 % против 67 % в декабре 2014 г. и 60 % в феврале 2014 г.

Основу для пессимистичных прогнозов жителей области составлял и рост потребительских цен. По данным статистики индекс потребительских цен в январе 2015 г. по отношению к предыдущему месяцу составил 104,2 %, в том числе на продовольственные товары — 106,1 %, непродовольственные товары — 104,3 %, услуги — 101 %. В период с января по декабрь 2014 г. по сравнению с соответствующим периодом 2013 г. потребительские цены выросли на 6,5 %, в том числе на продовольственные товары — на 6,2%, на промышленные товары — на 4,54 %, на платные услуги — на 10,1 % [19, с. 38].

Таким образом, динамика потребительских настроений обусловлена действием совокупности факторов:

- уменьшение доходов населения,
- сокращение покупательной способности,
- ухудшение инфляционных ожиданий способствовали негативации потребительских настроений в условиях кризисных процессов в

экономике в конце 2014 — начале 2015 г. Причём они оказали влияние не только на потребительские настроения, но и на социальное самочувствие в целом.

В частности, динамике ИПН соответствуют равнонаправленные изменения таких индикаторов изменений в социальной сфере общества, как «социальное настроение» и «запас терпения» населения. Методика расчета этих показателей такова. Индекс социального настроения рассчитывается как разность между долей ответивших «прекрасное настроение; нормальное, ровное состояние» и долей ответивших «испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску» на вопрос: «Что бы Вы могли сказать о своём настроении в последние дни?». К полученному результату прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Индекс запаса терпения населения определяется как разность между долей ответивших «всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть» и долей ответивших «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» на вопрос: «Как Вы считаете, какое из приведённых высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?». К полученному результату прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин.

В период с февраля 2014 г. по февраль 2015 г. динамика данных показателей имела высокую степень согласованности с индексом потребительских настроений. Так, за год индекс социального настроения населения региона уменьшился на 7 пунктов (со 138 до 131 п.), индекс запаса терпения — на 11 пунктов (со 168 до 157 п. соответственно). Наиболее существенное ухудшение социального самочувствия наблюдалось в последние два месяца: соответствующие индексы снизились на 16 и 9 пунктов.

Динамика потребительских настроений отражается и на оценке деятельности федеральных и региональных структур исполнительной власти.

В феврале 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. индексы одобрения деятельности Президента РФ и губернатора Вологодской области существенно не изменились (145,8 и 100,9 пункта соответственно; рис. 17). Индексы одобрения деятельности Президента РФ и губернатора области рассчитывались как разность между долей ответивших «полностью и в основном одобряю» и долей ответивших «полностью и в основном не одобряю» на вопросы: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?» и «Как Вы оцениваете в настоящее время дея-

тельность губернатора?». К полученному результату прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Достигнутый уровень поддержки представителей федеральной и региональной государственной власти остается стабильным с июня 2014 г.

В то же время следует отметить, что в декабре 2014 – феврале 2015 г. ухудшились оценки деятельности главы государства по решению таких ключевых проблем: подъём экономики и повышение благосостояния граждан (доля положительных отзывов сократилась с 38 до 34 %), наведение порядка в стране (доля положительных ответов снизилась с 52 до 50 %, одновременно вырос удельный вес негативных отзывов — с 35 до 37 %).

Опыт социологических измерений (в частности, динамика данных индикаторов в условиях экономического кризиса 2008 г.) показывает, что сохранение и дальнейшее углубление наметившихся негативных тенденций в динамике потребительских настроений может непосредственным образом отразиться на поддержке деятельности властей и привести в последующие месяцы к снижению уровня их одобрения.

Таким образом, динамика ИПН отражает широкий спектр явлений общественной жизни страны и региона: как сугубо экономические, так и политические, социальные и иные процессы.

Последние сведения свидетельствуют, что в условиях кризисных процессов в экономике страны и региона резко ухудшились ИПН и составляющие его частные индексы, что затронуло все основные социально-демографические группы.

Пока ухудшение материального положения и социального самочувствия не отражается на уровне поддержки федеральных и региональных органов государственной власти, однако, как показывает опыт социологических исследований, данные изменения в ближайшем будущем могут привести к комплексным негативным последствиям, а главное — к потере доверия к власти.

ИПН как комплексный индикатор социально-экономических перемен не только чутко зафиксировал экономическую ситуацию, но и отреагировал на её возможные изменения, что представляет определённые возможности прогнозирования дальнейшего развития.

Опыт исследований (российских и региональных) показывает, что через некоторое время после резких изменений ИПН, обычно через 3–4 месяца, можно ожидать важных событий в жизни страны и региона.

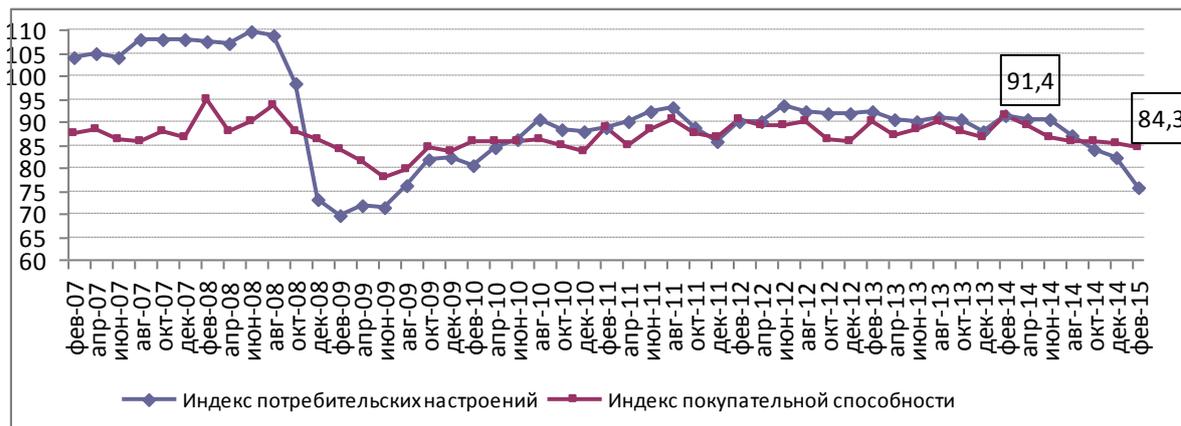

Рис. 13. Динамика ИПН и индекса покупательной способности доходов населения

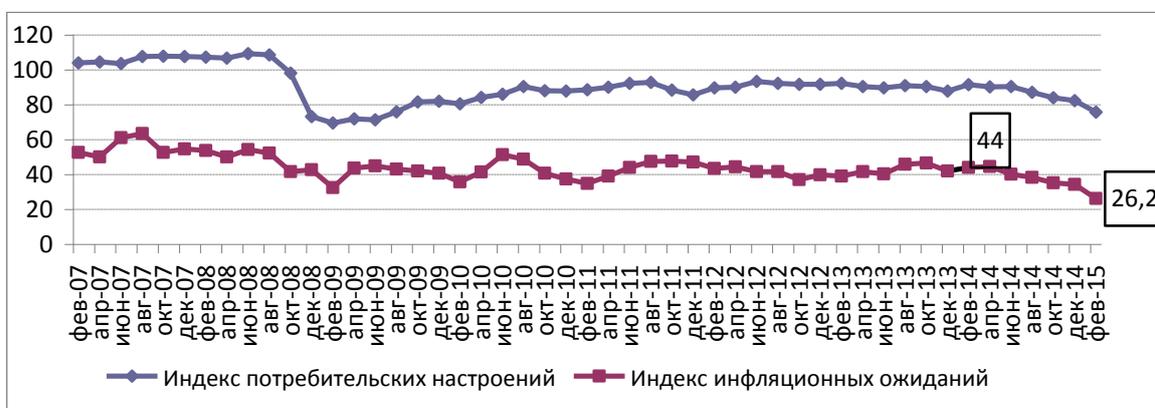

Рис. 14. Динамика ИПН и индекса инфляционных ожиданий

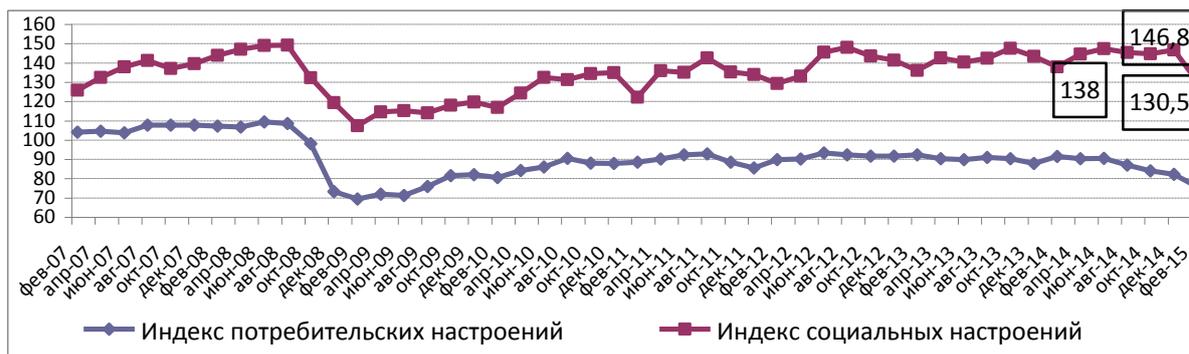

Рис. 15. Динамика ИПН и индекса социального настроения

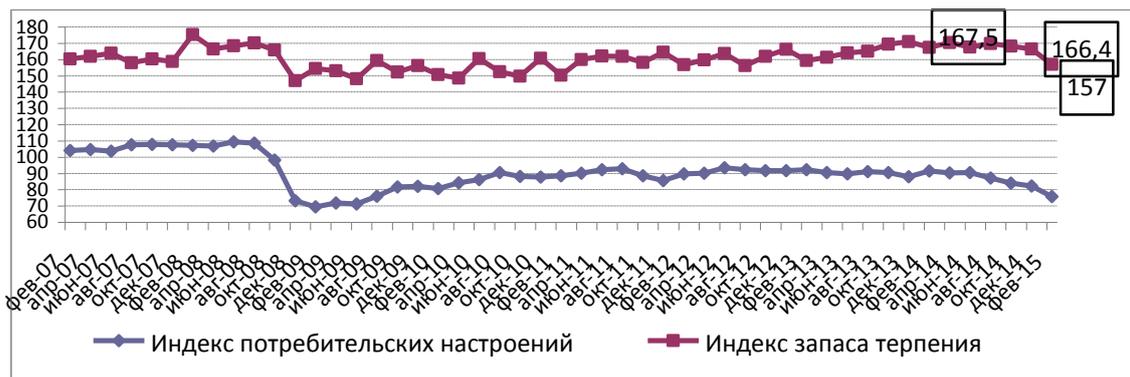

Рис. 16. Динамика ИПН и индекса запаса терпения

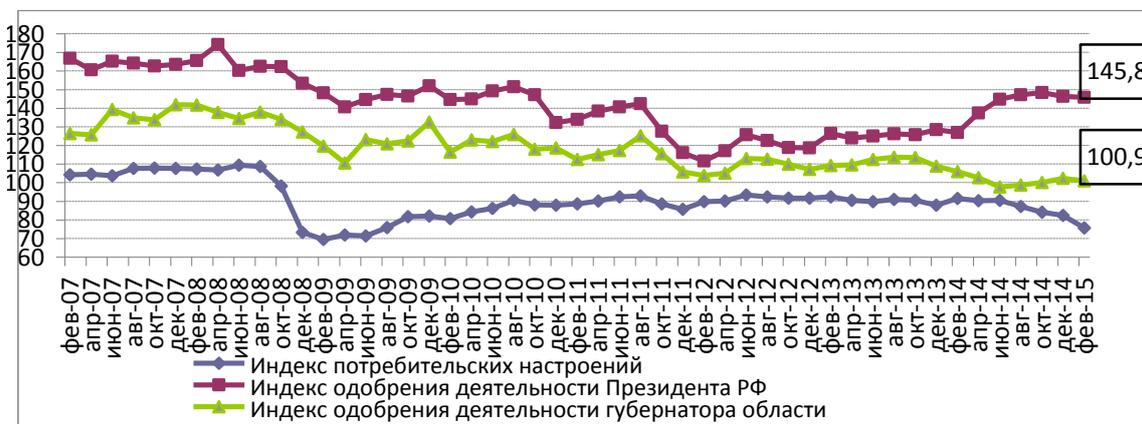

Рис. 17. Динамика ИПН и индексов одобрения деятельности Президента РФ и губернатора области

Список литературы

1. Березин В.В. Выявление особенностей покупательского поведения и его роль при формировании потребительского капитала торговой марки // Вестник Российского нового университета. 2011. № 2. С. 154–161.
2. Гулин К.А. Социальная ситуация в регионе и потребительские настроения населения. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2000. 42 с.
3. Гулин К.А., Новожилов С.А. Динамика потребительских настроений населения Вологодской области в 2000 г. // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2001. № 14. С. 29–40.
4. Доля расходов домашних хозяйств на конечное потребление в ВВП. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 03.03.2015).
5. Дорохова Ю.В. Исследовательские подходы к потребительскому поведению в системе социально-экономических отношений // Среднерусский Вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 50–56.
6. Ильин В.А., Гулин К.А. Индекс потребительских настроений: тенденции и перспективы социально-экономического развития в оценках населения Вологодской области в 1997 году // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 1997. № 4. С. 73–93.
7. Ильин В.А., Гулин К.А. Потребительские настроения как индикатор социально-экономических перемен / под ред. М.Ф. Сычева. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1999. 40 с.
8. Индекс потребительских настроений. URL: <http://www.levada.ru/indeksy> (дата обращения: 03.03.2015).
9. Индекс потребительских настроений / Методология анализа настроений потребителей. URL: http://www.socpol.ru/research_projects/ipn/methodology.shtml (дата обращения: 03.03.2015).
10. Индекс потребительских настроений. URL: <http://www.levada.ru/indeks-potrebitelskikh-nastroenii> (дата обращения: 03.03.2015).
11. Индекс настроения потребителей от универси-

- гета Мичигана. URL: http://www.fxteam.ru/forex-library/fundamental-analyse/uom_consumer_sentiment/ (дата обращения: 03.03.2015).
12. *Индексы* потребительских цен на товары и услуги населению. URL: <http://vologdastat.ru:8085/digital/region10> (дата обращения: 03.03.2015).
 13. Красильникова М.Д. Как российское население переживает очередной экономический кризис [Текст] / М.Д. Красильникова // Мир России: социология, этнология. 2010. № 4. С. 162–181.
 14. Левашова Ю.Г. Влияние комплексного подхода на потребительское поведение // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. 2001. № 2. С. 253–256.
 15. *Общественное мнение* – 2011. М.: Левада-центр, 2012. Вып. 12. С. 54.
 16. Празян Е.М. Современные теории потребительского поведения // Вестник Евразийской академии административных наук. 2001. № 3. С. 81–93.
 17. *Российская Г.М.* К методологии анализа экономического поведения потребителя // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2007. № 6. С. 72–80.
 18. *Северо-Запад России: тенденции общественных настроений 2005–2010 гг.* / К.А. Гулин, С.В. Озорнина, И.Н. Дементьева, Т.П. Кожина // Тенденции и проблемы развития региона: научные труды: в 4 т. Т. 3: Социальный императив регионального развития: в 2 ч. Ч. II. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. 662 с.
 19. *Социально-экономическое положение Вологодской области в январе 2015 года: доклад.* Вологдастат. Вологда, 2015. 90 с.
 - the region: facts, tendencies, prediction]. 2011, no 14, pp. 29–40. (In Russian).
 4. *Dolya rashodov domashnih hosyajstv na konechnoe potreblenie VVP* [Households' expenses share in final consumption of gross domestic product]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (Accessed 03.03.2015). (In Russian).
 5. Dorohova Yu.V. [Research approaches to consumer behaviour in the system of socio-economic relations]. *Srednerusskij vestnik obschestvennyh nauk* [Central Russian journal of social sciences]. 2010, no 4, pp. 50–56. (In Russian).
 6. Il'in V.A. [Consumer sentiment index: tendencies and prospects of socio-economic development in Vologda population's estimations in 1997]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny v regione: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes in the region: facts, tendencies, prediction]. 1997, no 4, pp. 73–93. (In Russian).
 7. Il'in V.A. *Potrebitel'skie nastroyeniya kak indikator sotsial'no-ekonomicheskikh peremen* [Consumer sentiment as an indicator of social and economic changes]. Vologda, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science Publ., 1999, 40 p. (In Russian).
 8. *Indeks potrebitel'skih nastroyenij* [Consumer sentiment index]. Available at: <http://www.levada.ru/indeksy> (Accessed 03.03.2015). (In Russian).
 9. [Consumer sentiment index]. *Metodologiya analiza nastroyenij potrebitelej* [Methodology of consumer sentiment analysis]. Available at: http://www.socpol.ru/research_projects/ipn/methodology.shtml (Accessed 03.03.2015). (In Russian).
 10. *Indeks potrebitel'skih nastroyenij* [Consumer sentiment index]. Available at: <http://www.levada.ru/indeks-potrebitelskikh-nastroyenii> (Accessed 03.03.2015). (In Russian).
 11. *Indeks nastroyeniya potrebitelej ot univrstiteta Michigan* [Consumer sentiment index of university of Michigan]. Available at: http://www.fxteam.ru/forex-library/fundamental-analyse/uom_consumer_sentiment/ (Accessed 03.03.2015). (In Russian).
 12. *Indeksy potrebitel'skih tsen na tovary i uslugi naseleniyu* [Consumer price index for goods and services for population]. Available at: <http://vologdastat.ru:8085/digital/region10> (Accessed 03.03.2015). (In Russian).
 13. Krasil'nikova M.D. [How Russian population goes through yet another economic crisis]. *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya* [World of Russia: sociology and ethnology]. 2010, no 4, pp. 162–181. (In Russian).
 14. Levashova Yu.G. [Complex approach influence on consumer behaviour]. *Ekonomika i upravlenie: novye vyzovy i perspektivy* [Economics and manage-

Получено 01.05.2015

References

- ment: new challenges and prospects]. 2001, no 2, pp. 253–256. (In Russian).
15. *Obschestvennoe mnenie - 2011* [Public opinion - 2011]. Moscow, Levada-center Publ., 2012, no 12, p. 54. (In Russian).
 16. Prazyan E.M. [Modern theories of consumer behaviour]. *Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnyh nauk* [Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences]. 2001, no 3, pp. 81–93. (In Russian).
 17. Rossijskaya G.M. [To methodology of consumer's economic behavior analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika* [Moscow State University Herald. Series 6: Economics]. 2007, no 6, pp. 72–80. (In Russian).
 18. [North-West of Russia: public sentiments tendencies in 2005–2010]. *Tendentsii i problemy razvitiya regiona: nauchnye trudy: v 4 t. T. 3: Sotsial'nyj imperativ regional'nogo razvitiya: v 2 chastyah. Chast' 2* [Tendencies and problems of region's development: scholarly works: in 4 vol. Vol. 3: Social imperative of regional development: in 2 parts. Part 2]. Vologda, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science Publ., 2011, 662 p. (In Russian).
 19. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Vologodskoj oblasti v yanvare 2015 goda: doklad* [Vologda Region's socio-economic situation in January, 2015: report]. Vologda, Vologdastat Publ., 2015, 90 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.05.2015

Об авторе

Дементьева Ирина Николаевна

младший научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук,
160014, Вологда, ул. Горького, 56а,
e-mail: irinika_74@mail.ru

About the author

Dementieva Irina Nikolaevna

Junior Researcher of Laboratory Studies of Social Processes

Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Sciences,
56a, Gorkiy str., Vologda, 160014, Russia;
e-mail: irinika_74@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дементьева И.Н. Потребительские настроения населения Вологодской области в условиях социально-экономических изменений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 105–118.

Please cite this article in English as:

Dementieva I.N. Consumer sentiment in Vologda region in terms of socio-economic changes // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 105–118.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

**«ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ»
КРУГЛЫЙ СТОЛ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ВЯТГГУ»,
ФЕВРАЛЬ 2015 г.****Ведущий: доктор философских наук, профессор М.И. Ненашев***Ненашев Михаил Иванович**Вятский государственный гуманитарный университет***«THE UNITY AND DIVERSITY OF RUSSIAN PHILOSOPHY»
THE ROUND TABLE IN EDITORIAL OFFICE
OF «VYATKA STATE HUMANITIES UNIVERSITY HERALD»,
FEBRUARY, 2015***Mikhail I. Nenashev**Vyatka State Humanities University*

История русской философии может быть понята как то, что творится живыми, мыслящими и чувствующими людьми, в том числе в диалоге между носителями разных мировоззрений. В таком случае ее единство не может быть чем-то таким, что дано однажды и навсегда. Оно должно постоянно переопределяться или, по крайней мере, уточняться. Обсуждение проблем русской философии воспринималась присутствующими на круглом столе как способ участия в этой сложной и интересной работе.

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии МГУ **М.А. Маслин** (Москва) представил доклад «Единство и многообразие русской философии». Он подчеркнул, что «русская философия, являясь органической частью всеобщей истории философии, отображает в то же время внутреннюю историю русского самосознания, выраженную в философских идеях, течениях, концепциях и системах, отражающих национально-своеобразное осмысление универсальных философских проблем» [1, с. 7]. Следует различать объективное существование русской философской мысли, подтверждаемое источниками и восходящее к XI в., и ее научное описание, существующее немногим более 170 лет. Дело в том, что первая книга по истории русской философии была опубликована в 1840 г., она принад-

лежала перу архимандрита Гавриила, профессора Казанского университета. Этот временной разрыв породил особое разнообразие мнений о русской философии, обусловленных методологическими, идеологическими, ценностными и другими мотивациями.

М.А. Маслин выделил главные этапы развития русской философии: средневековый период (XI–XVII вв.), философия Нового времени (XVIII в.), философия XIX в. и философия XX–XXI вв.

Дохристианская (языческая) культура Древней Руси была бесписьменной, ее мировоззренческую основу составлял политеизм. Человек и Вселенная подчинялись неизменному круговороту природных циклов. Не было понимания хода исторического времени, направленности и смысла истории как процесса. Христианство внесло идею «начала» и «конца», применимую как к отдельному человеку, так и к человеческой истории в целом. Были введены темы моральной ответственности за содеянное при жизни: греховности, покаяния, жалости к несовершенному человеку. Лейтмотив русской философии был подчеркнут в начале XX столетия В.В. Розановым: «Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости». Это высказывание свидетельствует о внутреннем единстве русской философии, которое выражается

в «переключке» ее основополагающих идей, отделенных друг от друга порой столетиями.

В советский период русская философия впервые стала предметом университетского преподавания. Однако в ее рамках под видом философских концепций нередко рассматривались религиозные, социально-политические, а также мифологические идеи, в т.ч. бесписьменных источников народов СССР. В преподавании же собственно русской философии делался акцент на концепциях, связанных с материализмом и социализмом.

В постсоветский период широкое распространение получают плюралистические версии русской философии. Однако «вместо “собираания в единство” огромного многообразия разных проявлений интегральной отечественной философской культуры разных эпох можно наблюдать ее насильственное “приведение к общему знаменателю”, хотя философия может быть понята в разные эпохи по-разному, не только как история систем или как наука, но и как мудрость, или как искусство» [1, с. 14]. В результате одни фрагменты целого русской философии объявляются главными достижениями и противопоставляются другим в качестве чуть ли не бессодержательной периферии.

В совместном выступлении **Т.Г. Щедриной**, доктора философских наук, профессора кафедры философии Московского педагогического государственного университета, и **Б.И. Пружинина**, доктора философских наук, гл. редактора журнала «Вопросы философии», ведущего научного сотрудника Института философии РАН, профессора НИУ «Высшая школа экономики» (Москва), внимание акцентировалось на том, что в разговоре о русской философии и философах имеется в виду творчество тех мыслителей, которые размышляли о философских проблемах на русском языке и благодаря этому были укоренены в русской культуре. «Их судьбы складывались очень по-разному, они могли жить в России и не в России, они могли писать свои работы на русском и не на русском языке, они могли интересоваться и исследовать самые разные философские сюжеты, они могли разрабатывать самые различные тенденции мировой философии... Но именно родной язык пронизывал их размышления и определял их идейные горизонты. Конечно же, отнюдь не только через язык они впитывали в себя отечественную культуру во всей ее полноте, но именно через родной язык они реализовывали ее потенциал в своих поисках» [1, с. 17].

Выделим также другую мысль: «Когда в начале 1990-х началась реализация проекта “Из истории отечественной философской мысли”, казалось, что вот сейчас мы Струве издадим, вот сейчас мы Бер-

дяева издадим, и нам всё станет ясно — они нам объяснят, как философия сегодня, в эпоху крутых социально-экономических изменений должна выполнять свои функции, они объяснят это всем, и страна будет жить этими идеями. Между тем все более настойчиво приходило ощущение разрыва, ощущение несоотнесенности их идей с новой реальностью». Выяснилось, что «философы первой половины XX в. отвечали на вопросы, которые им ставила их реальность, а мы сталкивались со своей... Извлеченные из перепечатанных работ идеи как бы парили над временем. ...Мы все острее ощущали разрыв, внеисторическую абстрактность их текстов» [1, с. 17]. А ведь когда начинали издавать, было такое чувство, что мы сейчас разрыв в культуре преодолеем и «прерванный полет» продолжим. Не получалось. Переиздание без истории оказалось не возрождением, а воспроизведением. Стало понятно, что нужна серьезная комментаторская работа для выяснения того, что собственно русские философы первой половины XX в. хотели сказать в их историческом контексте.

Здесь можно наметить связь с мыслью **Л.Е. Моториной**, профессора кафедры философии факультета социального инжиниринга Московского авиационного института (национального исследовательского университета). Опираясь на исследование итальянского философа Витторио Страда, она отмечает, что в XXI в. «Россия оказалась перед более трудными и рискованными задачами, чем когда либо в своем историческом прошлом, потому что на карту поставлено само ее существование, и не столько физическое, сколько духовное, при том, что ей необходимо освободиться от слишком многих иллюзий и особенно — соблазнов искать решения на пути реставрации и авторитаризма» [1, с. 88]. И что «сложность ситуации заключена в том факте, что нити преемственности русской культуры оказались гораздо слабее, чем те разломы и разрывы, которые случились в истории России во всех ее сферах: экономической, политической, религиозной, духовной» [1, с. 28–29].

В выступлении **С.А. Нижникова**, доктора философских наук, профессора кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва), отмечено, что М.А. Маслин блестяще показал единство развития русской философии во всем ее многообразии, описал вехи этого пути. Но важно иметь в виду, что русская философия, так, как она сейчас понимается, не покрывает собой понятия «философия в России», «которая богаче и многообразнее, включает в себя фундаментальные исследования восточных философий — китайской,

индийской, арабо-мусульманской, латиноамериканской и др.» [1, с. 25]. В России сложились философские и историко-философские школы с более чем вековой историей. Эти школы развиваются в России и на основе русской культуры, поэтому это тоже варианты развития русской философии и истории философии по изучению иных духовных миров. Россия и русская мысль — это место встречи культур Запада и Востока, и отечественные мыслители, особенно XX и начавшегося XXI в. синтезируют это многообразие философских и духовных течений и достижений.

В «лоне» русской религиозной философии также осуществлялся проект построения «метафизики веры», которая несводима ни к религии, ни к науке, ни к мистике. Ее можно определить «как *духовная философия*, ибо ее предметом является духовное познание, осуществляемое посредством *веры* и закрепляемое в философском дискурсе. Метафизика веры, в этом смысле, есть тот “просвет бытия”, в который призван экзистировать человек, т.е. приобщать к реальной, осмысленной духовной жизни» [1, с. 25]. Здесь открываются перспективы дальнейшего развития (софиология, имяславие, эсхатологическая историософия, персонализм и др.). Можно также говорить о параллелизме историко-философского процесса в европейском масштабе, сравнивая, например, в этом контексте творчество Л.С. Франка и М. Хайдеггера.

В выступлении **В.В. Ванчугова**, доктора философских наук, профессора кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, были раскрыты детали процесса создания книги архимандрита Гавриила об истории русского любомудрия. У этой книги с современной точки зрения много недостатков: компилятивность, диспропорции в объеме при представлении персоналий, присутствие третьестепенных лиц при отсутствии многих безусловно значимых для философии мыслителей. Также «присутствует сумбурность изложения и размытость формулировок; невнятная методология, чрезмерное усердие в следовании “духу времени”, проявившееся в буквальном исполнении предписаний начальства из Министерства народного просвещения» [1, с. 16]. И все же архим. Гавриил был единственным, кто взялся за написание истории философии в России, завершив ею четырехтомный курс всеобщей истории философии: «Он был первым, кто сделал подобную работу, не только, фигурально выражаясь, богоугодную, но и полезную для философии» [1, с. 16].

Л.Р. Авдеева, кандидат философских наук, ст. научный сотрудник кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, напо-

мила слова из доклада М.А. Маслина: началом и образцом средневековой русской философской мысли является «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона. Эта работа в идейном плане восходит к сочинениям «отцов церкви» IV–V вв., в частности к Гр. Нисскому, развивавшему учение об эсхатологическом милосердии. «Произведение Илариона посвящено осмыслению значения христианизации Руси как пришествия “благодати” и “истины”» [1, с. 27]. «Слово о законе и благодати» оказалось смыслообразующим для последующих философско-исторических построений русских мыслителей. «Концепция, ориентирующаяся на противопоставление “закона” и “благодати”, становится распространенной и общезначимой, это свидетельствует о том, что древнерусские книжники готовы были иносказательно толковать традиционные библейские сюжеты. Это лишь один пример, позволяющий говорить о возрастании стремления самостоятельно обдумывать и оценивать социально значимые проблемы» [1, с. 27]. В разнообразии школ и систем, которое само по себе является исторической и культурной ценностью, связь с древнерусской традицией в этом калейдоскопе может показаться призрачной, но она, несомненно, присутствует в качестве одной из основ появления всего этого многообразия.

С.В. Срегенская, кандидат философских наук, магистрант кафедры философии института истории и культуры ВятГГУ (Киров), обращается к рассуждениям В.Ф. Эрна по поводу ratio и Логоса как двух типов философствования. Ratio, по мысли В.Ф. Эрна, — это орудие самоутверждения человека, ускользнувшего из «могучих и властных рук католической церкви», в то же время это — орудие, препарирующее живую мысль. «Личностное начало для ratio иррационально, и потому всё рациональное должно мыслиться вне категорий личности, то есть, имперсонально. Личность должна эмигрировать из философии в область искусства и религии. Таким образом, рационализм, меонизм, имперсонализм — три черты, характеризующие новую европейскую мысль» [1, с. 30].

По мысли В.Ф. Эрна, для Логоса характерна онтологическая, а не гносеологическая концепция истины. «Λόγος свидетельствует об отклике человеческой мысли на божественный “клик”, но, тем не менее, остаётся, как и ratio, знанием божественного, опосредованным мыслью, или ratio, “усыновлённым” Словом» [1, с. 30].

Умудрённое неведение как модус Λόγος’a репрезентировано в таком концепте, как «понимание» (В.В. Розанов). Понимание не подвластно че-

ловеку, стремясь к пониманию, человек выполняет не свою волю, но повинуется воле создавшего его. Осознавая, что мир непостижим и человеческая природа несовершенна, тем не менее, *понимая*, человек следует своему предназначению на земле.

Е.А. Счастливец, доктор философских наук, доцент кафедры философии факультета истории и культуры ВятГГУ (Киров), обратила внимание на ту роль, которую сыграли Г.Г. Шпет и Н.О. Лосский в истории русской философии. Согласно Шпету, естественное познание основано на объяснении законов, а в гуманитарной области мы имеем дело с постижением смысла. «Он ставит проблему взаимосвязи интуиции и понимания как феноменологического “схватывания” сути предмета, постижения его смысла, поднимает целый пласт проблем, в том числе в области лингвистики, семантической логики и семиотики и т.д.» [1, с. 32].

Лосский как последователь философии В. Шуппе строит учение о внутренних актах нашего сознания, оставаясь продолжателем некоторых специфических черт русской философии начала XX в. «Возникает вопрос: где находится объект знания, на который направлено переживание — вне процесса переживания или в самом этом процессе? В первом случае знание имеет трансцендентный характер, а во втором оно имманентно. Лосский полагает, что построить концепцию трансцендентного знания без противоречий нельзя, поскольку здесь уже будет ощущаться разрыв между субъектом и объектом, тогда как теория имманентности вполне приемлема, так как снимает все противоречия между субъектом и объектом» [1, с. 33]. Можно согласиться с Лосским, что если знание относится к объектам внутреннего восприятия, то имманентность объекта самому знанию еще более очевидна. Но в случае отсутствия объекта в самом познавательном процессе в его философии возникает проблема, решение которой не очевидно.

Т.А. Горюнова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии института истории и культуры ВятГГУ (Киров), обратила внимание на мысль в докладе М.А. Маслина о внутреннем диалоге русской философии с антично-христианским Логосом и новоевропейской рациональностью. И остановилась на связи концепции имени С.Н. Булгакова с идеями античных и новоевропейских авторов.

Булгаков отталкивается от идеи внутренней формы, согласно которой слова как первоэлемент мысли и речи суть носители мысли и выражают идею как простое и далее неразложимое качество

бытия. «Идея слова есть чистая качественность смысла, не допускающая никакого определения через другое, через контекст. Её нужно воспринять абсолютным слухом. Процесс именования... есть первичное и элементарное познание, узнавание в вещах их смысла и закрепление этого узнавания в имени. Воплощаясь в словах, идеи просветляют алогичное, тёмное бытие, привнося в мир осмысленность» [1, с. 33].

Булгаков рассматривает сущностные признаки слова на основе «нераздельного и неслиянного» бытия формы и материи. Понятие Булгакова «тело слова» — это метафора, под которой мыслитель подразумевает внутреннюю форму, восходящую к концепциям Платона и Аристотеля. Нематериальная энергия слова полнокровно осуществляется только в материи, тесно с ней сопряжена, становясь в этом случае материей, освещённой формой.

Т.М. Караев, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, подчеркнул роль идей Н.Г. Чернышевского, который был знаком с работой известного уже тогда востоковеда Мирзы-Казембека «Общая грамматика турецкого, татарского языка». Чернышевскому же принадлежит рецензия на народный азербайджанский эпос «Кёр-оглы», опубликованный в 1856 г. Он напомнил, что в личной библиотеке М.Ф. Ахундова сохранились записи, появившиеся во время чтения романа Чернышевского «Что делать». «Ахундов вслед за Чернышевским приходит к выводу, что философия — это наука, которая может привести к социальной гармонии и справедливости. Данная установка привела Ахундова к позиции полного отрицания ислама как устаревшего типа мировоззрения, неспособного вести по линии прогресса» [1, с. 35].

Заслуга Н.Г. Чернышевского состоит также в расширении ареала культуры России и русского языка, «в проникновении в кавказскую обществоведческую мысль идей мировой философии и таких имен, как Гегель, Кант, Фейербах, Спиноза, Конт, Шеллинг, И. Бентам, Дж.С. Милль, П.Ж. Прудон, Л. Блан, П. Леру, Ш. Фурье и др.» [1, с. 35–36]. Было подчеркнуто, что проблемы взаимопроникновения и синтеза русской и кавказской культуры в историческом аспекте всегда остаются актуальными.

О.В. Пих, аспирантка кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, обратила внимание на то, что «отечественное любомудрие для многих ассоциируется лишь с калькой европейских идей, перенесённых на русскую почву и высказанных понятным для нашего мента-

литета языком» [1, с. 36]. Однако цельное представление о русской философии может быть получено лишь в результате осмысления *всей её истории* от Киевской Руси до наших дней. Нужно иметь смелость представить историю русской философии в её реальном виде, обозначив в том числе её сильные и слабые стороны, выделив влияние и внешних факторов. Некоторый синкретизм и противоречивость русской философии не должны умалчиваться, они подчеркивают индивидуальность, собственный путь искания истины.

А.Ю. Бердникова, аспирантка кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, отметила, что именно в XVIII–XIX вв. в России начинается становление светского типа философствования на базе открывающихся по всей территории страны университетов. «Решающую роль при этом сыграли русско-немецкие связи, позволявшие приглашать немецких профессоров в российские университеты. Также велик был интерес к идеям немецких просветителей того времени — Г. Лейбница и Х. Вольфа, занимавших для русских мыслителей особое место в ряду западных рационалистов» [1, с. 37]. Идеи Лейбница были усвоены через призму взглядов Х. Вольфа М.В. Ломоносовым, который использовал учение о монадах в своей теории корпускул, при этом абстрагируясь от понимания монады как духовной, идеальной сущности.

Председатель Московской философско-математической школы Н.В. Бугаев строил свое учение о монадах, исходя из принципа математической прерывности, идеи Бугаева переосмыслил в религиозно-эсхатологическом контексте о. Павел Флоренский.

М.И. Ненашев, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и рекламы факультета социальных технологий ВятГГУ (Киров), отметил, что можно различными способами представить русскую философию как единство многообразия школ, направлений, подходов. Очевидно, что точка зрения докладчика М.А. Маслина позволяет получить многоликую и одновременно связанную картину проблемного мыслительного поля русской философии. В то же время русскую философию можно представить также через движение от *идеи единства* к многообразию. В этом случае само многообразие будет выглядеть несколько иначе — в виде совокупности концепций и направлений, которые *нельзя измерить одной мерой*. «Образно говоря, мы должны признать, что не все ветви русской философии растут из одного ствола. Тем не менее, развиваясь параллельно и переплетаясь друг с другом, эти стволы образуют

вот таким способом национально-своеобразное смысловое единство русской философии» [1, с. 39].

М.И. Ненашев ссылается на И.И. Евлампиева, который охарактеризовал русскую культуру в качестве диссонансной [2, с. 33–40], и считает, что эту характеристику вполне можно перенести на русскую философию. Диссонансная, выступающая в виде драматического диалога несовместимых мировоззрений, но именно поэтому — единая.

В.А. Кувакин, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, подчеркнул, что далеко не каждая страна имеет собственную оригинальную и богатую национальную философскую традицию. А в России она есть. Эта интеллектуальная традиция наряду с литературой, наукой и искусством входит в наследие не только отечественной, но и мировой культуры. Русская философия была, есть и будет независимо, а иногда и вопреки каждому из нас. И в этом проявляется ее историко-онтологическая субстанциальность. В гносеологическом аспекте она предстает как познание, отражение и переживание вечных философских тем, а также глубинных метафизических и историософских тем о самой России, ее отношении к себе и к миру в целом.

«Словосочетание “история русской философии” омонимично, поскольку история русской философии представляет собой, во-первых, объективный процесс ее зарождения и развития, бытования в нашей стране в качестве реальной компоненты отечественной культуры... И в этом проявляется ее историко-онтологическая субстанциальность. Во-вторых, она — область знания, существующая здесь-и-теперь, всегда для настоящего и лишь идеально для прошлого и потенциально — для будущего. В своем гносеологическом аспекте она предстает как познание, отражение и переживание русским философским сознанием вечных философских тем, так же как и глубинных метафизических и историософских тем о самой России, ее отношении к себе и к миру в целом» [1, с. 40].

Но и это не все, поскольку история русской философии — аксиологична, ценностна. «Мы имеем здесь дело с ценностью экзистенциальной, т.е. жизненно важной, потому что независимо от того, знаем мы это или нет, желаем мы того или нет, но русская философия прямо, но чаще подпочвенно, через психологию и язык, литературу или политику, историю или быт входит в состав нашего *родного, родимого*, становясь для нас такой же близкой, как мать, отец, родня, как близкие нам люди, как родной ландшафт или язык...» [1, с. 40].

Опыт преподавания истории русской философии показывает, что при благоприятных условиях происходит *расширение* круга нашего интереса к ней, *рост* уважения и даже любви, включение в область нашего *эмпатического* чувства практически всей тысячелетней саги русской мысли и всех персонажей этой потрясающей человеческой и идейной драмы.

В заключительном слове профессор **М.И. Ненашев** признал, что круглый стол обнаружил большое разнообразие точек зрения, аспектов и подходов. Какую-то общую методологию, основанную на универсальном подходе к интерпретации истории русской философии как научной дисциплины на современном этапе, по-видимому, выделить невозможно. Впрочем, важно не навязывать видение данного предмета в пределах какой-то «образцовой» объяснительной модели, но добиться максимально широкого охвата всего многообразия форм русской философской мысли.

Список литературы

1. *Круглый стол «Единство и многообразие русской философии»* // Вестник Вятского государственного

университета. 2015. № 2. С. 6–45.

2. *Евlampиев И.И.* История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2000. Т. 1. 416 с.

Получено 01.05.2015

References

1. [Round table «The Unity and Diversity of Russian philosophy»]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Vyatka State Humanities University Herald]. 2015, no 2, pp. 6–45. (In Russian).
2. Evlampiev E.I. *Istoriya russkoj metafiziki v XIX-XX vekah. Russkaya filozofiya v poiskah Absolyuta: v 2 t.* [History of Russian metaphysics in XIX-XX centuries. Russian philosophy in search of Absolute: in 2 vol.]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2000. Vol. 1, 416 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.05.2015

Об авторе

Ненашев Михаил Иванович

доктор философских наук, профессор кафедры социологии и рекламы

Вятский государственный гуманитарный университет,
610002, Киров, ул. Красноармейская, 26;
e-mail: mnenashev@inbox.ru

About the author

Nenashev Mikhail Ivanovitch

D.Sc. (Habilitation), Professor of Philosophy and Advertising Department

Vyatka State Humanities University,
26, Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002, Russia;
e-mail: mnenashev@inbox.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ненашев М.И. «Единство и многообразие русской философии». Круглый стол в редакции журнала «Вестник ВятГУ», февраль 2015 года // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 119–124.

Please cite this article in English as:

Nenashev M.I. «The Unity and Diversit of Russian philosophy». The Round table in editorial office of «Vyatka State Humanities University Herald», February, 2015 // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 119–124.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в международные базы данных Ulrich's Periodicals Directory и EBSCO Discovery Service, в электронные библиотеки «IPRbooks», «Университетская библиотека on-line», «КиберЛенинка», «Руконт», а также в электронную систему Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматруется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008. Библиографические ссылки оформляются с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3, 5, 7-10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81], [1, с. 81–82] или [1, с. 81; 3, с. 35]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. **Английский вариант списка литературы может быть выполнен сотрудниками редколлегии на основании правильно оформленного русского варианта**, однако редколлегия обращается к авторам с просьбой по возможности готовить английский вариант списка литературы самостоятельно.

Источники в **русском варианте списка литературы** располагаются в алфавитном порядке (сначала все источники на русском, затем — на иностранных языках) в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*. Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым базой данных SCOPUS, согласно рекомендациям эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevier.com/locate/elsevier/101062>).

Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «<», «>», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net: в верхнем правом углу вводится число 45848 и нажимается кнопка «Загрузить настройки»; в основное окно вводится текст на русском языке, нажимается кнопка «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi»), «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Bell D. *Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999, 956 p. (In Russian).

Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma [Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism]. Moscow, Mysl Publ., 1977, 190 p. (In Russian).

Orlov V.V., Vasileva T.S. *Philosophy of Economics [Filosofiya ekonomiki]*. Perm, Perm State University Publ., 2005, 264 p. (In Russian).

Шаблон для описания книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* [Название собрания сочинений или книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Leybnits G.V. *Monadologiya [Monadology]*. *Sochineniya, Tom 1* [Works, Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1982, 636 p. (In Russian).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [Contribution to the Critique of Political Economy]. *Sochineniya. T. 13* [Works, Vol. 13]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1960, pp. 1–784. (In Russian).

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название статьи курсивом* [Название статьи на английском языке]. *Транслитерированное название журнала курсивом* [Название журнала на английском языке], год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. *Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh* [The Idea of a Knowledge-Based Society]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19. (In Russian).

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название выступления курсивом*. [Название выступления на английском языке]. *Транслитерированное название конференции курсивом* [Название конференции на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Pigrov K.S. *Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak npravstvennaya problema* [Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyu 70-letiyu professora SPbGU P.N. Khmyleva* [Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2008, pp. 109–116. (In Russian).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Транслитерированное название статьи курсивом [Название статьи на английском языке]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu [War in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013). (In Russian).

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он указывается в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники список литературы делается только один, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться:

- индексом УДК.
- аннотацией 500–600 знаков с пробелами.
- ключевыми словами (до 15 слов) на русском и английском языках.
- информацией об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом), телефон — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, адрес электронной почты.
- рецензией научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, однако в ней следует избегать лишних вводных фраз (например: «Автор статьи рассматривает...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);

- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (необходимо предоставить скан-копию справки об обучении в аспирантуре, заверенную руководителем организации).

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2015 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1(21) — до 01 февраля	31 марта
в № 2(22) — до 01 мая	30 июня
в № 3(23) — до 01 августа	30 сентября
в № 4(24) — до 01 октября	28 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу:

<http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of *The Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. *The Perm University Herald* is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital libraries *IPRbooks*, *University Library On-line*, *CyberLeninka*, *Rucont* and also it is included in **Russian Science Citation Index**.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italics*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that the distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—) are observed. Centuries are written with Roman figures (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

Headings of the main sections of your contribution should be done in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions are to be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and earlier.

References should be presented as follows. Number of the source is indicated in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7-10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81], [1, p. 81-82] or [1, p. 81; 3, p. 35]). Each source is to be mentioned in the list of references only once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should only contain the sources cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

For **sources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

For **sources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the source language

For example:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

If your article has **DOI**, you should insert it at the end of the reference.

For example:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Please **do not use footnotes**. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 500–600 characters with spaces;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name, place of work and position, academic degree, academic title, mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board are not returned to the authors. The editors may edit the text of the contribution and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent to the e-mail address of the *Herald*: fsf-vestnik@yandex.ru.

The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

The author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her contribution the author confirms that the paper has not been previously published nor has it been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards.

Sending the manuscript the author confirms that he or she has been informed of the requirements for publication and agrees to act in accordance with them.

There is no fee for the publication of manuscript for doctorate students.

Submission deadlines in 2015

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1(21) February 1	March 31
No 2(22) May 1	June 30
No 3(23) August 1	September 30
No 4(24) October 1	December 28

Electronic versions of the previously published issues of *The Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru

Вестник Пермского университета
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2015
Выпуск 2 (22)

Редакторы *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 30.06.2015. Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 15,11.
Тираж 500 экз. Заказ

Спонсорскую помощь для издания научного журнала оказывает
ОАО «ROSSET»
<http://www.rosset-kzms.ru/>

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15